

СТЕЛЛА ВАЙНШТЕЙН

ШИБКА
ЗАКЛИНАТЕЛЯ

Эмма: Я очнулась на алтаре в другом мире. У меня докторская не дописана и на работе хватятся. Я не собираюсь втягиваться в местные интриги! Это ошибка!

Заклинатель: Годы исследований на благо чести семьи. У меня впервые в истории получилось непосильное другим. Где же ошибка?

Горец: Если заклинатель не смог защитить сестренку, я с радостью возьму на себя все хлопоты. Благодарю богов за его ошибку!

Дракон: Существование вас обоих одна большая ошибка, лучше бы вы не встретились на ее пути!

Глава 1

— Я слышал, наместник Ли собирается привести сегодня любимую наложницу, — вкрадчиво сказал дракон в сером одеянии советника, наклонившись к соседнему столику на банкете.

Танцовщицы взметнули розовые прозрачные рукава, подобные весеннему ветерку, но внимание трех драконов, обладающих острым слухом, уже переметнулось в сторону говорившего.

— Неужели западную ведьму? — заинтересовался дракон в синих одеждах ученого. В его глазах затлел холодный огонь. — Говорят, наместник Ли поглупел от страсти настолько, что подумывал отослать других наложниц и даже отказаться от законной жены. А еще ходили слухи, что ведьма привела в поместье двоих мужчин...

— Не слишком уж он дорожит ею, раз заставил совершить столь длинный и трудный путь в столицу, — перебил молодой дракон справа, скрывая веером промелькнувшие в улыбке острые зубы. — Драгоценным цветком любят в дворе, окруженном высокими стенами.

— Вопрос в другом, — продолжил советник, чуть приподняв уголки губ. — Что стоит за поступком наместника Ли? Отдав наложницу одному из гостей на банкете, он собирается наградить соратника или же, наоборот, наказать неверную?

Драконы притихли, обдумывая ситуацию. Каждому из них хотелось не только завладеть ведьмой, но и остаться в милости у наместника. Высокопоставленные драконы не слишком привязывались к наложницам и часто расставались с теми, которые не были способны зачать наследника. Считалось, что принять в дом отверженную весьма полезно, так создаются родственные связи с ее покровителем. Кроме того, наложницы, как никто другой, знакомы со вкусами бывшего господина. Каждый слышал историю дракона Мо, заполучившего молодую наложницу императора Хуанга и поднявшегося до уровня старшего советника.

С другой стороны, бывает, что одна мысль о бывшей возлюбленной воспламеняет гнев, и тогда одаренного женщиной отсылают в самый дальний и забытый богами уголок империи. Опасно ли привлечь внимание наместника или же соблазн слишком велик?

«А может, он вовсе не собирается избавляться от ведьмы? Если она полюбилась наместнику, он может попросить у отца разрешения сочетаться браком».

Молодой слуга не смел вступать в беседу знатных драконов, поэтому не озвучил мысли вслух. К тому же глупо предполагать подобное. Если подумать, наместник не показал бы любимую женщину сборищу жадных на добычу драконов. Сокровище держат за семью замками.

Император сидел за уставленным яствами столом и лениво наблюдал за стройными, как ивы, танцовщицами. Лучшие музыканты столицы исполняли ненавязчивую расслабляющую мелодию. Императрицы расположились на втором этаже за пологом, откуда могли наблюдать за представлением, оставаясь невидимыми. Нажниц высокого ранга тоже видно не было. Они сидели позади жен и могли лишь наслаждаться музыкой, не имея возможности даже одним глазком взглянуть на представление.

Слуга собрал опустевшие тарелки на поднос и, опустив голову, отточенными движениями пробрался между банкетными столами первого ряда, где сидели самые

уважаемые гости, а затем через второй ряд, где расположились более узкие столики мелких чиновников.

Распорядитель с метелкой в руках уже поигрывал бровями, выражая недовольство.

— Быстрее, Фанг! — прошипел он, подталкивая слугу острым набалдашником метелки под ребра. — Вторые блюда на кухне готовы к подаче.

Фанг, опустив в ответ глаза, поспешил к выходу. Молодой слуга отличался послушанием и немногословностью. Спесь из него жестоко выбили с самого детства.

В коридоре как раз проходил тот самый наместник Ли, огненный дракон с алыми волосами и хищными желтыми зрачками, высокий и способный подавить своим присутствием кого угодно. Вернее, он не шел, а почти бежал, сметая все на своем пути. Наместник Ли был известен оглушающей мощью атаки и вспыльчивым скверным характером. Если бы он сумел обуздать нрав, давно стал бы официальным наследником. Однако его положение и вовсе ухудшилось после странной истории, связанной с ранением, а затем объявилась западная ведьма. Говорили, он не в своем уме.

Молодой слуга текучим движением слился со стеной, убираясь с его пути, прижимая поднос с грязной посудой к животу. Наместник пролетел мимо, даже не удостоив его взглядом. Позади, семеня и покачиваясь, спешила закутанная в белые одежды фигура. Голову девушки закрывала широкая шляпа, полупрозрачная многослойная ткань ниспадала от шеи до самых туфель, пряча стройное тело от посторонних глаз. Кроме этого, лицо окутывала плотная вуаль, оставляя снаружи лишь широко распахнутые черные глаза. Проходя мимо слуги, девушка наступила на полу покрыва, споткнулась и полетела на пол.

Проворно перенеся уставленный тарелками поднос в одну руку, Фанг бросился вперед и удержал девушку от падения, ухватив под локоть. Она вскинула на него широко распахнутые глаза, наполненные паникой.

Услышав шум, наместник Ли резко развернулся, сжимая руки в кулаки. Увидев Фанга, прижимающего к себе ведьму, он вспыхнул гневом, из ноздрей к потолку потянулись две струйки дыма.

— Твои глаза... — удивленно сказала ведьма, глядя на Фанга, потом повернулась к наместнику и поспешила объяснить: — Мне стало дурно, я упала... Все в порядке, Дэн, не кипятись.

Фанг затаил дыхание. Непочтительные речи, невежливое обращение... Ведьме конец. Наместник испепелит ее на месте. Жаль, очень жаль. Как же от нее приятно пахло, и руки такие мягкие...

Наместник сжал губы, его скулы заострились, струйки дыма побелели и рассеялись.

— Скорей, покончим с этим, — буркнул он и отвернулся. — Время почти вышло.

— Спасибо, — прошептала ведьма и оттолкнула руку слуги.

Покачнувшись, встала на ноги и неровной походкой поспешила вслед за наместником.

У Фанга защемило сердце при взгляде на тонкую слабую девушку, но он заставил себя отвернуться. Слуга и себе-то помочь не мог, а жалеть кого-то еще — недоступная ему роскошь.

Ведьма замедлила шаг, обернулась и поманила Фанга пальцем. Возмутительно вульгарный жест.

— Скажи, — спросила она. — Кого мне выбрать? У кого доброе сердце?

Фанг застыл на месте, разглядывая пол. Пф-ф, глупый вопрос. Видимо, ведьма совсем не знает драконов. Может, наместник все же испытывает к ней извращенную ненависть, раз

позволил выбрать самой?

После долгого молчания Фанга впереди послышался рык наместника, и ведьма вздрогнула всем телом.

— Возьмите меня с собой, — наконец решился он. — Заберите меня отсюда.

Ведьма кивнула, подобрала полы платья, и, сверкая лодыжками и спотыкаясь, побежала вперед.

«Она больна», — понял Фанг. Драконы по природе хищники, они обладают чутьем, позволяющим выбрать из толпы слабую жертву.

На кухне его поколотили за опоздание, затем вручили блюда из овощей для второй перемены. Запах жареных побегов бамбука, блестящих от золотистого масла и посыпанных кунжутом, щекотал ноздри. В животе было пусто со вчерашнего дня, а за сегодняшний проступок ему не достанется и обедков.

В зале император как раз простер руку в сторону сына и произносил речь. Фанг умел быть невидимым и неслышимым, проскальзывая мимо чиновников и расставляя плошки.

— Сегодня примечательный день, раз наместник Ли наконец почтил своим вниманием столицу, — звучным вкрадчивым голосом произнес император. — Этот властитель уж подумал, что наместник пренебрегает обязанностями. Не будем говорить о делах, вознесем тост за чудесное выздоровление!

Алый дракон заскрежетал зубами, пытаясь удержать самообладание. К потолку потянулись две струйки дыма, вопиющее свидетельство потери контроля. Фигура в белом, безмолвно стоящая по правую сторону наместника за его спиной, протянула руку и легонько провела ладонью в перчатке по плечу дракона. Тот вздрогнул, возмущенно посмотрел назад, нахмутив прямые, как стрела, брови, но тут же успокоился.

— Наместник Ли благодарит императора, да проживет он десять тысяч лет!

Красноволосый дракон поклонился императору в знак уважения и поднес к губам чашу вина. Фанг заметил, как дернулся кадык, но был уверен, что наместник Ли не отпил ни капли.

По правде говоря, он не выглядел полностью оправившимся. Под желтыми глазами залегли тени, кожа отдавала нездоровой белизной. Если уж человеческий облик дракона с изъяном, что говорить об истинной форме? По империи разносились слухи, что драконы теряют истинную ипостась. Кровь мельчает, магия уходит, а западные ведьмы, наоборот, становятся все наглее и сильнее. Что скажут драконы, если в правящем роду появится хворь?

Советник в сером поднял чашу в знак того, что желает сказать пару слов.

— Мы все рады приезду наместника Ли. Как прошло путешествие? Не слишком ли утомился наместник... или его спутница? — советник пожирал глазами закутанную в белое фигуру, стоящую за спиной алого дракона.

Любимую наложницу не отдадут на потеху другим. Ведьма или надоела наместнику, или прогневила его. В первом случае завладеть ею будет весьма полезно, во втором — смертельно опасно. Советник по тону голоса умел определить эмоции собеседника. Он ждал реакции наместника, затаив дыхание, готовый уловить быстрый взгляд или движение губ. Наместник Ли молчал, уставившись в чашу.

Нарядная служанка наклонилась к нему, держа в руках кувшинчик с ароматным вином. Наместник не обратил на нее никакого внимания, видимо, витал мыслями совсем в другом месте.

— Покончим с этим, — повторил он сказанную в коридоре фразу. — Наместник Ли желает наградить наложницу Эмму за верную службу. Выбери любого.

Алый дракон сложил руки на коленях, расправил спину и уставился немигающим взглядом в пол. Наложница, наоборот, обхватила себя за плечи и подняла голову, рассматривая банкетный зал. Музыка утихла, вместо нее послышался шепот, возрастающий до гневных реплик.

— Что он сказал? Кого наградить?

— Наместнику Ли во время ранения заменили драконье сердце!

— Ведьма затуманила его разум!

— Да что это за дракон, раз его способны околдовать?

Советник в сером, не отрывая взгляда от девушки, несмелой походкой проходящей мимо столиков под горящим взглядом драконов, тихо сказал:

— Вернее будет спросить — что это за ведьма, которая способна околдовать дракона?

Наложница остановилась напротив советника и долго рассматривала его. Фангу хотелось окликнуть ее. У всех присутствующих на банкете имелся обширный гарем, полный прекрасных и хищных цветков. Известно, что драконы не властны над ядом. Сколько наивных молодых девушек погибло от шипов красавиц, родившихся и проживших всю жизнь на женской половине? Советник Сунь Оуян был известен пристрастием к певицам, которых методично и бесследно уничтожали законные жены.

Между тем шум возмущения прошел, и драконы, затаив дыхание, следили за наложницей. Она, покачав головой, к облегчению Фанга оставила позади советника Сунь Оуяна и прошла дальше.

У драконов была в ходу поговорка о том, что на драконице женятся, обычных женщин берут в наложницы, а ведьмы рожают наследников. С тех пор, как проклятый Гуанхин изменил потоки магии, драконам все сложнее произвести на свет достойное потомство. Император, да проживет он десять тысяч лет, правит уже тысячу из них, но так и не выделил наследного принца.

Наместник Ли готов расстаться с наложницей. Может, не смог обуздать ее нрав, может, ослаб после ранения, но кто сказал, что другие драконы оплошают? Не соблазнят сладкой выпечкой, так жгучим кнутом выбьют из ведьмы спесь.

Сделав круг, ведьма вновь встала за спиной наместника Ли. С момента, как она отошла, он так и не поднял взгляда, только тихонько вздохнул, когда наложница вернулась.

— Дорогой старший брат, зачем давать выбор наложнице, когда родственник по крови желает принять ее в свой гарем? — спросил младший принц, сидевший за правым столом от императора.

Младший принц Чан Шухэнг славился красотой и манерами. Во всем он старался отличаться от наместника Ли — спокойным нравом, тонкой, как тростинка, фигурой, отточенным на работах мудрецов умом. Если ведьма желала уйти от наместника Ли, то не могла найти покровителя с более высоким положением.

От слов Чан Шухэнга лицо алого дракона перекошило так, что наложнице пришлось еще раз дотронуться до его плеча. Наместник Ли грубо дернулся, избегая ее прикосновения, поднес к губам чашу с вином, вновь не отпил ни глотка, а потом бросил:

— Наложница Эмма спасла жизнь этому чиновнику. Он в долгу перед нею, поэтому предоставляет право выбора. Кто бы ни стал ее избранником, награда будет щедрой, слово наместника Ли.

Без колебаний ведьма подошла напрямик к Фангу, жавшемуся в углу с пустым подносом. Его давно ждали на кухне, но распорядитель сам был околдован разворачивающимся представлением, и о молодом слуге забыли. Ведьма схватила Фанга за предплечье и прижала к себе, окутывая невозможно притягательным запахом. Комната поплыла у Фанга перед глазами, он задрожал всем телом. Слуга сжался, стараясь стать невидимым, но злые глаза драконов были направлены на него.

— Вновь этот мусор? — лениво произнес Чан Шухэнг. — Его и человеком-то то считать невозможно. Если наложнице так угодно, пусть берет его в услужение в мой гарем. Этот принц не против.

Даже наместник Ли удивился выбору.

— Ты уверена? — вырвался у него вопрос, однако наместник тут же пришел в себя и обратился к отцу: — Благодарю за праздник, спешим откланяться.

— Невежливо отказывать в просьбе младшему брату, — медленно произнес император, недобро рассматривая Фанга.

— Долг жизни, — бросил наместник Ли.

Затем резко встал, всплеснув рукавами черного одеяния, расшитого золотом. Алые волосы, скрепленные золотой заколкой, рассыпались по плечам. Подавляющая аура распространилась по залу, и ни один из драконов не посмел сказать и слова в ответ. Из молодого поколения никто не сравнится в мощи с наместником Ли.

Поэтому ему отдали во владение самый большой округ на границе с Ра. Поэтому он мог возмутительно дерзко привести ведьму на банкет и в обход более достойных драконов подарить ее слуге. Даже император не решился сказать ни слова против. Без наместника война с Ра будет проиграна. Чан Шухэнг не способен возглавить войско.

— Скорее, — прорычал наместник, проходя мимо ведьмы и Фанга.

Ведьма забрала из окоченевших пальцев слуги поднос и сунула в руки дракона-ученого в синих одеяниях, а потом потащила Фанга за собой.

— Не надо, госпожа, — прошептал Фанг. — Этот слуга бесполезен.

— Это я прошу прощения, что втягиваю тебя в эту историю. Прости, но у меня нет выбора. Ты был прав — они все просто отвратительны.

В коридоре их встретили личные охранники наместника. На плечи Фанга накинули черный нарядный плащ, который несколько не смог скрыть ужаса слуги.

Но тут наложница покачнулась, и Фанг понял, что она на грани истощения. Наместник

Ли не сделал ни шага в их сторону, поэтому молодому слуге пришлось принять вес ведьмы на себя. Руки дрогнули, но обняли тонкий стан, нос уткнулся в плечо, укрытое тонкой газовой тканью. Сердце Фанга забилося в бешеном ритме.

— Скорее, покончим с этим, — с тоской, как мантру, повторил наместник Ли.

Их повели через внутренний дворик, где цвела магнолия, а в ночном воздухе разливался сладкий аромат. Весенняя свежесть пробиралась под одежду, кусала за икры и придавала щекам румянец. Даже через перчатки Фанг ощутил, что у наложницы заковенели пальцы. Циркуляция чи в ее меридианах явно была нарушена.

Наместник Ли остановился у дверей маленького семейного храма императора, установленного возле покоев матери-императрицы. Внутри горели алые фонарики, монахи круглосуточно воскуривали благовония в честь предков.

— Все ли приготовлено? — не останавливаясь, спросил алый дракон у одного из бритоголовых монахов.

— Все пожелания наместника исполнены, можно приступать прямо сейчас.

— Постой, Дэн! — наложница подняла руку в сторону широкой спины дракона.

Наместник Ли остановился, слегка повернул лицо в профиль, избегая смотреть на наложницу. Алые прямые волосы под золотой заколкой чуть колыхнулись и застыли.

— Мне нужно поговорить с ним наедине, — тихо попросила наложница. — Предупредить.

Наместник фыркнул и быстро сказал:

— Этот слуга должен благодарить небеса за милость.

Фанг упал на колени, испугавшись, что ведьма передумала, и схватил край ткани у ее туфельки.

— Этот недостойный благодарен судьбе и готов отдать жизнь за госпожу!

Ведьма осела на пол возле Фанга. Тот оторопел и от подобного поведения, и от близости черных глаз ведьмы в обрамлении длинных ресниц.

— Только не надо величать меня госпожой. Я отучала Адама от этого целую вечность. Меня зовут Эмма, и вскоре ты сможешь обращаться ко мне как к жене. Конечно, если согласишься на брак, узнав его причину.

Ведьма прикоснулась к виску, словно у нее заболела голова. Наместник Ли, оказавшийся совсем рядом, гневно взмахнул кулаком и прорычал:

— Быстрее!

— Тише, Дэн, — фыркнула на него ведьма.

Фанг вздрогнул всем телом и сжался в комок, пытаясь уползти от гнева наместника, но тот только поднял подбородок, не сказав ни слова на дерзость наложницы.

— Когда я умру, в этом не будет твоей вины, — ласково сказала она Фангу, и у того защемило в груди. — Передашь мое тело Эрику, он мой первый муж. Адам — второй муж, а Дэн, — тут она показала на наместника, — третий. Ты станешь четвертым и последним, если захочешь.

Наместник Ли зарычал, и наложница, тяжело вздохнув, постаралась подняться с пола. Фанг прижал ее к себе и с легкостью поставил на ноги.

— Этот слуга будет послушен и полезен! — быстро прошептал он. — Сделает все, что попросит госпожа. Ничего не надо говорить, этот слуга на все согласен.

Ведьма прикрыла глаза, словно попробовала нечто кислое.

Про себя Фанг подумал, что остальные мужья ничего не стоят, раз ведьму сегодня отдают в жены ничтожному отбросу, но он не будет протестовать. Он примет этот дар и оплатит сторицей.

Наместник Ли скрестил руки на груди и, словно услышав мысли Фанга, едко спросил:

— Тебе и правда все равно, Эмма, с кем быть, наместником или рабом? Не могла выбрать кого-нибудь более достойного?

— А есть ли разница? — равнодушно сказала она, прильнув к Фангу.

Он почувствовал, каким слабым стало ее тело, пронизанное едва заметными потоками чи.

Оба, и слуга, и наместник, уставились на ведьму в безмолвном удивлении.

Черный плащ Фанга заменили алыми одеждами. Ведьму закутали в красный газовый покров. Молодому слуге так и не удалось увидеть ее лица, плотная вуаль скрывала все, что ниже переносицы.

В начале ритуала личный слуга зачитал указ, что отныне наложница Эмма негодна наместнику Ли. Она изгоняется из его имения, и с этого момента их ничто не связывает. Наместник безмолвно выслушал стандартные слова развода, скрестив руки на груди и прислонившись к одному из столбов, поддерживающих свод храма. Он безотрывно смотрел на наложницу, словно надеясь, что та бросит на него хоть один взгляд, но ведьма так и не подняла голову.

Монах помог зажечь благовония, вложил в руки Эммы и Фанга по три палочки. Они одновременно опустили на колени, затем совершили поклон небу и земле.

— Моих родителей нет в этом мире, поэтому я посвящаю второй поклон императору и императрице, родителям всех жителей империи, — произнесла Эмма.

Фанг тоже поклонился табличкам с именами императорской фамилии вместе с Эммой. Третий поклон был направлен друг другу, затем их объявили мужем и женой.

У молодого слуги не было ничего, чтобы одарить невесту. Даже одежда на его плечах была чужой собственностью. Что он мог предложить невесте? Прохудившийся матрас в общих бараках?

— Вот и покончили с этим, — сквозь зубы прошипел наместник.

Он вышел наружу, одной рукой сдернул с себя черное с золотым одеяние и тут же обернулся в огромного алого дракона.

— Вас богато одарят, — сказал Фангу личный слуга наместника. — Сможете жить в достатке до конца дней. Наместник проводит вас к удаленному домику в горах. Строителям завязали глаза по дороге, поэтому никому, кроме наместника, не известно, где находится это жилище.

— Как же Эрик и Адам узнают, где я? — забеспокоилась ведьма.

— Этот слуга не может говорить о сих уважаемых особах.

Снаружи храма раздался громopodobный рык. Наместник и вправду не отличался терпением.

— Пойдем, муж мой, — произнесла ведьма. — Нам и правда лучше здесь не задерживаться. Кстати, как тебя зовут?

Фанг скромно опустил глаза и ответил:

— Жена предпочитает давать мужьям придуманные ею имена. Каково же будет мое?

Ведьма вздрогнула, и он мог поклясться, что она улыbnулась.

— А ты не прост, мне это нравится. Что еще ты успел подметить?

Храм наполнился паром из ноздрей алого дракона. Фанг помог ведьме выйти наружу, где дракон уже подставил крыло, чтобы им легче было забраться на спину.

Наместника Ли можно было легко назвать одним из самых крупных драконов нового поколения. Он уступал лишь черному дракону-императору. Темный силуэт закрывал половину ночного неба, золотые глаза зловеще мерцали.

— Я заметил, — шепотом сказал Фанг на ухо жене. — Что наместник вовсе не желает с вами расставаться.

— Как все-таки тебя зовут? — спросила ведьма. — И почему на твои глаза наложена печать, скрывающая драконью сущность?

— Не только на глаза, — честно ответил Фанг. — Если жена искала дракона, выбрать этого слугу было ошибкой. Я неполноценен.

— Разберемся, — отмахнулась ведьма и попыталась вскарабкаться на загривок наместника.

Ее попытка не увенчалась успехом. Несмотря на браваду, тело ведьмы было слабым, как у ребенка. Фангу пришлось взять ее на руки и таким образом взобраться на шею дракона. Ведьма, тяжело дыша, прижималась к груди Фанга.

— Почему ты не хочешь сказать свое имя? — спросила она.

— Этот слуга все же надеется получить имя из уст жены.

— Ты флиртуешь со мной! — ахнула ведьма и повернулась назад, чтобы всмотреться невозможно черными глазами в лицо Фанга. — Как неожиданно.

Дракон под ними выпустил струю огня, оставившую гаревую отметину в прекрасном садике матери-императрицы. Спружинил и воспарил прямо в воздух. Ведьму и Фанга

основательно встряхнуло, но слуга загодя вцепился одной рукой в роговую пластину, другой обнял ведьму за талию.

— Цветочки жаль, — отметила ведьма.

— Ничего страшного, наместник Ли ходит в любимчиках у матери-императрицы.

Посадят новые.

Фанг немного помолчал, потом застенчиво шепнул ведьме на ухо:

— Меня зовут Фанг Мейли.

Он никому не говорил своего девчачьего имени, довольствуясь фамилией матери.

— Мэй, — протянула ведьма и обернулась к Фангу. — Красивое имя. Теперь ты доволен?

Молодой слуга не мог скрыть счастливой улыбки. Он прижал ведьму крепче и сдавил ногами шею дракона. Возможность позлить наместника доставляла несказанное удовольствие.

Они прибыли к спрятанной среди сосен хижине в горах глубокой ночью. Строение было добротнo сбито из толстых бревен, с черепичной крышей, резными ставнями и ухоженным огородом за высоким плетнем.

Наместник обернулся в человека и, нисколько не стесняясь наготы, прошествовал внутрь. Вскоре в очаге загорелся огонь, осветивший уютное убранство хижины, более подходящее состоятельному дому в столице. Бамбуковые циновки на полу, поверх них изысканные ковры, мебель из драгоценного черного дерева, картины работы известных мастеров, изображающие горы в дымке. Даже привычный к дворцовой роскоши Фанг в удивлении остановился перед гобеленом, где золотой нитью с удивительной утонченностью были вышиты изречения мудрецов.

Алый дракон закутался в черные шелковые одежды, заранее подготовленные в сундуке.

Ведьма задумчиво пробормотала:

— Тут хорошо... Похоже на лесной домик Адама.

— Ничуть не похоже, — сказали одновременно Фанг и наместник и тут же осеклись, недобро глядя друг на друга.

Наместник Ли долго ходил по домику, не говоря ни слова. Проверил пыль на полках, заглянул и обследовал кладовку, пересчитал комплекты одежд и одеял. Ушел в ночь удостовериться, в порядке ли дровяник и сарай. Ведьма в изнеможении опустилась на диванчик. Фанг привычно поставил кипятиться чайник и осмотрел отлично обустроенную кухню. Все было продумано для долгой жизни вдали от населенных мест.

Скрипнула входная дверь, наместник бледной тенью в обрамлении алых волос стал напротив ведьмы.

— Я отправляюсь на поиски Адама и Эрика, вернусь через три дня, привезу свежее мясо, овощи и фрукты, — холодно сказал дракон. — Эмма, составь список всего, чего не хватает. Твои вещи сложены в спальне. Вот и все...

Он помедлил немного, потом рывком кинулся к ведьме, опустился на пол в глубоком поклоне, касаясь лбом маленькой ступни. Фанг замер, боясь дышать.

— Эмма, я виноват перед тобой.

Комнату заполнил пар из ноздрей дракона. Среди белых завихрений неподвижная фигура ведьмы выглядела спустившейся с облаков небожительницей.

— Дэн, все уже в прошлом, — покачала головой она. — Вина за произошедшее и на мне тоже. Вспомни, как ты противился, а я бегала за тобою преданной шавкой, не желая слушать никаких предупреждений. Жалкое зрелище... Они были правы, говоря, что мне нет места рядом с тобой.

— Я поступил как глупец и трус, — не разгибая спины, сказал наместник. — Эмма... Я люблю тебя.

— Я тоже... Люблю тебя, Дэн. Увы, словами ничего не исправить.

— Я найду способ. Только продержись немного, обещаю мне...

Наместник вцепился в тканевую туфельку, алые волосы рассыпались шелковым ковром.

— Нет, Дэн, хватит, — резко прервала его ведьма. — Между нами все кончено, никаких просьб, никаких обещаний. Мы оба ничего друг другу не должны.

— Не должны? — с болью переспросил наместник. — Ты спасла мне жизнь, ты мне

подарила... А я... А я...

Грозный алый дракон горько заплакал, стоя на коленях перед ведьмой. Той пришлось вновь протянуть руку и похлопать его по плечу, только этот жест привел наместника в чувство. Он тут же отстранился, вытер слезы, хмуро посмотрел в сторону Фанга и прошипел:

— Не думай, что станешь четвертым и последним. Если не уследишь за нею, клянусь, я притащу на твое место любого дракона, даже Чан Шухэнга.

Затем он развернулся, резко направился к выходу из хижины и взлетел в небо, оставив за собой кипу черных одеяний.

После ухода наместника ведьма сразу осунулась, словно ушла необходимость держать лицо. По щекам покатились уже не сдерживаемые слезы, увлажняя ткань вуали, до сих пор закрывающей нижнюю часть лица.

Фанг разлил чай высшего качества с изысканным ароматом камфора, достал из коробки печенье с лепестками розы. Сложил все на поднос и привычным жестом изящно подал жене.

Руки в перчатках дрожали, принимая напиток. Ведьма долго не могла отпить, все всхлипывая и шмыгая носом. Она не выглядела ни утонченно, ни скромно, как подобает невесте, но Фанг все равно не мог ею налюбоваться.

— Ты же умный мальчик, — наконец сказала она. — Ты понимаешь значение произошедшего сегодня.

— Догадываюсь, — признался Фанг. — Случилось нечто, повредившее ваши меридианы. Скорее всего... по вине наместника. Вам нужна моя энергия ян. Только... Боюсь...

— Что ж, твое объяснение недалеко от истины. Ничего не бойся, я не причиню тебе вреда, — ведьма допила чай и оставила пустую чашу.

— Вы не так поняли, госпожа. Простите, оговорился — жена.

Фанг помнил странную просьбу ведьмы и очень не хотел вызвать ее недовольство. А еще больше он не желал сравнений с тем, кого она звала Адамом.

Он услужливо долил чая в чашку.

— Этот слуга готов отдать всю энергию ян до капли, вот только она запечатана с самого детства.

Фанг опустил на колени у ног ведьмы. Она незнакома с понятием долга чести — не беда. Достаточно его собственного сознания, что обязан ей жизнью.

— Я сейчас в таком состоянии, что печать разлетится вдребезги, как только мы проведем вместе ночь, — устало потерла лоб ведьма. — Что ж, раз ты не против, приступим, только прошу, надень повязку на глаза.

Он чуть не спросил — «зачем?» Чуть не выказал неповиновения. Затем послушно отыскал лоскут непрозрачной ткани. Завязал вокруг верхней части лица и головы, застыл, ожидая дальнейших указаний.

— Твои волосы совсем не похожи на волосы других драконов. Курчавые, густые, очень красивые.

Она коснулась его щеки подушечками пальцев без перчаток. Послышался шелест снимаемой одежды. У Фанга бешено колотилось сердце от мысли о женской наготы. Затем наступил его черед обнажиться. Руки ведьмы потянули в стороны полы верхнего халата. Фанг поднял ладонь соединить их обратно.

— Ты против? — в замешательстве спросила ведьма. — Я не хочу заставлять тебя.

Она совсем неправильно поняла его намерения. Просто Фанг стыдился собственного тела, на котором цвели следы побоев. Ведьма знала о низком положении мужа, но знать и удостовериться собственными глазами — две разные вещи.

Ведьма в смущении отступила. Послышался расстроенный вздох.

— Наверное, мой разум помутился, если я позволила втянуть тебя в это. Иди спать, мне нужно посидеть в тишине и подумать.

— Жена! — воскликнул Фанг.

Он с железной решимостью содрал верхний халат, затем рывком стянул штаны, переступил через них, поднял нательную рубаху, стараясь не задевать повязку на глазах.

— Не понимаю, все же хочешь? — в замешательстве переспросила ведьма. — Тогда почему остановил меня?

Фанг нерешительно молчал.

— Мэй... Какой зверь тебя терзал? Смотреть больно, как ты еще держишься? Ужасные раны, подожди, я принесу повязки. Мне нельзя пользоваться Хуа, уж прости, но лечебных мазей должно быть запасено достаточно.

Послышались быстрые шаги, но молодой слуга не дал ей отойти. Перехватил тонкое запястье и прижал к груди.

— Не надо, — хрипло попросил Фанг. — На мне все быстро заживает. Я привык. Пожалуйста, жена, продолжим... Я хочу...

Во дворце прекрасно знали, что от любой болячки Фанг оправится быстрее остальных, поэтому там, где другим влетало по пятнадцать палок, ему отсыпали сотню. Вместо пятерых ударов плетью ему доставалось тридцать. Любой мог выместить на Фанге свой гнев и знать, что наказания не последует, потому что жизнь Фанга ничего не стоила. Он и сам уже решил, что подобную жизнь не пристало влечить, но ведьма отчего-то из полного зала драконов выбрала самого недостойного. Фанг проснулся от долгого и муторного кошмара. Будто время повернулось вспять на десять лет, когда...

— Пожалуйста, скажи, чего же ты хочешь? — мягко попросила ведьма. — Я ведь совсем чужая, мне тяжело понять тебя.

— Я хочу снять повязку, — твердо произнес Фанг. — Желаю видеть жену.

— Что? — удивилась она и, судя по голосу, смутилась. — Я сейчас очень некрасива, уверена, ты разочаруешься, Мэй. Впрочем, как пожелаешь... Ты ведь прекрасен как принц с этой невозможной родинкой на правой щеке, коралловыми губами, сильным телом. Боже, тебя уродовали из зависти. Чувствую себя старухой, которая позарилась на юного красавчика. Ладно, смотри же.

Фанга окутал аромат ведьмы с ноткой камфора от недавно выпитого чая. Она сняла лоскут с его глаз и отступила на шаг, гордо подняв голову.

Ведьма не кокетничала по-женски, когда говорила о внешности. Ее лицо прорезали морщины, волосы клоками торчали на голом черепе, ребра выпирали из грудной клетки, руки и ноги представляли собой обтянутые кожей кости. Только внизу живота виднелась небольшая округлость.

Наместник Ли выжил из ума, раз отдал Фангу беременную наложницу.

В империи драконов дети — главное сокровище, но отцом становился не тот, кто зачал, а тот, кто дарил свою энергию ян во время беременности, помогая плоду развиваться. Если ведьме пришлось собственной плотью поддерживать ребенка, то, значит, наместник Ли по какой-то причине не был способен спасти собственного наследника... Вот что она имела в виду, когда говорила, что скоро умрет! Вот почему наместник Ли так спешил отдать ее другому!

Фанг схватил ведьму в объятия и прижался к тонким губам в поцелуе, направляя в ее тело потоки чи. Она держится на грани, раз сожгла собственные меридианы ради ребенка.

Она удивленно всхлипнула, но приникла к нему, как к живительному источнику.

— Слишком много, погоди! — попыталась она уговорить Фанга, но он словно сорвался с цепи.

Молодой слуга кусал ее губы, слизывал капельки крови, смешивая со своими из прокушенной щеки. Магическая энергия чистым ручейком текла с его языка, впитываясь в сладость рта ведьмы. Этого было слишком мало! Непроходимая плотина давила на потоки, позволяя лишь жалким крохам просачиваться наружу.

Фанг лихорадочно шарил руками по телу ведьмы и толкался каменным членом между ее бедер. Это был первый раз Фанга, он не знал, что делать с женщиной в постели. Его вели страсть и животный инстинкт, подгоняемые страхом не успеть. Он чувствовал тихий отклик жизни, который, пульсируя, пил потоки чи, текущие в тело ведьмы. Жена ничего не оставляла себе, одного этого было достаточно, чтобы Фанг даже в безумстве страсти

внезапно осознал, что желает для себя хоть каплю этой бескорыстной чистой любви.

Не давая ей одуматься, Фанг сжал бедра ведьмы, терзая податливые губы в поцелуе, наконец отыскал вход и ворвался в теплую тесноту лона. Его прошло ощущение неведомой эйфории от соединения тел и от того, что печать, годами давящая на золотое ядро в животе, раскололась и рассыпалась в прах. Уже не жалкий ручеек, а полноводная бурная река, которая годами собиралась в подземном озере, хлынула по меридианам Фанга в разгоряченное тело ведьмы. Он с удовлетворением почувствовал, как оживают ее меридианы, как иссушенная кожа становится шелковой, а мышцы наливаются силой.

Ведьма в глазах Фанга выглядела прекрасной с того момента, как сказала наместнику Ли: «А есть ли разница?» — но сейчас, с румянцем на щеках, копной антрацитовых кудрей, поволокой черных глаз, она и вправду была неотразима особой экзотической красотой, завезенной из-за границ империи. Теперь можно было увидеть в ней любимую наложницу высокопоставленного дракона. Ему, жалкому слуге, никогда не должно было достаться подобное сокровище.

Жена всхлипнула от наслаждения. О, музыка для ушей неискушенного мужчины! Фанг задвигался в бешеном темпе, нагоняя наслаждение и сходя с ума от желания выплеснуться, обозначить эту женщину своей.

Он успел! Фанг с самой церемонии бракосочетания не мог найти себе место от страха, ожидая, что этот дурак наместник Ли одумается и остановит фарс. Или вернутся неведомые идиоты Адам и Эрик, которые оставили беременную женщину без защиты в империи драконов. Но теперь пусть все они желчью изойдут от досады, потому что именно Фанг щедро поил чи крохотного дракончика. От каждого его движения Эмма тихо постанывала, а Фанг ртом ловил ее крики и не мог сдержать довольной улыбки.

Он чувствовал себя живым, сильным, желанным. Ему хотелось так глубоко проникнуть в ведьму, чтобы стать единым целым. Чтобы ни одна сила мира не смогла их разъединить.

Толчки стали размеренными, настолько глубокими, что ведьма сомкнула руки на затылке Фанга, чтобы удержаться. Все ее тело заполняла энергия чи, текущая через место их соединения, а он все продолжал вколачивать женщину в диванчик, удерживая железной хваткой, не прекращая поцелуя, навалившись поджарым мускулистым телом. Он словно хотел проглотить ее целиком.

Эмма никогда в жизни не чувствовала себя настолько беспомощной перед чужой страстью. Она подобрала бездомного уличного котенка, но оказалась в постели с тигром, получающим удовольствие, облизывая жертву, перед тем как обглодать косточки.

— Хватит, слишком, — промычала она.

Но мужчина, одурманенный близостью, только с большим усердием всосал ее язык, отнимая способность говорить. Ее бедра подняли вверх, изменив угол вторжения. Мэй довольно зарычал с низкими нотками, очень по-драконовски, и принялся еще глубже загонять в ее лоно член, вдоволь наполняя Эмму энергией чи.

Эмма беспомощно захлопала глазами, видя перед собой только черные кудри и длинные ресницы закрытых от наслаждения глаз мужа. У висков Мэя проступили прозрачные голубоватые чешуйки.

Совсем забыв себя от страсти, он переместил руки на пышную грудь, сдавил пальцами соски, посылая по телу Эммы разряд боли, смешанной с наслаждением. Она невольно сжалась, а дракон над нею обезумел, сотрясая тело Эммы чередой лихорадочных быстрых толчков. Он весь навалился на нее, лишая возможности вздохнуть, низко застонал, словно от

боли, и его член запульсировал, заставив Эмму утонуть в пучине оргазма.

Ее истерзанный рот наконец отпустили, муж остался сверху, собирая ее всю под себя. Покрыв мелкими довольными поцелуями ее нос, лоб, щеки. Потом, извиняясь, лизнул опухшие кровоточащие губы. Эмма ощутила жжение и, очнувшись, попыталась спихнуть с себя обнаглевшего дракона.

— Ты — извращенец? — спросила она, пряча глаза.

Как еще можно назвать мужчину, который возжелал ее в нынешнем состоянии?

— Простите недостойного. Этот муж не понимает жену, — покорно опустил голову Мэй, словно почтительный слуга.

Если бы Эмма только что не испытала на себе его несдержанность, от которой все еще ныло между ног, и если бы его член не вздрогнул, вновь поднимаясь, она бы подумала, что ему и правда совестно.

Она открыла рот, чтобы объясниться. Прошло уже несколько лет с тех пор, как Эмма появилась в этом мире, но до сих пор все в ней выдавало чужачку. Только Эрик умел понимать ее с полуслова.

— Как ты мог позариться на это? — подняла она свое запястье в доказательство и уставилась на пухлое предплечье и золотистую кожу.

Фанг медлил с ответом. Разве мог он признаться, что пусть он был невинен в брачную ночь, но ни один человек, выросший во дворце, не был наивным? Он прекрасно знал, какие виды извращений практиковали за закрытыми дверями драконы, и даже понимал, что нездоровое влечение ведьма истолкует превратно. Не рано ли делиться историей о неприглядном прошлом? Если он будет чуть дольше скрывать свои недостатки от жены, ничего плохого не произойдет, ведь так?

Чтобы избежать уклончивого ответа, Фанг подвинулся, позволяя жене рассмотреть, что случилось с ее телом, когда печать сломалась.

Эмма рассматривала округлые бедра и пышную грудь, к которым успела привыкнуть за последний год. Чтобы совершить перевоплощение плоти одной энергией чи, это же какую прорву нужно влить? Даже Дэн, наследник крови императора, не обладал подобной мощью.

Эмма повторила жест, в последние месяцы ставший частью ее самой, накрыв ладонью нижнюю часть живота, и впервые получила в ответ ласковый толчок.

Волна облегчения разлилась в груди. Эмма обмякла и откинула голову назад. Слезы сплошным потоком полились на вышитый шелк диванчика.

— Кто ты такой? Не могу поверить... Как это возможно?

— Этот недостойный не заслуживает внимания. — Мэй наклонился, чтобы губами осушить ее слезы. — Зато этот муж сгорает от любопытства узнать, как жена без всякого усилия разрушила печать, наложенную сильнейшими драконами империи?

От него остро пахло мускусом и серой. Кудрявые волосы щекотали плечо Эммы, восставший член уперся в ее бедро.

Эмма снова попыталась отпихнуть дракона, но он был словно отлит из сплошного куска стали. После соития ужасные следы ожогов и побоев побледнели и смылись с его белой кожи, словно акварельная краска — водою. Мэй был совершенен не только физической красотой, но и особой энергией молодости, сверкающей в глазах и заметной в напряженных мышцах.

Эмма еще на банкете отметила, как изящно он двигается. Абсолютно притягательный и несколько не осознающий собственный шарм.

— Это долгая история, — отмахнулась Эмма. — Постепенно я расскажу тебе все. Теперь наши судьбы связаны.

Мэй просиял, услышав ее ответ. Застонал и прижался ближе, прошептал на ухо:

— С женой было так сладко. Можно ли еще раз?

Эмма, покраснев, кивнула. Ее подхватили на руки, прижали к широкой груди. Успев осмотреть маленький домик до этого, Фанг запомнил широкую кровать в спальне и подумал, что жене будет намного удобнее на мягком матрасе.

Уложив ведьму на алое шелковое покрывало, расшитое фениксами, он долго и жадно рассматривал ее, пропуская густые черные локоны между пальцев. Сверкающие глаза Эммы не изменились, но теперь она вся поражала экзотической южной красотой. Хотя Фанг мог поклясться, что пусть ведьма и выглядела коренной жительницей Оду, поведением она несколько не напоминала женщин этого народа.

Он нежно поцеловал алые губы, вливая достаточно чи, чтобы заживить их, и снова не удержался от того, чтобы чуть — чуть прокусить. Драконья натура требовала оставить на жене метки. Он обнюхал и облизал каждый уголок ее тела, втирая в кожу жены свой запах, выискивая по стонам, где ей больше нравятся его касания.

Фанг задался маниакальной целью стать необходимым ведьме, чтобы, в отличие от других мужей, никогда не разлучаться с нею. Маленький дракончик в ее теле уже признал его отцовство и отзывался на близость, заставляя очерствевшее сердце Фанга размягчиться от нежности. И все же молодой слуга помнил сказанные ведьмой в маленьком храме слова — он всего лишь четвертый.

Вновь проникнув в сладостную тесноту лона, Фанг застонал от наслаждения. Он двигался медленно, на сей раз стараясь растянуть удовольствие, зорко наблюдая за откликом ведьмы. Он изучал, как глубоко и под каким углом толкаться, чтобы ее глаза подернулись дымкой. Фанг уже забыл, каково иметь власть над кем-то, он получал изощренное удовольствие, превращаясь одновременно в ее преданного раба и деспотичного господина.

Запах ведьмы, мягкость кожи, то, как трогательно она цеплялась за него, отклик сына в ее животе — все это врезалось в сердце, осколком разделяя жизнь Фанга на до и после.

Каждое движение бедрами вызывало тихий стон из алых губ жены и отдавалось удовольствием в члене Фанга. Он забыл, на каком свете находится, полностью погрузившись в чистое наслаждение. После острого пика он оставил закутанную в одеяло разомлевшую ведьму и ускользнул на кухню, чтобы приготовить легкие закуски. Когда Фанг вернулся, ведьма уже спала. На щеках цвел здоровый румянец, дыхание выровнялось. Фанг протянул руку к ее животу и улыбнулся, почувствовав легкое щекотание энергии.

Он пробрался под одеяло, приблизился к теплоте жены и подумал, что наконец счастлив. И готов бороться зубами и когтями за это мимолетное счастье.

Ведьма глубоко вздохнула, повернулась, уставилась на Фанга невозможными черными глазами.

— Дорогой муж, — сказала она. — Может, все-таки просветишь жену, почему сильнейшие драконы империи потратили силы на то, чтобы запечатать простого дворцового слугу?

— Меня наказали за преступление, — признался Фанг. — На самом деле, приговорили к смерти, но я тогда был еще ребенком, поэтому приемная мать отправилась на поклон к императору, чтобы заменить наказание. Стояла зима, матушка просиживала на коленях целые дни перед его рабочим кабинетом, ее ноги онемели, и она больше не могла ходить. Услышав эти новости, брат приемной матери попытался уговорить ее прекратить, но она не хотела ничего слушать. Приемный дядя испугался, что если не поможет мне, она погибнет. Он использовал все свои связи и собрал необходимое число драконов для наложения печати. Императору показалось приемлемым наказанием обречь меня на жизнь хуже смерти и сослать в рабский барак. Вот и вся история.

Эмма присела от удивления в кровати, прикрыв красным покрывалом грудь, и с недоверием уставилась на Фанга.

— Что за преступление ты совершил, будучи ребенком?

Ему тяжело дались слова, но он ответил честно:

— Я попытался убить Чан Шухэнга, и у меня почти получилось.

— Младшего принца? То-то мне показалось, будто вас что-то связывает. Слишком уж эмоционально он отозвался о тебе. Знаешь, Дэн привел меня на банкет именно для того, чтобы показать Чан Шухэнгу. Они переписывались, и принц обещал позаботиться обо мне.

— Так змея позаботится о цыпленке, — усмехнулся Фанг.

— Ты и вправду пытался убить его? — После кивка мужа Эмма переспросила: — Но почему?

— Это длинная и запутанная история. Ты, наверное, устала за день, прости, что потревожил тебя.

— Мэй, я вся внимание.

— Моя мать Фанг Ланфен выросла в глубинке, куда сослали ее отца за неудачу на дворцовой службе. В ней с рождения определили магические потоки чи, поэтому отправили в гарем императора, как только она достигла совершеннолетия. Это помогло и ее семье вернуться в столицу. Оказалось, что в один день с матерью во дворец также должна была войти ее родная кузина Фанг Гуйлан. Девушки понравились друг другу с первого взгляда. Они сошлись характерами и даже внешне были очень похожи. Кузины знали, что в гареме никому доверять нельзя, поэтому договорились, что бы ни случилось, держаться вместе. Но на деле поддерживать дружбу оказалось тяжелее, чем думалось. В отличие от матери, Фанг Гуйлан была начитана, изящна, умела танцевать, петь, играть на суньми и вышивать на шелке. Она сразу привлекла внимание императора, в то время как Фанг Ланфен высмеивал весь двор за смешное произношение и деревенские привычки. Мать это ничуть не беспокоило, ей было достаточно общества кузины. Она не отличалась особыми талантами и не имела права развивать магический дар, поэтому коротала время, ухаживая за садом и готовя еду. Хотя кузины не вступали в борьбу за власть, недоброжелательницам их дружба резала глаз. Драгоценная наложница не раз посылала служанок, чтобы рассорить Фанг Гуйлан и Фанг Ланфен, но ни порезанная одежда, ни разбитая утварь не портили их отношений. Несмотря на высокое положение в гареме, Фанг Гуйлан заботилась о матери и опекала ее. В благодарность мать не раз помогала ей избежать ловушек ревнивиц и сохранить благосклонность императора. Так продолжалось несколько лет, но однажды мать Фанг Гуйлан заболела, и по особому разрешению Фанг Гуйлан отправилась навестить родителей. Она попросила Фанг Ланфен ночевать в ее покоях, чтобы проследить за сохранностью дорогих подарков императора. К сожалению, в ту ночь император выпил с послами горцев, забыл об отлучке любимой наложницы и нагрянул в покои Фанг Гуйлан. Так как кузины были похожи, а мать не смела сопротивляться императору, то в ту же ночь она понесла. Увы, это положило конец крепкой дружбе. Фанг Ланфен в одночасье вознеслась. Императору нравилась новизна блюд, приготовленных ее руками. Он был доволен ее кротким нравом и даже ставил ее в пример остальным, чем до глубины души оскорбил Фанг Гуйлан. Кузины больше не разговаривали, чем воспользовалась драгоценная наложница, чтобы ослабить положение Фанг Гуйлан. Вскоре драгоценной наложнице удалось так же добиться публичного унижения матери, которая по незнанию оскорбила мать-императрицу. Император больше не навещал мать, а без его энергии чи плод в ее чреве

не мог развиваться.

Люди не помнят себя в младенчестве, но драконы вместе с потоками чи получают воспоминания, помогающие пронести заветы предков через века. Мать выжгла собственные меридианы и пожертвовала плоть, чтобы выносить меня до полного срока. Я чувствовал ее боль как собственную. К сожалению, она была совсем слаба, когда родила меня. Она послала служанку к Фанг Гуйлан с просьбой увидеться, но та отказала в примирении. В ту же ночь в покои матери пробрались убийцы. Ей удалось спасти меня ценой собственной жизни. На поднятый шум сбежались слуги, убийц перехватили, но те приняли яд и не сознались, кто их подослал.

После смерти матери Фанг Гуйлан усыновила меня. Она всю жизнь сожалела о том, что не увиделась с кузиной в последний раз. Ей так и не удалось вернуть благосклонность императора. В гареме появились новые наложницы, а у драгоценной наложницы родился Чан Шухэнг. Поначалу Фанг Гуйлан выдавала меня за девочку, поэтому и дала имя Фанг Мейли, но подосланная няня растрезвонила правду, что, к сожалению, привлекло внимание драгоценной наложницы. Она боялась, что я стану соперником ее сына.

Мы росли вместе с принцем и воспитывались у одного учителя. Фанг Гуйлан наставляла меня скрывать любые достижения и во всем проигрывать принцу. Она думала, что тем самым сохранит мою жизнь.

Чан Шухэнг возненавидел меня с самого детства. Его целью было отобрать или разрушить все, что мне дорого. Хотя император одаривал его лучшими лошадьми и оружием, принц стремился завладеть моим дешевым мечом и любимым скакуном. Стоило мне подружиться с одним из детей слуг, его тут же отсылали из дворца. Я приютил щенка и долго держал его в секрете, пока не нашел с перерезанным горлом и брошенным рядом кинжалом Чан Шухэнга. Старого евнуха, к которому я был привязан, жестоко отравили. Приемная мать приказывала мне терпеть, и я во всем слушался ее, но в тот день увидел, как Чан Шухэнг до смерти избил совсем молоденькую служанку. Во мне нечто надломилось, я словно сошел с ума. Говорят, я пытался задушить его собственным поясом. Увы, ничего не помню, нанесение печати было настолько болезненным, что стерло воспоминания тех дней.

Эмма внимательно слушала рассказ Фанга, не перебивая. Затем подняла руку, заправила волнистую прядь его волос за ухо и тяжело вздохнула.

— Ты очень сильный. Мне жаль.

— Прошу, не надо жалости, — сразу напрягся Фанг, но щекой прильнул к ее руке, не в силах отказаться от ласки.

Теперь Эмма видела схожесть между алым драконом и Фангом в резкой линии скул и очертаниях губ. Волосы отличались, глаза были совсем разные, а о характере нечего и говорить. Эмма так и не сумела наладить отношения с Дэном, а с Фангом было легко, словно он и не родился драконом.

— Ты похож на Дэна, теперь я это вижу. Позволь объясниться: мне жаль, что вы родные братья по отцу, но на твою долю выпали тяжелые испытания.

— У императора было пятьдесят три сына, ныне живы лишь пятеро, включая меня. Ни одного судьба не пожалела, — ровно сказал Фанг.

— Дэн знал о всей этой истории? — тихо спросила Эмма.

— Не думаю, — покачал головой Фанг. — Наместник Ли намного старше. Его матери удалось добиться ссылки в монастырь, когда он был еще ребенком. Он вырос вдали от интриг и с тех пор старается как можно реже появляться в столице.

— И все равно на его жизнь регулярно покушаются. Когда я впервые встретила Дэна, то удивилась жестокости врагов, которые... Впрочем, неважно. Сейчас ясно, что до него, скорее всего, добрались драконы.

Эмма замолчала, затем взяла сильную руку мужа и нежно поцеловала в тыльную сторону.

— Ты удивительный. Теперь понятно, почему я была не противна тебе, когда сама не хотела смотреть в зеркало. Спасибо, что спас меня и ребенка. Я очень благодарна тебе.

— Это жена спасла меня, — мягко сказал Фанг. — Пусть я для жены лишь один из четырех мужей, для меня она — единственная. Слышал, в Ра так принято. У Лунн несколько мужей для равновесия потоков чи, поэтому у вас рождаются сильные маги, в то время как империя драконов приходит в упадок. Я знаю свое место и не буду доставлять неприятностей старшим мужьям.

Эмма смутилась, не представляя, что ответить. Она все еще стыдилась того, что в ее жизни несколько мужчин. Несколько лет назад она не представляла, что окажется в подобной ситуации.

— Послушай, — подумав, сказала она. — Когда-нибудь ты обретешь славу и почести, которых достоин по праву рождения. Стой! — Эмма зажала ладонью рот мужа. — Я уверена, так и будет. Мы из разных миров, Мэй, я плохо уживаюсь в гареме. Я прошу только одного: не считай себя чем-либо мне обязанным. Если ты захочешь уйти, я не буду тебя держать.

Эмма под села к Фангу и попыталась крепко обнять его, но тот напрягся и даже отвернулся.

— Мы совершили три поклона, — с обидой сказал он. — Для жены это было притворством?

— Ты слышал это? — тихо спросила она, оглядываясь в сторону кухни.

Еле слышный шорох, но чувствительные уши дракона насчитали пять человек: двое за

окном, двое в передней комнате и один на крыше.

— Прячься, — шепнул он и столкнул жену с кровати.

Туда, где только что лежала Эмма, воткнулся черный кинжал. Сверкнул металл, и следующий выпад был направлен в обнаженную грудь Фанга. Чистым потоком чи молодой слуга ударил в живот нападающего. Одетый в серое убийца отлетел к стене, но двое других с ножами наперевес проворно побежали в сторону Эммы, лежащей на полу. Она подняла ладонь, в ужасе прикрывая глаза. Фанг спрыгнул с кровати, закрыл жену своим телом и взорвался сгустком чистого чи. Домик затрясся, с потолка посыпалась штукатурка.

Эмма поползла в сторону сундука у стены. Фанг вскочил на ноги, готовясь к следующей атаке. В окно залез невысокий подвижный мужчина с каменным лицом и кинжалом с черным лезвием.

— Кто вас подослал? — спросил Фанг, чтобы протянуть время.

Не ответив, мужчина размахнулся и метнул кинжал в Эмму. Фанг дернулся прикрыть ее, направленное в спину жены лезвие вонзилось в его правое бедро по самую рукоятку.

Фанг тут же выхватил клинок из собственной плоти и точным движением кинул кинжал в горло убийцы. Тот захрипел и осел на пол в луже крови.

Эмме удалось открыть крышку сундука, но тут сверху спрыгнул еще один человек в серой одежде и кинулся к ней. Эмма дунула в его сторону белый порошок, и тот окутал нападавшего, как вторая кожа. Душераздирающий крик пронзил тишину домика. Убийца рухнул на пол и принялся кататься по доскам, а его кожа задымилась. Воздух наполнил запах паленой плоти.

Трое у стены очнулись, вскочили на ноги и принялись осторожно кружить вокруг ведьмы.

Фанг почувствовал, как по его бедру распространяется онемение от отравленного клинка. Он запечатал поток крови из правой ноги, но теперь был лишен возможности двигаться.

— Жена, спрячься за мою спину, — сквозь зубы попросил Фанг. — Они пришли за тобой.

Обнаженная Эмма тяжело дышала, держа наготове по горсти порошка в обоих кулаках. Нападавшие, как шакалы, выискивали слабость в ее обороне, ожидая, когда она отвлечется.

— Я не могу использовать Хуа! — выдав страх, сказала она.

Фанг воспользовался тем, что убийцы смотрели на Эмму, и кинулся кубарем им под ноги. Ему удалось сбить двоих, но третий отпрыгнул и вонзил кинжал в плечо Фанга.

— Беги через окно, — прохрипел Фанг.

Эмма ругнулась, но вместо броска к окну сделала выпад, раскрыв кулак, и тот, кто ударил Фанга, оказался в облаке белого порошка. Он пронзительно завизжал и начал сдирать с себя одежду, но вскоре упал и стал кататься по полу вместе с товарищем.

Двое оставшихся словно не заметили судьбу остальных и с кинжалами наперевес кинулись к Эмме. Фанг ухватил одного из них за ногу и получил ножом еще одну рану в живот. Второй напоролся прямо на отравленное облако.

— Мэй! — закричала Эмма. — Перестань, я не уйду без тебя.

Фанг перехватил руку нападавшего, потянул убийцу на себя и свернул ему шею так, что хрустнули позвонки.

Двое отравленных затихли. В комнате слышалось только тяжелое дыхание Фанга, лежащего в луже крови. Две раны в плечо и бедро не представляли опасности даже отравленными, так как Фанг с детства привык справляться с любыми ядами. А вот удар в живот пришелся прямо в печень. Этот поток крови Фанг был не в силах запечатать.

— Мэй, не двигайся! — Эмма бросилась к нему и поддержала за плечи.

Ее руки окрасились липкой красной кровью. Мэй откинул кудрявую голову на ее грудь, его кожа побледнела, подчеркивая привлекательную родинку на правой щеке и выпирающий

кадык. Если бы Эмма могла использовать Хуа, она бы вылечила его, как когда-то вылечила Дэна. Но сейчас потоки Шу коконом окутали ребенка в ее животе, и их нельзя было перенаправлять ни на что другое. Она заплакала от страха и бессилия. В отличие от жителей этого мира, она вовсе не была привычна к убийцам и запаху паленой плоти.

— Прости меня, жена, — прохрипел Мэй. — Я недостаточно силен, чтобы защитить тебя как следует.

— Он должен был оставить лекарства, — пробормотала Эмма. — Нужно успокоиться и найти их. Вдох-выдох.

Эмма стянула с кровати простыню, разорвала зубами шелк и перевязала кровоточащее плечо мужа. На алом шелке крови не было видно, а Мэй старался улыбаться и не жаловался на боль. Эмму сильно тошнило, и в голове царил туман, но она постаралась отбросить ненужные мысли и сосредоточиться на необходимом.

Она перетрясла содержимое сундука, отыскала останавливающую кровотечение траву и другие лекарства, предназначенные для беременных. Неизвестно, подействуют ли они на драконов, но выбора не было. Эмма прислушивалась к рваному дыханию мужа и боялась не успеть. Мэй безропотно принял из ее рук все предложенные средства. Только бы их оказалось достаточно!

Эмма накинула халат и укрыла мужа одеялом. Выдохнула, размазала по лицу слезы, смешанные с кровью, невольно бросила взгляд на пять трупов, и ее пробрала дрожь.

— Мэй, ты лучше меня разбираешься в интригах. Кто послал этих убийц?

— Наемники, причем не очень умелые. На их одежде нет особых знаков, видимо, они не принадлежат ни к одному из именитых кланов убийц. Выходит, наниматель не слишком богат. Я ставлю на одну из наложниц наместника Ли, затаившую личную неприязнь к жене. А может, это человек из ее прошлого, еще до того, как она попала в драконью империю.

Мэй говорил спокойно и размеренно, но Эмма чувствовала, как жизнь по капле вытекает из его тела, а реакция замедляется.

— Ты слышишь? — обеспокоенно прошептала она, и у нее похолодело под сердцем. — Опять быстрые шаги.

На этот раз целый отряд закутанных в черное наемников с вышитой на плече змеей и мечами наперевес ворвался через разрушенную дверь. Они встали ровным рядом, отгораживая пути к отступлению. Мэй собрал последние силы и рывком спрятал Эмму под собственным телом. Несмотря на героический поступок мужа, оба понимали, что это конец.

Наемники, заметив трупы, тихо зашептались. Послышался звук натягиваемой тетивы. Мэй закрыл глаза, сосредотачиваясь, из его тела потянулся поток света, окружая Эмму экраном из чистого чи. Он слишком много энергии израсходовал сегодня. Сначала, чтобы помочь ребенку, потом — чтобы вернуть Эмме плоть, а потом чтобы уничтожить убийц. Как бы ни был силен Мэй, в нынешнем состоянии чи едва поддерживала его жизнь. Тратить жизненные потоки на жалкий щит очень глупо.

Поэтому Эмма принялась сопротивляться и осторожно отстранила Мэя. Ей удалось мельком увидеть выступившего вперед мужчину с холодными глазами. Нижнюю часть лица закрывала черная ткань, в руках блестел арбалет, стрела направлена прямо в спину Мэя.

Эмма, не раздумывая, изо всех сил оттолкнула мужа. Раньше ее жалкие потуги упирались в стальные мышцы, но на этот раз ей удалось сдвинуть ослабшего Мэя. Послышался щелчок, и стрела воткнулась в дощатый пол прямо между ними.

Размеренным движением наемник не спеша достал еще одну стрелу и зарядил арбалет. Эмма, закрыв глаза, попросила прощения у ребенка и приготовилась к последнему удару, который разнесет в порошок наемников, но также уничтожит маленькую жизнь в животе. Всего одно мгновение — и она передумала, поняв, что не сумеет причинить вреда малышу.

Даже на пороге смерти.

Но тут воздух разрезал свист клинков, двое наемников рухнули на пол. Высокий воин с двумя мечами в руках и с алыми волосами проредил нападающих. Запах крови в воздухе загустел, слышались стоны раненых.

Алый дракон не просто атаковал, он порхал в смертельном танце. Черные одежды с золотым шитьем разлетались, обнажая тренированное белое тело. Клинки в его руках находили и жалили плоть противников. Элитные наемники падали, как подкошенная трава. Арбалетчик мгновенно сориентировался, и следующая стрела полетела в сторону наместника Ли, но тот кляцнул зубами, и стрела разлетелась в щепки.

Затем красивое лицо посерело, вытянулось в хищную морду, на которой сверкали огненно-желтые глаза. Алые волосы стали гребневыми шипами. Из зубастой пасти вырвались столбы синего пламени. Тело осталось человеческим, только покрылось чешуей — бордовой на руках и ногах, темно-фиолетовой на животе. Частичная трансформация доступна лишь избранным драконам. Идеально подходит для битвы в закрытом пространстве, где не развернуться в истинной ипостаси.

Теперь, когда тело наместника стало почти неуязвимым, началась настоящая бойня. Наместник не выпускал из вида Эмму и Мэя, то и дело пресекая попытки наемников причинить им вред. И все же, поняв, что живыми им не уйти, наемники в черном озверели, выпустив в сторону Мэя рой отравленных игл, порошков, даже ползучих насекомых.

— Вон! — прорычал алый дракон.

Затем проломил плечом стену, схватил Мэя за шкуру и выбросил его в темноту ночи.

— Ничтожество, — фыркнул наместник. — Беспольный мусор. Обернись уже или не мешайся под ногами.

Эмма не в первый раз стала свидетельницей вспышек гнева наместника. Испугавшись за Мэя, она вскочила на ноги и побежала к дыре в стене, благо Дэн прикрыл ее отход, продолжая сражаться с наемниками. Она успела заметить, как муж скатился со склона кулем муки и застыл под ветвями ивы. Ее сердце сжалось от тревоги, и она скорее подбежала проверить, как он. Под животом Мэя расплывалось черное пятно крови. Эмма склонилась над ним, в панике прислушиваясь к хриплому дыханию.

Мэй тихо рычал от боли и ярости. На висках выступили синие чешуйки, глаза засветились желтыми всполохами, а затем он весь выгнулся, выпустив облако пара из ноздрей. Эмма миготом отскочила в сторону, побежала в укрытие, и сразу все осветилось, а иву объяло горячее синее пламя. Вместо молодого мужчины под деревом извивался от боли дракон с лазоревой чешуей.

Размером он был чуть меньше алого, но пламя из зубастой пасти вырывалось намного горячее, нанося страшный урон всему, стоящему на пути дракона. Как пьяный, он крутил головой, не в силах совладать с пламенем. Эмма наблюдала из укрытия, как холм перечеркнула черная полоса гари. Одно неверное движение, и загорелась хижина. Как и иву, ее мгновенно объял язык горячего синего пламени. Алый дракон в истинной ипостаси взмыл из всполохов прямо в небо и пророкотал, как умеют лишь драконы, особым низким голосом:

— Идиот, какой же идиот! Пожег всех, ни одного не оставил для допроса.

Потом наместник Ли несколько раз облетел холм, выискивая сбежавших наемников.

Лазоревый дракон так и не поднялся в воздух. Неимоверным усилием он перестал изрыгать пламя, отыскал Эмму и виновато положил голову на лапы напротив нее. Теперь из ноздрей поднимались вверх лишь две струйки пара.

Эмма поднялась на ноги, пошатываясь, подошла к мужу. В полный рост ее голова находилась на уровне желтых глаз дракона. Эмму все еще тошнило, а ноги подгибались от пережитого страха. Она погладила веки дракона и чувствительную кожу вокруг рта. Постепенно дракон успокоился, ровно задышал, лизнул раздвоенным языком ладонь Эммы, отвечая на ласку, а через мгновение вновь обернулся обнаженным мужчиной, лежащим ничком на земле у ее ног. На смуглом теле не было видно и следа от недавно полученных ужасных ран.

Наместник Ли, сделав еще один круг, опустился и ступил на землю в человеческом облики, прикрытый лишь длинными алыми волосами.

— Ты вернулся, — улыбнувшись, поприветствовала наместника Эмма.

— Разве я был когда-то в силах оставаться вдали от тебя?

Алый дракон жадно разглядывал Эмму, довольно отмечая произошедшие с ней перемены. Гложущая его тревога немного уменьшилась при виде румянца на ее щеках. Про себя он отметил, что слуга оказался не совсем бесполезен.

Фанг поднялся на ноги и обнял Эмму за талию, становясь между нею и наместником. Будто не заметив его маневра, наместник Ли сказал, не отводя пристального взгляда от Эммы:

— Я слышал, ты назвала его четвертым, значит, сохранила для меня место в своем сердце.

— Ты подслушивал! — закусил губу ведьма.

— Не в первый раз мне приходится слышать, как ты проводишь ночи с другими, — поморщился алый дракон. — У меня не осталось гордости, Эмма. После всего, что было между нами, я готов умолять.

— Дэн, ты мучаешь нас обоих. Во мне нет ничего особенного, в твоём распоряжении любая девушка империи. Сколько раз мы пытались простить друг друга и нарушали данные обещания, но не в этом дело. Я просто не могу больше находиться рядом с тобой. Убийцы, Дэн! Мне страшно, я вовсе не такая смелая, как вы все. Раньше я думала лишь о себе и мужьях, а теперь я должна заботиться о ребенке. Ты же сам сказал, что я буду в безопасности только вдали от тебя.

Желтые глаза наместника зло сверкнули, но он сумел сдержать гнев, только прошипел:

— Грядет война, а твои мужья не в состоянии защитить тебя. Я беру свои слова обратно, Эмма. Ты все сама понимаешь.

Эмма потерла переносицу, затем погладила руки обнимающего ее Фанга.

— Мы вновь возвращаемся к тому, с чего это началось. Ты — наместник, Дэн. У тебя обязанности перед миллионами жителей империи. Я всего лишь помеха.

— Я так много прошу, Эмма? — Глаза наместника загорелись нехорошим огнем, между губ показался раздвоенный язык. — Меня лишили возможности прикоснуться к тебе, какое-то ничтожество станет отцом моего ребенка, а я всего лишь прошу находиться рядом. Мне надо умолять на коленях, Эмма? Ты этого добиваешься?

Из ноздрей Фанга тоже повалил пар, выдавая нарастающий гнев.

Эмма не выдержала и все-таки высказала спрятанную в сердце обиду:

— Ты сам провел ночь с другой, зная, что это нарушит потоки чи. Адам не раз

предупреждал тебя. Теперь свободен, хоть весь свой гарем осчастливь!

— Не могу поверить, что ты попрекаешь меня единственной ночью с законной женой, прекрасно зная, что меня опоили, и по собственной воле я бы не совершил подобной подлости. Эмма, посмотри, как я готов унизиться.

Наместник Ли, принц по крови, генерал имперской армии, опустился на колени. Фанг потерял дар речи и даже забыл, как дышать.

— Хочешь, я буду твоим рабом, Эмма? Как тогда в Ра. С ошейником на моей шее у нас не было никаких разногласий. Тебе нравятся послушные мужчины?

Эмма ахнула, закрыв ладонями рот. Ей было невыносимо видеть гордого дракона на коленях. Она поняла, что снова проиграла, как и во всех прошлых стычках с этим невозможным мужчиной.

— Пожалуйста, встань, прекрати этот фарс. — Эмма устало закрыла глаза. — Ты нашел мое слабое место и с тех пор безжалостно пользуешься им в своих интересах.

— Я не прошу многого, с твоей стороны бессердечно отказывать мне, — спокойно сказал алый дракон, поднявшись на ноги и как ни в чем не бывало отряхнув колени от кусочков земли. — Согласись, я достаточно наказан.

Эмма выдохнула и покачала головой. Фанг все еще оторопело переводил взгляд с наместника на ведьму, стараясь по намекам выстроить цельную картину произошедшего между ними.

— Лучше скажи, — попросила Эмма. — Кто подослал этих наемников, и что нам делать дальше?

Алый дракон сразу заулыбался и расслабился, посылая Фангу взгляды, полные превосходства.

— Вот так бы сразу, любимая. Положись на меня и позволь направить вас.

Эмма подняла пальцы к виску, словно у нее заболела голова.

— Понятно, что первую группу наняла одна из змей моего гарема, с которой я обязательно разберусь, не переживай. Что непонятно, это как собачий выкормыш, обнимающий тебя, будто равный, позволил этим недорослям так тяжело ранить себя. Это же надо быть настолько бесполезным, тупым...

— Прекрати! — не выдержала Эмма.

— Не надо, жена, — впервые встрял в их разговор Мэй. — Теперь я понимаю, что обязан своим счастьем старшему мужу. Именно он устроил нашу встречу тогда на банкете. Он искал для жены сильнейшего дракона, в жилах которого течет кровь императора. Этот недостойный будет помнить всю жизнь, что старший брат вспомнил обо мне и остановил на мне свой выбор. Я готов принять заслуженное порицание и не буду противиться, если он решит наказать меня.

— Как ты можешь? — удивилась Эмма.

— Все же не настолько глуп, — удовлетворенно заключил наместник.

Фанг отпустил талию жены и склонился в поклоне перед алым драконом.

— Этот недостойный выражает благодарность старшему мужу за то, что старший доверил мне величайшее сокровище. Я буду стараться изо всех сил оправдать оказанное доверие. Я уже люблю ее всем сердцем и готов отдать жизнь...

— Пф-ф-ф, идиотская мысль. Вместо того чтобы подохнуть без всякой пользы, лучше бы придумал способ защитить Эмму. Без пинка не обернулся, лишь жалко скулил. Убожество!

Фанг согласно кивал, а Эмма, прикрыв глаза, в который раз поражалась искривленной логике этого мира. Внезапно задул холодный ночной ветер, и Эмма поежилась. Наместник сразу заметил это, а Фанг с невероятной скоростью соорудил костер и даже сумел зажечь его с помощью драконьего пламени.

На небе сверкала россыпь бриллиантовых звезд, светил молодой месяц. Ветерок унес запах гари, заменив его благоуханием ночных цветов. Наместник Ли надел привычные черные одеяния, шитые золотом, и нехотя дал Фангу похожий комплект. В дорогой одежде молодой слуга, озаренный светом луны, смотрелся весьма привлекательно.

Алый дракон возвышался над Фангом почти на голову, от него за версту несло аурой высокомерия, но Эмме никогда не удавалось противиться его обаянию. Адам говорил, что бессмысленно спорить с судьбой.

Эмма села, привалившись к груди Фанга, по одну сторону костра, наместник расположился на другой стороне, то и дело бросая на них полные ревности взгляды.

— Вторая группа наемников пришла за мной, — сказал Фанг, ожидая подтверждение наместника.

Дэн согласно кивнул.

— Их послал Чан Шухэнг, — продолжил Фанг. — Он возжелал жену и не смог смириться с тем, что ему предпочли меня.

— Очень великодушно с твоей стороны решить умереть от руки наемников в угоду младшему братцу, — заметил наместник. — Если бы я не вмешался, Эмма была бы по дороге в его гарем. Нам нельзя тут долго оставаться. Шухэнг упрям и не отступится от ускользнувшей женщины. Впрочем, я специально это устроил. Подстегнет четвертого больше стараться.

Мэй и Дэн понимающе переглянулись в полном согласии. Эмма в который раз подумала, что связываться с драконами было большой ошибкой. Они не только обладают второй ипостасью, но и мыслят совершенно непостижимым образом.

— Я хочу к Адаму и Эрику, — призналась Эмма.

Мэй напрягся, а Дэн, наоборот, одобрительно кивнул.

— Естественно, — сказал он. — Ты беременна, тебе необходимы их потоки чи. Одного четвертого недостаточно. К сожалению, у меня плохие новости. Ра одержали победу над горцами. Первый и второй мужья пропали без вести.

Эмма закусил губу и отстранилась от Мэя. Глаза наполнились слезами. Этих новостей она ждала и опасалась. Тоска заполнила всю ее, заставляя сердце сжиматься от безысходности.

— Нет, нет, они оба живы, я точно знаю. Я бы почувствовала, — пробормотала Эмма, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Фанг, позабытый в темноте за ее спиной, протянул руку, но не посмел дотронуться до жены. Если бы он мог, то стер бы любые мысли о других мужьях. Он из кожи вон будет лезть, но добьется того, чтобы его было достаточно.

Наместник посмотрел на Фанга и понимающе усмехнулся.

— Не советую ревновать. Знаю по горькому опыту — сам весь извелся от ревности, чуть не позеленел. Поверь, я не только слышал о них, а видел собственными глазами. Все равно ничего не поделаешь, прилипли к ней похуже тебя, как пиявки. Хотя более бесполезных отбросов свет не видывал. Ни одного, ни другого достойными воинами назвать нельзя. Ученый и торгаш. Я все перепробовал, чтобы от них избавиться, только себе хуже сделал. Если она дорога тебе — смирись, а лучше прими их существование как данность.

— Дэн, ты мне нравишься гораздо сильнее, когда твой рот закрыт! — вновь не выдержала Эмма.

— Любимая, этот рот доставлял тебе намного больше удовольствия открытым, — похабно улыбнулся алый дракон, медленно облизал пухлые губы раздвоенным языком и даже немного причмокнул, не сводя с нее полного похоти взгляда.

Эмма задохнулась от острого воспоминания о том времени, когда голова дракона расположилась у нее между ног, а рот был и правда занят другим. Ах, как умело двигался этот язык! Волна желания захлестнула Эмму, поднявшись от узелка между бедер.

Дэн внимательно наблюдал за ее реакцией, а заметив отклик, удовлетворенно откинулся и как ни в чем не бывало продолжил наставлять Фанга:

— А хуже всего, что эти двое неудачников не только спелись друг с другом, но и принялись за меня. С такой искренностью и открытостью, что противостоять невозможно. Как глоток чистой воды. Клянусь, я сопротивлялся, но мы стали ближе братьев по крови. Вместо того чтобы желать перерезать им глотку, я жду, когда они вернуться и помогут исправить совершенную ошибку. Особенно этот Эрик как посмотрит, так, кажется, мысли читает.

Эмма тихо улыбнулась.

— Да, Эрик умеет видеть в сердце глубокие помыслы. Он всегда защищал тебя, Дэн.

Они оба замолчали, а Фанг почувствовал, что между наместником и ведьмой

воцарилось согласие. Потрескивал огонь в маленьком костре, совы ухали на деревьях. Будущее казалось совершенно неопределенным, но в данный момент Фанга полностью захватило прошлое.

Он не смог противиться желанию и задал вопрос:

— Жена, кто ты на самом деле и как появилась в нашем мире?

Она очнулась, стряхивая остатки сна, в котором летела вслед за пленительным зовом по бесконечному коридору. Голос и сейчас звучал в ушах, шепча слова на неизвестном языке:

— Нида-дзя-цзай-наэр...

Веки были тяжелыми, в голове гудело, она с трудом открыла глаза и повернулась в сторону зова, как зачарованное животное.

Юноша с белым лицом и распущенными черными волосами бормотал то ли молитву, то ли заклинание, покачиваясь вперед-назад с закрытыми глазами.

Небо голубело над головой, цветущие ветви согласно кивали свежему ветерку и глубокому голосу. Тело покрылось мурашками холода и она внезапно ощутила, что лежит на твердом прохладном камне, полностью обнаженная.

Судорожный вдох, и молодой мужчина, открыв глаза, жадно всмотрелся в ее лицо.

А он не так уж и молод, поразительно красив. Такой, агрессивной красотой, когда прямиком смотреть опасно для самообладания. Черты лица правильные — высокий лоб, брови словно нарисованные углем, глаза раскосые, выразительные, опущенные длинными ресницами, твердый подбородок.

— Кто я? — сказала она, поразившись собственному вопросу.

А потом вспомнила, будто лопнул мыльный пузырь. Перед глазами мгновенной вспышкой пронеслась прежняя жизнь, а потом нахлынул длинный сон, в котором ее влек голос этого черноволосого мужчины. Ее звали... Как же ее звали?

Незнакомец встретился с ней взглядом. Рот мужчины раскрылся от удивления, затем он вдруг закатил глаза и упал без чувств прямо на землю.

Она потрясенно застыла, затем перевела взгляд на лежащее на алтаре тело, отныне принадлежавшее ей. Есть на что полюбоваться. Алебастровая шелковистая на ощупь кожа. Маленькие изящные ступни с жемчужинками пальцев. Она пошевелила ими, вспоминая прошлую жизнь. Кажется, настоящее тело было намного выше и полнее. Её звали — Эмма. Да, именно так.

Что делать, если ты очнулся в чужом теле? Мысли путались в голове, но отчего-то Эмме было вовсе не страшно, будто это такая игра. Даже тело ощущалось не совсем настоящим.

Она повернулась, присела, ощутив приступ дурноты. Ее окутала волна золотистых волос, падающих до самых икр. Проведя сквозь шелковые пряди пальцы Эмма удивленно затаила дыхание — это были ее волосы. Раньше она признавала только практичные прически до плеч. У нее не было ни времени ни денег на себя.

Ноги Эммы холодил каменный алтарь, покрытый неизвестными письменами и кровавыми разводами. Ей воспользоваться моментом и сбежать в лес или наоборот, разбудить колдуна?

Эмма соскользнула с высокого камня. Не рассчитав движения, растянулась прямо поверх незнакомца, лежавшего без чувств. Он, кажется, даже не дышал, и не заметил ее веса. Эмма же наоборот, не могла оторвать глаз от совершенной формы, чуть приоткрытых губ незнакомца, так и манящих поцеловать.

Она затрясла головой, и отсела в сторону, прочь от смущающей ситуации, в которой она совершенно обнаженная домогается чужого мужчину, лежащего без чувств. С ней точно ничего подобного не происходило раньше.

Мужчина был странно одет — в белый халат с широкими рукавами. В воротах виднелся еще один халат голубого цвета, и белая полоска третьего нижнего одеяния. Воротник расшит перламутровыми нитями, изображающими языки пламени. Эмма отметила кровь, багровой цепочкой пятнающей подол одежды мужчины, а затем увидела, что кровь нанесена и по ее запястьям и внизу живота непонятными рунами.

Тут он очнулся с резким вдохом. Эмма поняла, что все это время он и правду не дышал. Колдун захрипел, потом вскочил на ноги, закрыв полнеба широкими плечами, повернулся в ее сторону, и удивленно воскликнул:

— Этот заклинатель недостойн подобного чуда!

Вернее, он что-то другое сказал, но она его поняла. Кроме этого, по невидимым жгутам в ее новое тело перетек захлестнувший его восторг перемешанный с ужасом, затаенный страх и дикое волнение. Надо же, какой коктейль эмоций, а на бледном лице лишь услужливая улыбка.

Все происходящее воспринималось как должное. Как продолжение сна. Мужчина был красив, как мечта, воздух дышал свежестью, а сама она выглядела как ювелирно сработанная куколка.

Земля была чуть влажная, под ногами пружинил мягкий мох. Вокруг простирался весенний лес с набухшими почками. Желтая тропинка уходила куда-то из под ног в глубь чащи.

— Что это? — спросила она, указывая на потеки крови у себя на запястьях..

— Недостойный принес жертву согласно ритуалу, отдав собственную кровь — с готовностью ответил он.

У него был глубокий приятный голос. Эмма дышала свежим воздухом, наполненным запахами дождя, прелой листвы и хвои. Рассматривала красивого мужчину, снова склонившему перед ней голову. Она все еще ощущала себя заполненной пузырьками восторга, плывущей в гуще приятного сна.

— Какой ритуал? — спросила она, опустив взгляд на собственную идеальную грудь, больше подходящую кукле, чем живой женщине. Под двумя округлыми полушариями виднелся маленький плоский животик с аккуратной выемкой пупка, словно вылепленный скульптором.

— Вдохнуть жизнь в неживое, — растерянно прошептал мужчина. — Этот слуга недостаточно умен, чтобы расшифровывать записи великого Гуанхина. Я совершил ошибку... Что же будет?

«Он оживил меня, — подумала Эмма. — Значит, я умерла? Там далеко, по ту сторону сна?»

Нет, точно нет. Эмма помнила себя совершенно здоровой молодой девушкой, которая переехала в другую страну с одним чемоданом с большими планами на будущее. В крохотную комнатку с двухъярусными кроватями и пятью соседками из Китая.

«Он долго приманивал мою душу», — вспомнила она.

Эмма слышала его голос уже давно, но воспринимала, как безобидные грезы. Он обещал показать красоту нового мира, нежные розовые лепестки цветущей вишни, бреющий полет дракона, рассекающий небо. Этот мужчина был поэтом в душе. Ей казалось, что погружение в чужую культуру вызвало столь яркие сны, но нет...

— Как давно ты звал меня?

— Я не надеялся на успех, госпожа, но проявлял усердие уже две луны, повторяя священные слова, записанные Гуанхином.

«Сходится, — решила Эмма. — «Нужно было не прислушиваться к сладкому шепоту, зовущему вдаль. Впрочем... Он не обманул меня. Тут и вправду сказочно красиво».

— Зачем я нужна тебе? — Эмма подняла тонкое запястье запачканное кровью к глазам.

Он прикусил нижнюю губу, и тяжело задышал, пряча глаза. Эмма, по соединяющей их связи ощутила то, что он не сказал, и испугалась. Вернее одна часть сознания похолодела от нехорошего предчувствия, в то время, как другая заставила взгляд опуститься к бедрам колдуна, где обличительно встопорщилась ткань. Эмма облизнула пересохшие губы, отчего щеки колдуна окрасил густой румянец.

— Госпоже следует укрыться, вечером очень холодно, — несчастно прохрипел мужчина. — Негодный слуга не подумал об этом. Примите мою верхнюю одежду и простите слугу за то, что та запятнана кровью. Я очень провинился и буду наказан.

Он быстро снял с себя белое одеяние, оставшись одетым в голубой нижний халат из блестящей гладкой ткани. Эмма отвела глаза, отметив, что он ладно сложен, хотя и худощав. Это был сильный высокий мужчина с широкими плечами и длинными стройными ногами. К коже прикоснулась прохладная ткань, запах железа и крови зашекетал ноздри.

Отвернувшись от нее, все еще в почтительном поклоне мужчина сказал.

— Глупый заклинатель решил потешить свою гордость, доказав, что магией возможно создать, а не родить женщину ранга Лу. Он не знал, что тем самым еще больше нарушит потоки Ши, и причинит вам несчастье.

Эмма ничего не поняла из его слов, и все же решила спросить:

— Что ты собираешься делать со мной?

Последовало молчание. Новое сердце Эммы колотилось в груди, по жгутам соединяющих их эмоций текло горькое чувство вины.

— Госпожа сама решит свою судьбу, — наконец прошептал колдун. — Слуга будет по мере сил и стараний оберегать ее.

— Вот как... — Эмма освободила тяжелую копну золотых волос из ворота халата, запахнула пояс, и мужчина, чуть повернувший голову и заметивший её движение, судорожно вздохнул и отвернулся.

— Ты желал себе жену или любовницу? — прямо спросила Эмма.

Прагматично посмотрев на ситуацию, это было наиболее разумное объяснение оживлению куклы. Не в шахматы же с ней играть.

— Слуга не достоин вас... — сразу стал отнекиваться колдун, но его эмоции предательски рассказали совсем другую историю.

— Как тебя зовут? — перебила его Эмма.

— Айгуо Цзианью из семьи Йи, готов служить вам до последней капли крови, госпожа.

— Ничего не понимаю, — тихо пробормотала Эмма, и добавила, чуть громче и тверже. — Сможешь ли ты вернуть меня домой?

Он сразу потух, словно свеча на ветру. Отвернулся, взмахнув копной черных волос, зазмеившихся по стройной спине, но вдруг осунулся, спрятал лицо в ладонях, и Эмма почувствовала, по связывающим их канатам, разлитую в груди горечь. Что такого она сказала?

Заклинатель поднялся стремительным движением, сделал жест, предлагая следовать за ним.

— Госпожа получит ответы на все вопросы. Пожалуйста, простите, этого недостойного. Слуга сделает все возможное для удобства госпожи.

Взгляд Эммы опять невольно притянулся к губам колдуна. Все в нем было удивительно гармоничным, а движения отточенные, как у танцора или гимнаста. Эмма прикоснулась к его предплечью, и ее пронзило сильное чувство тоски. Голова закружилась, ей захотелось всем телом прижаться к нему, стать одним целым. Испугавшись, она отдернула руку. Кончики пальцев охватило странное онемение.

На лице заклинателя застыло нечитаемое выражение, и только, чуть дрожащая нижняя губа выдавала напряжение чувств.

— Я не хотела обидеть тебя неуместным вопросом.

— Слуга слишком ничтожен, чтобы обижаться на слова госпожи, — заверил он.

Эмма осталась в полном замешательстве баюкать правую кисть. В голове роилось множество вопросов, но происходящее было настолько странным, что она не знала, какой из них задать первым.

Они молча проследовали по желтой дорожке. Небо чистого голубого оттенка с белыми мазками облаков простиралось над головой. По дороге попадались деревья, усыпанные белыми цветами с розовой сердцевинкой, пахнущие сладостью и свежестью. Пели птицы, по краям тропинки золотились одуванчики. Природа играла музыку, наполняющую сердце Эммы томлением и радостью. Впереди шел стройный молодой мужчина, погруженный в свои мысли.

«Где же я? Никто не отзывается о себе в третьем лице и не называет женщину госпожой. Я попала в прошлое? Нет, не может быть, он упоминал магию. Это волшебство или сон, потому что тело чужое. К тому же я чувствую этого колдуна, как саму себя».

Прогулка по лесу длилась не больше пятнадцати минут. После очередного поворота, впереди показался аккуратный деревянный домик, идеально подходящий сказочно красивому лесу. На покатой крыше ровными рядами лежала красноватая черепица, за забором, на ровных грядках, бурно росли различные пахучие травы. Мужчина открыл калитку, провел по чистому двору, вымощенному ровными серыми плитами. Пока они шли к домику Эмма вглядывалась в огород. Она выросла в деревне, и ей приходилось ухаживать за растениями. Разглядев мяту, она обрадовалась, но другие стебли, с мелкими алыми цветочками или с сердцевидными лиловыми листьями, были ей не известны. Подняв взгляд, Эмма отметила в окнах дома резные решетки, затянутые бумагой, металлический замок, выглядевший вполне современным.

«Все-таки сон», — решила она. — «Современность мешается с выдуманным. Может, посмотрела красочный фильм перед тем, как ложиться теперь такие странные осязаемые грезы».

Внутри домика было светло. Их встретила чистенькая кухня. С потолка свисали пучки душистых трав, косички чеснока и лука. Плиты или холодильника не было, лишь шкафчики, ящики, широкий дощатый стол. Стены без признаков электричества, но повсюду расставлены стеклянные вазы с шелковыми абажурами. Светильники? На полу — красивый половик с вышитыми цветами ручной работы. На стене висели широкие листы бумаги с нарисованными горами в утренней дымке. За ширмой виднелось еще одно пустое помещение, где скрылся ее провожатый, чтобы переодеться.

Эмма провела ладонью по столу, ощутив его шершавость, вдохнула пряный запах сушеной лаванды. Все было слишком реально для сна. Но как поверить в происходящее? Следует допустить, что ее душа теперь заключена в тело алебастровой куклы...

«Я дышу, двигаюсь, чувствую собственный пульс. Я жива!»

Айгуо-как-его-там появился из дальней комнаты, одетый в новый халат лазоревого цвета с серебряной вышивкой, и с еще более широкими рукавами. На руках он держал

сложенную одежду, которую протянул Эмме, опускаясь на колени.

— Слуга не позаботился о хорошей одежде для госпожи. Это грубый халат золовки заклинателя, но слуга добудет для госпожи лучшую одежду, чтобы искупить вину.

Эмма опустилась на пол подле мужчины, чем повергла его в недоумение. Осторожно, чтобы не дотронуться до запястья заклинателя, забрала стопку блестящей ткани, и тихо проговорила, тщательно подбирая слова:

— Там, откуда я пришла принято обращаться друг к другу, как к равным. Я не знакома с вашими обычаями и могу показаться грубой.

— Этот заклинатель знаком с обычаями мира госпожи. Госпожа не должна переживать о том, что будет не понятой. — возразил мужчина. — Слуга недостоин ее милости.

— Постой, — поморщилась Эмма. — Ты ведь волшебник, как ты можешь быть слугой?

Он посмотрел на Эмму с нежностью, затем несмело поднял ее руку, и склонился, прикоснувшись лбом к воздуху над запястьем.

Эмму опять до сердца пробрало ненасытным томлением, и она с трудом выдержала мимолетное касание.

— Для меня честь, если госпожа позволит прислуживать ей и защищать ее. Дар управления Хуа в почете и этот слуга занимает не последнюю должность.

— Не так быстро, — отобрав руку, Эмма прикоснулась ко лбу. — Я еще многого не понимаю. Ты так и не ответил, можно ли вернуть меня назад.

— Госпожа не сердитесь на недостойного слугу, — он опустил голову и вновь огорчился. — Пришло время рассказать правду.

Он повел ее к низкому столику в углу, усадил на низкую подушку, сам устроился на коленях напротив.

— В вашем мире остался лишь пустой кокон, в который невозможно вернуться, расправившей крылья бабочке. Только если заклинатель, подобный вашему слуге, сумеет сотворить тело, и позвать вашу душу...

— То есть, — дрожащим голосом спросила Эмма. — Я никогда не увижу дом? Я умерла?

Эмма почувствовала, что ее сердце онемело. Ее больше не радовало странное приключение. Она вспомнила родителей, стопку наличных под матрасом, готовых к переводу на лечение матери, и в горле стало сухо. Эмма только встала на ноги в чужой стране, она прочитала в интернете о новом методе реабилитации и надеялась опробовать. Она прилежно училась, работала, и выживала там, где ей каркали провал. Ее не смущали трудности. Эмма была готова доказать, что достойна возложенных на нее надежд. Все обернулось прахом из-за эксперимента какого-то колдуна в другом мире.

Ей стало душно, она вышла во двор, чтобы побыть немного в одиночестве. Грудь стискивало отчаяние, но слез не было. Эмма привыкла прятать собственную слабость. К тому же нельзя забывать, что она совсем одна, зависима от неизвестного мужчины, который очень услужлив и красив, но кто знает, что скрывается за верхней шелухой?

Судорожно вздохнув, Эмма приказала себе собраться с мыслями. Мужчина обнаружился на коленях у ее ног. Он выглядел совсем несчастным. Эмма больше не ощущала его эмоций, видимо, эта связь растаяла.

— Хватит! — в сердцах воскликнула она.

Мужчина вздрогнул, и Эмма опустилась на колени подле него.

— К чему притворяться, если я чувствую твои истинные помыслы! Ты столько недоговариваешь, что у меня голова идет кругом!

— Этот слуга не смеет! Госпожа должна верить мне!

Эмма закусила губу. Все впустую, зачем она пытается изменить что-то? Ей самой нужно привыкнуть, что она оказалась в еще более чуждом месте, теперь ей опять нужно подстроится, понять, что происходит.

Мужчина почувствовал перемену в настроении и замолчал, с мольбой смотря на нее снизу вверх.

— Ладно, прости меня, — выдавила из себя Эмма.

Она старалась изо всех сил не расклеиться, сохранить ясность мыслей.

— Я ценю твою заботу, — наконец сумела продолжить Эмма. — Как тебя зовут?

— Айгуо Цзианью из семьи Йи, — опустив голову, расстроено прошептал мужчина. —

Слуга уже... Я уже говорил госпоже.

— Прости, — смутилась Эмма, смущенно заправив непослушные золотые волосы за ухо. — Можно я буду звать тебя, Адамом? Прости, что не могу запомнить твое имя я очень расстроена сейчас, но потом обязательно...

Мужчина широко улыбнулся, и поднял руку, останавливая изливания Эммы:

— Для меня честь получить от госпожи... От Эммы новое имя. Пусть оно будет моим.

Что означает — Адам?

Она глубоко вздохнула, прикрыв глаза. Разговор был странным, и она никак не могла ухватить суть происходящего. А может так и нужно? Кто на ее месте мог бы остаться спокойным? Эмму выдернули как сорняк из привычного окружения, забросили другое измерение с совершенно иной культурой. Лучше, если она будет плыть по течению, пока поток новой информации не разложится по полочкам.

— Адам был первым мужчиной на земле, так говорят предания моей страны. Ты — первый, кого я встретила. Это имя тебе подходит.

От ее слов глаза Адама засверкали, и он вновь потянулся прикоснуться лбом к ее ладони.

— Красивое звучное имя, да еще столь значимое. Я буду жить надеждой оправдать его, Эмма.

Он помог ей подняться, затем проводил на задний дворик, где под навесом в углублении плескалась чистая вода. У Эммы кружилась голова от его прикосновения, и все тело горело. Она с облегчением отодвинула его руку, и прислонилась к деревянной подпорке навеса.

— Таланты Адама позволяют нагреть для Эммы купальню, — почтительно произнес он. — К сожалению, у меня нет подходящего Эмме бальзама для волос и тела. Предлагаю воспользоваться моим.

— Меня все устраивает, — заверила она. — Могу ли я попросить полотенце?

— Адам принесет все необходимое, — он произносил свое имя с явным удовольствием, смакуя его, как сладость.

Эмма осталась одна под ветвями цветущего дерева. Не удержалась, и дотронулась до нежного белого цветка с пятью лепестками, он тут же упал в ее ладонь, и заблагоухал чайной розой. Подле входа в дом стояли два горшка с пышными розовыми цветами, похожими на пионы. Видно, что Адам любил и ценил красоту.

Купальню окружали высокие деревья с резными листьями, напоминающие клен. Эмме огляделась вокруг, стараясь заметить зверье и птиц. В этом мире люди были точно такие же, как на земле. Хотя нет, надо признать, что Адам рослее и красивее знакомых Эмме мужчин. Черты его лица не подходили ни одной расе — глаза чуть раскосые, выразительные, скулы высокие, подбородок твердый, а губы пухлые и красиво вылепленные. Он красив, как мечта.

Эмма опустила на колени, и постаралась поймать свое отражение в ровной воде бассейна. Что ж, насколько позволяет судить размытая картинка, она тоже стала ладной белокожей куколкой с копной золотых волос. Талия узкая, бедра покатые, ноги длинные и стройные. Эмма с досадой отвернулась. В отражении сквозило нечто искусственное.

По словам Адама выходило, что он вылепил тело и призвал в него душу из другого мира. На первый взгляд у нее было все на месте, но движения получались немного деревянными, будто вместо суставов шарниры. Эмма не ощущала это тело своим и все ощущалась словно сквозь пелену, приглушенно. Её переполнял водоворот эмоций, только когда она касалась закладывая.

Эмма дотронулась до воды, та была идеальной температуры. С наслаждением скинула с себя запачканный кровью халат, и погрузилась в бассейн.

— Эмма, — тихо позвал ее Адам.

Мужчина, почтительно опустив голову, держал перед собой поднос с белой тканью полотенца, на котором лежал стеклянным сосуд с розовой жидкостью. Он опустил деревянный поднос на камни, и протянул Эмме халат, не поднимая взгляда.

— Слуга не успел вовремя принести госпоже одеяние для купания.

Эмма смотрела на халат и раздумывала, одеться ли ей, чтобы оправдать ожидания Адама или поступить как привыкла. Потом отвернулась и окунулась в воду не думая прикрыть себя руками. Он — ее создатель, имеет полное право разглядывать свое творение.

Она тщательно и долго мылась, пытаясь насладиться теплотой прозрачной воды и

напоенным ароматами цветов воздухом. Чего-то не хватало, все ощущалось пресным, как несоленый суп. Начертанные кровью символы не смылись, а лишь немного побледнели. Адам так и остался коленопреклоненной статуей, чутко вслушиваясь в любой ее приказ.

Эмме нужно было время, чтобы свыкнуться с новым телом, погоревать о прошлой жизни. Она подавляла в себе желание накинуться на Адама с упреками, требуя вернуть обратно. Не оставляла мысль о том, что он возможно утаил правду, чтобы оставить ее тут.

Наконец она решилась попробовать подражать его высокопарной речи. В конце концов каждое сказанное слово — чистая правда.

— Эта недостойная не выполнила данную матери клятву в прошлой жизни. Ей необходимо вернуться, чтобы закончить начатое дело, иначе не выдержать позора.

Адам склонился еще ниже и удрученно ответил:

— Глупый слуга осознает, что совершил непростительное преступление по отношению к госпоже. Слуга готов принести свою жизнь в счет неоплаченной госпожой клятвы. Госпожа должна жить, на ней нет знака клятвopреступника. Знак берет на себя недостойный слуга.

«Не сработало», — мрачно подумала Эмма.

— Нет ли другого пути вернуть меня обратно?

— Слуга не смеет солгать госпоже, — с достоинством сообщил Адам.

— Что со мной будет? — горестно спросила Эмма.

— Клянусь служить госпоже до последнего вздоха, — заверил ее Адам.

— Кто позаботится о моих родителях? — горестно отмахнулась Эмма.

Все, что она до сих пор делала было для них.

— Этот слуга смиренно просит госпожу поделиться своими тревогами. Он сделает все возможное, чтобы облегчить их.

Эмма рывком села на край каменного бассейна, резким движением схватила полотенце с подноса. Вытирая себя, Эмма заметила, что по неосторожности растерла кожу до красноты. Она резко сжала зубы в досаде, заставила себя разжать ткань. Адам сидел рядом не поднимая глаз, кажется, не дыша. Эмма натянула на себя нижнюю рубашу, затем блестящее малахитовое платье, укрывшее ее до самых кончиков ног.

— Моя мама попала в аварию, когда мне было пятнадцать лет. Она не может ходить, ее плохо слушаются руки. Отцу пришлось уйти с работы, чтобы ухаживать за ней. Я старалась сделать все возможное, чтобы им было легче.

Переезд в квартиру на первом этаже, дорогой ремонт, потому что перестроить нужно было все — дверные проемы, неподходящие для инвалидной коляски, узкая ванная комната, дурацкая планировка. Эмма хотела бросить школу, но на семейном совете решили сделать по другому. Она считалась восходящей звездой. Эмма бросила все силы на учебу, участвовала в региональных конкурсах, а позже, вытянула счастливый билет, и отправилась на бесплатное обучение в столицу. А потом подала документы в штаты и ее приняли на докторскую степень в Колумбийский университет. Утром она сидела в первых рядах на лекциях, вечером работала. Жила в Чайна-тауне, снимая квартиру за гроши. Деньги посылала отцу. То, что в считалось жалким заработком, держало ее родителей на плаву.

— Что будет с ними? — повторила она, сжимая кулаки.

Адам встал позади нее. Эмма слышала его тяжелое дыхание.

— Простите неудобного слугу. Мне было предназначено звездами пострадать из-за гордыни, но я не думал, что доставлю горести не только себе. Я низко пал, пытаюсь обмануть богиню судьбы. Слуга сделает все возможное, чтобы искупить причиненное зло.

Он встал напротив нее, положил руку на сердце и признался.

— На самом деле душу этого слуги затащило в тело госпожи в ее собственном мире на освободившееся место. Тут прошло лишь несколько мгновений, но там пролетели недели.

— Что-о?

Тут Эмма потеряла остатки самообладания и сжала кулаки, готовясь вцепиться в горло колдуна. А на лице заклинателя, наоборот, появилась теплая улыбка, как будто он вспомнил что-то приятное.

— Адам очень хорошо понимает Эмму. Он сам очнулся в чужом мире, где окружающие сочли этого слугу в облике госпожи заболевшим внезапной душевной хворью. На самом деле, Эмма не знает, сколько людей любят ее и беспокоятся о ней.

— Что ты наделал? Как ты посмел?

Адам поднял ладони, защищаясь от ее гнева.

— У этого заклинателя не было выбора! Поначалу он не знал, что произошло. Потом открылось, что твой мир отталкивает мою душу и я понял, что скоро вернусь в Ра. Этот слуга осознал, что своим заклинанием привел к смерти госпожи, а по возвращению, оказалось, что в потоках Ши произошел еще больший дисбаланс. Мне очень жаль, правда.

— Ха, жаль! Да я готова удавить тебя собственными руками!

Эмма и вправду не выдержала и накинулась на колдуна. Негодование на то, что он не только выдернул ее, притащил неизвестно куда, да еще имел наглость занять ее место!

Она всегда была разумна, уравновешена, но тут потеряла всякое самообладание и принялась колотить Адама по груди, затем размахнулась и залепила ему пощечину. Это было большой ошибкой, так как любое касание колдуна взрывалось нестерпимым желанием. Эмма внезапно обнаружила, что целует заклинателя в губы с осязательным удовольствием и напором, а тот с не меньшим энтузиазмом прижимает ее к себе.

Бывает, встретишь незнакомца в толпе, и сердце прошивает разрядом молнии. Взгляд отвести невозможно, а подсознание настойчиво твердит, этот человек — особенный. Он проходит мимо, не заметив, а ты оборачиваешься, выискивая его лицо. Именно это чувствовала Эмма, глядя на Адама. Сказать, что он ей нравился, будто назвать солнце — свечой. Еще когда только открыла глаза на алтаре, ей показалось, что красивее никого на свете нет.

— Прости меня, — она медленно выговорила, отстранившись и краснея. — Я не в себе.

— Это слуге нужно вымолить прощения госпожи, — остановил он ее. — Но слова пусты, негодному заклинателю следует выразить делами глубину раскаяния.

Гнев обернулся слезами бессилия. Эмма осела на низкую подушку и спрятала лицо в ладонях. Сердиться на колдуна невозможно, он смотрит на нее преданными собачьими глазами, но что ей остается?

— Что ты натворил в моем теле? Я правда не могу вернуться домой?

— Увы, госпожа правда не может вернуться. Что я делал? Когда соседки по комнате решили, что с госпожой приключилась беда, и она потеряла разум из-за нагрузки в учебе и ночной работы, они были готовы отдать все сбережения для ее лечения. Даже родители госпожи хотели прислать денег.

— Маме нельзя волноваться, перепады давления опасны в ее состоянии! — Эмма от злости сжала кулаки.

— Этот слуга постепенно разобрался в ситуации и успокоил достопочтенных отца и мать. Анни Ченг и Анни Ванг рассказали, что ценится в вашем мире. Я сохранил дао управления Хуа, а они помогли продать сотворенные драгоценности. Через систему банков мы перевели три миллиона долларов на счет родителей госпожи. После этого, я почувствовал, что мое время на исходе. Ничто не уменьшит горе матери, потерявшей ребенка, но я рассказал им правду о том, что твоя душа в нашем мире. Я сделаю все возможное, чтобы вы могли вновь поговорить хотя бы через сны. Увы, это не под силу мне сейчас.

Эмма схватилась за голову и разрыдалась. Нет возврата, нет выхода.

Внезапно, ее осенила дикая надежда на то, что заклинатель соврал.

— Как зовут моих родителей?

— Рита и Эдуард, — спокойно ответил заклинатель. — Младшего брата госпожи зовут, Денис. Руководителя по докторской степени зовут профессор Сильвию. Она приезжала, справиться о здоровье госпожи.

— Хватит, — прошептала Эмма. — Я больше не хочу ничего знать. Мне нужно подумать, как быть дальше.

На вороте и по рукавам малахитового платья, выданного Эмме, были шелком искусно вышиты белые цветы, похожие на лилии, между ними порхали бабочки с нежно розовыми крыльями. Стежки явно сделаны вручную умелой рукой. Одежда закрывала абсолютно все, от шеи до лодыжек, опускаясь вниз свободными складками. На миниатюрной блондинке, отражающейся в зеркале, одеяние смотрелось уместно и целомудренно.

Обернувшись, Эмма заметила, что ею украдкой любуется Адам, стоя на почтительном расстоянии.

— Слуга подарит госпоже заколки и украшения достойные ее изящества, — пообещал он. — Простите за скромное подношение.

У Эммы голова шла кругом от нового мира. Ее новое облачение было похоже на ночную рубашку. Адам носил халаты, как в древнем Китае. Цельной картинкой о жизни в новом мире еще не выстроилось. Ясно было одно — кроме законов физики, тут владели способностями, которые могли приманить душу из другого мира. Какими еще особенностями обладал Адам, Эмма не ведала.

— Расскажи, как тебе удалось призвать меня.

— Это долгий разговор, — вздохнул Адам. — Я хотел бы пригласить госпожу разделить со мной скромный ужин.

Адам сделал приглашающий изящный жест в сторону стола, оставив другую руку, сжатую в кулак, за спиной.

Адам провел ее на кухню, усадил за дощатый стол, накрытый красивой золотистой скатертью стол, уставленный множеством блюдец и чашечек, наполненных странных кушаний. Эмма рассмотрела красную траву, усыпанную зелеными кольцами, розоватые студенистые кусочки, голубые кубики, залитые прозрачным сиропом.

— Простите за скромную трапезу и оформление ужина, недостойное утонченного вкуса госпожи.

— Очень изысканно, — уверила его Эмма, сомневаясь в том, что в красиво оформленных плошках содержалось нечто съедобное.

Адам сел напротив нее, не притрагиваясь к трапезе. Эмма догадалась, что ей следует первой попробовать блюда, но все выглядело слишком чуждым и не аппетитным.

Подле тарелки лежали две серебряные палочки с искусно выполненным набалдашником в форме спящих драконов. Эмма обрадовалась, что научилась обращаться с палочками от соседок по комнате.

Она набралась смелости и взяла розоватые кусочки, оказавшиеся рыбой. Вкусная, чуть солоноватая, очень свежая.

— Когда ты только успел все приготовить? Мне казалось ты не отходил от меня.

— Что вы, госпожа! Слуга слишком неумел, чтобы почтить госпожу блюдами собственного приготовления. Лишь скатерть создана этим заклинателем из слез земли — Хуа. Скатерть с помощью Ши доставляет приготовленную поварами еду из моего дома. Я удалился в лес, чтобы практиковаться в потоках Ши, которое требует уединения и многих часов медитации. Без еды слуга не может сосредоточиться, поэтому все доставляется свежим и вкусным

— Благодарю за трапезу, — кивнула Эмма и набрала себе голубых кубиков. Они

оказались сладкие, но вкус хорошо сочетался с рыбой.

Под пристальным взглядом Адама, Эмма смутилась и отставила палочки. Сам он не взял в рот ни крошки.

Увидев опущенный взгляд призванной, заклинатель истолковал его по-своему.

— Госпоже не по вкусу корень льяна? Я позабочусь о том, чтобы его больше не подавали.

— Почему ты ничего не ешь, Адам? — прямо спросила она.

— Госпоже не нужно беспокоиться о здоровье слуги, я в полном порядке. Мои мысли заняты тем, как рассказать госпоже о Ра.

— Я буду благодарна за правду, — холодно сказала Эмма отставляя палочки. Драконы обиженно звякнули. — Зачем я нужна тебе?

Заклинатель встал, отвернулся к окну, взмахнув длинными черными волосами, заложив руки за спиной, а Эмма вновь принялась за еду.

— Душу слуги пронзает боль при взгляде на грусть госпожи. Слуга сделает все возможное, чтобы ее жизнь была наполнена благоденствием.

— Я готова слушать, — Эмма чуть наклонила голову.

— Моя главная задача служить госпоже. Она должна доверять суждению этого заклинателя. Колдовство еще не окончено. Тело госпожи создано из магической субстанции Хуа. Чтобы субстанция окончательно приняла душу госпожи необходимо как можно быстрее задействовать все органы чувств и эмоций свойственные человеку. Иначе печать не обретет силу и душа господи рассеется.

Эмма побледнела. Палочки стукнулись о поверхность стола. Если она поняла правильно, только что услужливым голосом ей сообщили роковую весть!

Ее душа рассеется. Она умрет, если не подчинит это тело.

— Госпожа, прошу вас, ешьте! — взмахнул рукой Адам. — Слуга специально позаботился, чтобы на столе была сладкая, горькая, соленая и острая пища. Нужно задействовать все вкусы.

Эмма подцепила нарезанное мелкими кусочками мясо. Очень острое, рот горел и Эмма покраснела, на лбу выступила испарина. Адам подбежал к ней, опустился на колени, достал шелковый платок, и легкими как касания крыла бабочки движениями промокнул влагу. Затем Эмма уделила внимание кислой капусте, попробовала воздушных пирожков, политых медовым сиропом. Она послушно пробовала все, на что он указывал, стараясь ничего не пропустить. Пусть ей следовало ощутить вкусы, но Эмма могла жевать траву с тем же успехом. Ее сердце занемело от страха.

Насытившись, она отставила палочки и внимательно посмотрела на Адама. Интуиция не подвела. Он очень умен этот мужчина, сумевший приманить ее душу через преграду миров. Не стоит обманываться покорностью, он умеет добиваться своего.

Адам начертал в воздухе знак и прошептал несколько слов. Золотистая скатерть исчезла вместе с грязной посудой. Эмма поразилась волшебству, произошедшему у нее на глазах, словно нечто обыденное. Она не успела выразить восхищение умениями колдуна, как тот сказал:

— Теперь слуге необходимо сыграть для госпожи мелодию. Хорошая музыка услаждает слух, но слуга плохо играет на суньми. Он просит прощения у госпожи за скудные способности. Пусть госпожа поначалу прислушается, а затем станцует, как ей подсказывает сердце. Не стоит беспокоиться об изяществе движений, главное напивать субстанцию Хуа эмоциями.

Адам достал из шкафа красный футляр, украшенный золотой тесьмой и извлек и него музыкальный инструмент, напоминающий лежащую на боку арфу с многочисленными струнами. Опустившись на подушку и надев на длинные пальцы наперстки в виде серебряных когтей, Адам заиграл, не поднимая глаз приятную на слух неторопливую мелодию.

Он, конечно же, принизил свои способности. Адам играл безупречно, с чувством, вкладывая в музыку непонятное Эмме послание, от которого ныло сердце. Ей представились двое влюбленных на тонком мосте над речкой, прощающихся навсегда. Мелодия оплакивала любовь, обещала вечную верность, журчала, подобно потоку воды.

Эмма несмело закружилась, закрыв глаза. Малахитовый халат не стеснял движений. Под голыми ступнями приятно ощущался пол, выстланный гладкими деревянными дощечками.

Адам негромко запел низким вибрирующим голосом, оттеняющим грустную мелодию. Эмма бросила на него взгляд из под ресниц. Мужчина сидел с идеальной осанкой, подчеркивающей ширину плеч. Длинные пальцы нежно перебирали струны инструмента извлекая звонкие тягучие звуки. Черные волосы ниспадали блестящим водопадом.

Эмма потянулась за мелодией, позволила ей проникнуть в душу, направить движения. Она кружилась, взмахивала руками, вставала на носки, распрямляясь повернувшись к солнцу цветком, чтобы тут же опуститься вниз к земле в отчаянии.

Во время танца она вновь нащупала тонкую нить, ведущую к сердцу Адама. На мгновение ей открылась жаркая пучина бушующих эмоций, скрывающаяся за спокойной фигурой.

Он отчаянно желал ее и боялся отторжения. Словно почувствовав внимание Эммы, Адам поднял глаза и тут же отгородился от ее любопытного взгляда. Прекратил петь и отложил в сторону инструмент.

Эмма тяжело дышала от танца, ее щеки покраснелись. Голова кружилась и кончики пальцев покалывало. Она с ужасом осознала, что Адам был прав — это тело не принадлежит ей до конца.

— Что дальше? — покорно спросила она.

— У госпожи сильный дух, — наклонив голову, произнес Адам. — Она с достоинством выносит испытания. Слуга подаст госпоже удобную обувь. Следующим заданием следует утомить тело. Будет тяжело, но госпожа должна бороться с болью и усталостью.

— Я поняла, — кивнула Эмма. — Сделаю все, что нужно. Веди меня, Адам.

— Мое имя в устах госпожи как перламутровая жемчужина, — он на мгновение замер, любуясь ею.

Затем стряхнул наваждение, отвернулся, взмахнув черными волосами и принес туфли на плоской подошве с тканевыми пуговицами.

— Слуга побежит с госпожой по тропинке через лес. Земля не ровная, госпожа должна быть осторожна. Прошу не сильно сердиться на слугу, если тот будет строг. Чем сильнее трудится тело, тем лучше единение с субстанцией Хуа.

Эмма провела ладонью по шелку. Нежное малахитовое платье с вышитым вручную узором ей очень нравилось.

— Боюсь, что во время бега платье твоей золовки испортится. Нельзя ли переодеться во что-нибудь попроще? — спросила Эмма.

— Слуга благодарен внимательности госпожи, — с восхищением произнес Адам. — К сожалению, кроме одежды слуги тут нет ничего подходящего.

— Ничего, — рассеянно сказала Эмма, оглаживая гладкой нежно розовой нитью любовно вышитых бабочек. — В своем мире я привыкла ходить в мужской одежде.

— Тут тоже не возбраняется женщине одеваться в наряды мужей, но слуга не связан с госпожой подобными узами.

— Ты создал мое тело, Адам, мы с тобой тоже очень близки.

— Раз госпожа настаивает, не смею противиться, — привычно согласился он.

Его штаны и халат оказались просто громадными. Эмма утонула в них, но Адам, ловко орудуя иглой, подогнал одежду за несколько минут под ее размер.

— Поражаюсь твоим умениям, — размяв ноги, заметила Эмма. — Умеешь не только колдовать, но и шьешь замечательно.

— Талантами хорошего мужа являются заботливость, надежность и терпение. Вышивание поощряется как упражнение по развитию усидчивости. Меня ругал наставник,

но должен признать, что он оказался прав, раз слуга заслужил похвалу госпожи.

— Вот как? — только и ответила Эмма, удивившись словам Адама.

Шаг за шагом, не думать о будущем. Сначала выжить, лишь потом беспокоиться об остальном. Ее сердце покрывалось изморозью каждый раз, когда Адам упоминал странные обычаи. От мысли, что Эмма никогда не вернется домой, подкатывала черная волна скорби. Она не давала посторонним мыслям поглотить ее, старалась ровно дышать и следовать указаниям Адама.

Эмма подвязала длинные волосы цвета сухой соломы, обулась в удобные туфли. Адам окинул ее довольным взглядом и склонился в поклоне.

Они побежали по широкой тропинке, ведущей в лес. Ноги Эммы слушались плохо, как заржавевший механизм. Пока она отдыхала, это было не так заметно, но теперь она вновь убедилась в правоте Адама. Как и во время танца, ей показалось, что с каждым движением бег дается все легче и легче.

Слева мелькнул между листьев и остался позади жертвенный камень в багровых потеках крови Адама. Солнце заливало косым светом дышащий весной лес. По краям тропинки цвели ярко алые цветы, приветствуя их киванием чашечек.

А потом у Эммы сбилось дыхание и стали гудеть ноги. Туфли жали в носках, капли пота заливали глаза, в боку нещадно колело. Адам то и дело оборачивался проверить ее состояние, но непреклонно показывал следовать за ним.

Тропинка все петляла и петляла между деревьев, но бег больше не доставлял удовольствия. Эмма надыхалась пылью, к горлу подкатила волна тошноты от недавней трапезы, а ноги словно налились свинцом. Она старалась не подавать виду, как ей плохо, трусила, тяжело дыша.

Широкая спина заклинателя маячила впереди. Длинные черные волосы, собранные в высокий хвост на голове, покачивались из стороны в сторону. Эмма приказала себе смотреть на гипнотизирующее движение и сосредоточится на дыхании. Шаг на вдох, два на выдох. Повторить.

Адам то и дело предупреждал ее о выбоинах в дороге и только благодаря этому Эмма еще не подвернула ногу. Тропинка казалась бесконечной. Легкие жгло, ступни горели. В висках стучала мысль остановиться, сказать, что больше не может. Эмма упрямо бежала вперед, как сквозь толщу воды. Время загустело и замедлилось. Маячащий длинных хвост роскошных волос стал расплываться.

Адам обернулся и жестом подбодрил Эмму. Она подняла голову и расправила плечи. Дыхание со свистом вырывалось из горла.

Подле озера с чистой прозрачной водой Адам остановился. Эмма рухнула на траву, сдирая туфли. На задниках остались коричневые пятна смешанной с пылью крови. Адам присел рядом, ощупывая лодыжку. Эмма заметила слезы в его глазах, направленных на израненные ступни.

— Нельзя сидеть, госпожа, — виновато сказал он. — Мы не закончили.

Эмма сглотнула вязкую слюну со вкусом железа. У нее кружилась голова.

— Говори уже, — раздраженно бросила она.

— Тут хорошее дерево, на нем удобно висеть. Держитесь сколько сможете.

Эмма шатающейся походкой направилась к раскидистому дереву, усыпанному нежными розовыми цветами, указанному колдуном. Нижняя ветвь как раз нависала чуть выше человеческого роста. Не давая себе времени на сомнения Эмма прыгнула и уцепилась за гладкую ветку, усилием заставляя тело не раскачиваться. Поначалу она почувствовала облегчение от отдыха гудящим ногам, но это длилось недолго. Сначала заныли пальцы, судорожно вцепившиеся в ветку. Потом заболели плечи. Эмма мерно дышала, закрыв глаза, считая про себя секунды. Когда стало совсем нестерпимо она открыла глаза, встретила с глубоким взглядом Адама и чудом заставила себя держаться дальше.

Онемевшие пальцы разжались сами. Адам схватил Эмму не давая упасть, но тут же отошел на пару шагов.

— Ваша сила духа безмерна, госпожа. Повторяйте за мной.

Адам поднял валун и вручил его Эмме. Та пошатнулась, но выдержала. Себе он выбрал камень поувесистей и они оба таскали булыжники вокруг озера. Эмма держалась на чистом упрямстве, ее мысли путались. Она яростно ненавидела новый мир, субстанцию Хуа, и, в особенности, бледного колдуна затащившего ее в этот кошмар.

Когда ей становилась совсем плохо, Эмма пила холодную воду озера, умывала лицо и

продолжала дальше.

Перистый облака в небе окрасились алым, затем лиловые сумерки окутали поляну. Когда Эмма почти потеряла сознания, Адам внезапно прекратил пытку. Она осела на землю, но колдун перехватил ее, обвил одной рукой Эмму за талию, вторую запустил под колени легко, как пушинку, поднял, и сказал:

— Госпожа поранила ноги по вине недостойного слуги. Позвольте отнести вас в дом.

Ей было все равно. Она никогда в жизни не чувствовала себя столь усталой и разбитой. Эмме хотелось плакать от безысходности.

От Адама пахло резко, очень по-мужски. Под бледной кожей перекачивались стальные мышцы. Эмму повело от ощущения безопасности в руках заклинателя, от прикосновения к плечу, покрытому бисеринками пота. Вновь, как при каждом касании Адама, ее захлестнуло острым томлением. Эмма скользнула взглядом по идеальному профилю, засмотрелась на приоткрытый рот, и силой заставила себя отвернуться. Забарахталась в его руках, попыталась оттолкнуть, но в худощавом теле заключалась невиданная сила. Легче сдвинуть камень, чем вырваться от Адама. Тихим шепотом он умолял ее не противиться его помощи, отчего сводил ослабевшую от желания Эмму с ума.

Непрестанно извиняясь, он нес ее в стремительно сгущающихся сумерках по лесу. Эмма сжала зубы, отодвинулась насколько это было возможным и замерла в неудобной позе, закрыв глаза.

— До дома совсем немного и слуга больше не будет утруждать госпожу своей близостью. Осталась самая сложная часть и вы подчините себе субстанцию Хуа.

— Я больше не выдержу, — всхлипнула Эмма, дрожа от низкого чувственного голоса заклинателя. — Что еще?

— Сначала смоем пыль и нанесем целебную мазь на раны.

Не поддаваясь уговорам раскрыть следующее испытание, Адам отнес Эмму в купальню, нагрел воду, помог отмыться. Ощувив сопротивление Эммы, он сознательно старался не касаться ее, но чутко следил, чтобы она не упала. Эмма с трудом вылезла из купальни, вытерлась, переделась в чистое платье, с усталостью опустилась на пуф перед зеркалом. Адам встал сзади с деревянным гребнем в руке.

— Если Эмма позволит, я позабочусь о ее волосах. Слуга умеет причесать, не причинив боли, наша семья была благословлена сестрой и мне позволялось ухаживать за нею, — с гордостью отметил он, искоса поглядывая на реакцию Эммы.

— Рада за тебя, — растеряно отметила она. — А что, это считается выдающимся достижением?

— Девочки ранга Лу рождаются слишком редко, — грустно подтвердил Адам. — Это благословение владык неба и признак крепкого брака. Поэтому мои братья сумели добиться высокого положения, а слуге удалось развить талант к магии и даже сдать экзамен на заклинателя шестого уровня.

Эмма не могла сосредоточиться на разговоре. Она с унынием думала о своей судьбе.

«Наверное, предстоит нечто ужасное, раз он не хочет говорить об этом и переводит тему. Может пытки... Адам не желает, чтобы я представляла, как он будет меня мучить. Раз нужно, значит перетерплю боль. Тело меняется под меня, его способ работает».

Красиво собрав золотистые волосы в аккуратный пучок на макушке, Адам аккуратно закрепил заколкой из белого прозрачного камня с золотым навершием в виде пятиконечного листка.

Закончив прическу, заклинатель удалился, оставив ее наедине с невеселыми мыслями, чтобы вымыться самому. Вернулся в новом халате из серой блестящей ткани, опоясанный по тонкой талии широким поясом с золотой эмблемой пятиконечного листа, с непонятной надписью. Очень бледный, с идеальной прической, собравшей часть волос под золотой ажурной заколкой, другую оставив черным водопадом спускаться по спине до бедер.

— Я готова, — серьезно и тихо сказала Эмма. — не беспокойся, я догадалась, что следующим будет испытание болью.

— Ваше мужество достойно восхищения, госпожа, — поклонился Адам. — Но не стоит волноваться. По ошибке недостойного слуги вы испытали достаточно боли во время бега. Субстанция Хуа напитана этими ощущениями, не хватает совсем другого. Слуге необходимо покинуть госпожу на короткое время.

— Адам, ты никогда не отвечаешь на прямой вопрос. Я уже поняла, что на тебя нельзя давить, но прошу, пожалей меня. Не уходи никуда, не оставляй меня одну.

— Времени совсем мало. Слуга сделает все возможное для спасения госпожи.

Эмма резко выдохнула и напомнила себе, что ей нужно довериться Адаму. Другого выхода нет.

— Хорошо, не буду мешать.

Адам резко поклонился и направился к выходу из домика. Эмме резко стало не по себе в пустой комнате с застеленной кроватью в нише и приглушенный светильником в углу. За окном, закрытым листком непрозрачной бумаги, стояла непроглядная темень.

— Скажи, хоть, куда направляешься?

Адам замер, сжал кулаки, словно вопрос кинжалом вонзился под лопатку. Обернулся на нее с больным взглядом, перепугавшим Эмму, вернулся рывком и упал на пол в глубочайшем поклоне.

— Слуга заслуживает наказания! Ударьте меня, госпожа!

Он поднял руку и отвесил себе увесистую пощечину, оставившую красное пятно на щеке. Эмма схватила его за запястья, с силой прижала к коленям.

— Прекрати! — испугалась она.

— Слуга совершил трусливый поступок, не рассказав госпоже правду, — прошептал Адам, не поднимая головы.

— Мне конец, — прикусила губу Эмма.

— Нет, госпожа, прошу не отчаивайтесь! Слуга не привык к необычному характеру госпожи. Он не знает, как себя вести, что говорить, чтобы угодить ей.

Адам тяжело вздохнул, покачал головой и тихо сказал:

— Нужды госпожи выше желаний слуги. Госпоже необходимо познать плотское удовольствие в новом теле. Это завершит овладение субстанцией Хуа, дух госпожи будет в безопасности. Слуга приведет для нее лучшего мужчину ранга Лу, красивого и добродетельного. Госпожа будет довольна.

Эмма осторожно выдохнула, резко одернув руки от заклинателя, и густо покраснев.

Понятно, что если отказаться, то дух покинет тело фарфоровой куклы. Эмма умрет во второй раз. Адам не шутит, в этом она успела убедиться. Она отчаянно хотела выжить, даже в чужом теле, даже в странной реальности. Первый интимный опыт Эммы был не особо приятным, но и его она перетерпела, а теперь и подавно, другого выхода нет.

— Иди ко мне, — сказала она, потянувшись к заклинателю.

Тот встал с колен и резко отступил на несколько шагов.

— Не понимаю, — все же попыталась поспорить она. — Зачем ты собираешься искать кого-то другого? Ты не противен мне, Адам.

— Слуга не достоин госпожи, — грустно покачал тот головой. — Слуга не подходит.

Эмма удивленно приоткрыла рот. Адам воистину непредсказуем! Она ожидала, что он

воспользуется первым же шансом для близости, но похоже тот серьезно вознамерился привести Эмме мужчину для постели.

— Почему? — устало спросила она. — Почему не подходишь?

— Слуга уделял слишком много времени учебе и колдовству. Он не искушен в постельных утехах и не знает, как доставить удовольствие, — прошептал он, густо краснея, не поднимая глаз.

На бледной коже румянец выглядел крайне соблазнительно. До него хотелось дотронуться губами.

Эмма потупила взгляд. Ситуация была постыдной, они оба чувствовали себя рыбой, выброшенной на берег.

— Слуга не думал, что призыв Гуанхина сработает и подвел госпожу. Не позаботился о госпоже должным образом. Позвольте исправить ошибку и привести достойного вас.

— Не надо никого искать, — твердо сказала она.

— Госпожа, нельзя терять времени...

— Адам, посмотри на меня.

Колдун поднял голову и медленно взмахнул ресницами, встречаясь потухшим взглядом с Эммой.

— Обещай мне, — попросила она.

— Обещать что? — удивился Адам.

— Ты сумел пробиться в мои сны. Если я никогда не смогу ожить... Если я умерла то... Родителей подкосит весть о моей смерти. Достучись до моей мамы. Передай ей, что я жива. Она не поверит, но ты должен быть убедительным. Сделай это для меня.

— Хорошо, слуга обещает. Слуга сделает все возможное... Теперь дайте мне уйти, госпожа. Вы должны жить...

Эмма многое знала о долге. Ей часто приходилось делать вещи против воли. Она убирала чужие сортиры и бралась за любую грязную работу.

Переспать с красивым мужчиной, чтобы выжить... Не такая уж и большая жертва. Да, если бы она могла выбирать, то предпочла бы понаблюдать подольше. Понять, что он за человек и каковы его мотивы.

Выбирать не приходилось, поэтому Эмма решительно подошла к высокой фигуре заклинателя провела ладонями по широким плечам, запустила руку в черные волосы, обхватила затылок, притянула к себе лицо и поцеловала приоткрытый рот.

Красные губы на вкус были сладкими и мягкими. Адам весь дрожал, а когда почувствовал прикосновение влажного языка, беспомощно замер. Его ресницы мягко трепетали, а глаза блестели. Эмма чуть прикусила нижнюю губу, и наконец ощутила как его руки судорожно до боли сжимают ее талию.

К чему тянуть? Надо закончить с этим побыстрее.

Чуть оттолкнув заклинателя, не разрывая поцелуя, Эмма просунула руку за ворот халата, огладила теплую кожу. Затем развязала пояс, проследила ладошкой путь от сжавшихся сосков, по поджарому животу вниз, где сквозь ткань подрагивал горячий увесистый мужской орган.

Заклинатель резко втянул воздух. Его глаза покраснели, а взгляд сделался беспомощным и обиженным. Он подался бедрами назад, но Эмма уже распахнула полы халата, залезла в штаны и размазала пальцем выступившую на кончике члена вязкую жидкость.

Одной рукой прижав крепче его за затылок, Эмма посасывала пухлые покрасневшие губы Адама. Другой рукой внизу ласкала напряженный член. Ощущаемое раньше томление при легком касании к заклинателю, теперь фейерверком взрывалось перед глазами, разливаясь по жилам чистым удовольствием.

Адам замер, не смея двигаться, отдаваясь на произвол ее рук. Лишь тихие стоны выдавали глубину его наслаждения и страдания. Он все еще продолжал шептать и умолять ее:

— Госпожа не надо. Дайте мне... Дайте мне, — но он не находил сил закончить фразу. Уговорить ее отдаться другому. Ему еле хватало выдержки сдержаться и не оседлать ее, и погрузиться в влажную глубину.

Затвердевший до боли член скользил под ладошкой. Беспомощно приоткрытый мягкий рот встречал трепетом юркого язычка. Внезапно Адам издал резкий как от боли стон, перехватил ее запястье и выплеснулся короткими рваными толчками.

— А-ах... — вырвалось у него.

Адам удивленно поднял на нее влажные глаза. Искусанные опухшие губы дрожали, болезненный румянец расцвел на белоснежной коже красивого лица. В этот момент он был прекрасен, как порочное божество.

— Я... — не мог связно выговорить он. — Я подвел вас, госпожа.

— А разве мы закончили? — спросила Эмма. — Пойдем, я посмотрю на тебя.

Адам безропотно дал ей схватить себя за руку и отвести к кровати. Верхний халат опустился белым облаком на пол. За ним последовал голубой нижний. Потом настал черед нательного белья.

Белая без изъяна кожа. Темнеющие круги сосков. Черная дорожка волос, ведущая от пупка к заросли волос, где поднимал голову внушительной величины член.

— Скажи, — терзала его Эмма легко прикасаясь кончиками пальцев к невероятно чувствительной зудящей коже. — Скажи, чего хочешь ты сам.

Адам закрыл глаза, облизал покрасневшие губы.

— Госпожу, только госпожу!

— Меня зовут, Эмма.

— Эмма, за что ты со мной так?

Он качнулся вперед и накрыл ее губы своими. С наслаждением посасывал и причмокивал, исследуя языком ее рот, вгрызаясь в нее как голодный зверь. Обоих жгло острое наслаждение. Каждое прикосновение отзывалось сладким тянущим чувством внизу живота. Комната кружилась вокруг. Слышались лишь влажные звуки глубокого поцелуя, в воздухе витал кислый запах мужского семени.

— Тоже, я тоже хочу посмотреть на тебя, — попросил Адам.

— Чего ты не видел? — хмыкнула Эмма и ужом стащила через голову балахон, забыв развязать застежки у ворота.

От нижнего белья он избавил ее сам.

Большая мужская ладонь накрыла ее грудь и сжала чуть ли не до боли. Эмма резко втянула воздух сквозь зубы и ее вновь накрыли мягкие губы Адама, ненасытно пробуя, лаская, кусая. Руки зашарили по телу, захватили обручем талию, смяли полушария ягодиц.

Длинные пальцы проникли между бедер, туда где все уже было влажно и горячо. Адам замороженно поднес мокрую ладонь к носу, развратно вдохнул и глаза заволокло пленкой безумия.

Он толкался в тонкую кожу бедра вновь и вновь, не находя вход, твердым пульсирующим членом. Эмма обхватила его кольцом своих пальцев. Адам резко вздрогнул, подмял ее под себя, накрыв сильным телом, захватив в плен стальных рук. Он пульсировал у нее в руке, подчиненный ее желанием. Она медленно подвела его к узкой щели, провела чуть вверх и вниз, позволяя их выделениям смешаться. Заклинатель сжал зубы, прижался лбом к ее щеке. Медленно, головка погружалась внутрь, под сладкие стоны обеих сторон. Ощувив себя сжатым со всех сторон узкой горячей глубиной, Адам потерял контроль.

Он задвигался быстро и глубоко, беспорядочными толчками, полностью погруженный в пучину разъедающего кости наслаждения. Он превратился в дикого зверя, в безумца, дорвавшегося до сладкой податливой плоти. Стонущая под ним Эмма держалась за предплечья Адама, стараясь удержаться на плаву под лавиной сыплющихся ударов бедер. Член между ее ног с влажными шлепками входил и выходил, терся об узелок у входа, заставляя ее стонать от непередаваемой неги.

Обычно покорный, пытающийся угодить мужчина превратился в голодного дикаря, таранящего ее со всей прыти дорвавшегося до сладкого девственника.

Адам бился как в конвульсиях, словно пытаясь пробить ее насквозь толстым стволом.

Эмма запросила пощады, тихо скуля:

— Не так глубоко... ах...медленней.

Но он не слушал, не слышал, полностью захваченный тесной глубиной, словно боялся, что второго раза не будет. Эмма застонала громче, от напора толчков она вся извелась, а внизу живота нарастал жар.

Словно очнувшись, Адам покачал головой, накрыв ее веером черных волос, пахнущих кедром. Отыскал губами сжавшийся сосок, пососал, царапнул зубами, не прекращая толкаться в нее бедрами так, словно желал поместиться целиком. Ее молнией прошило от груди к тому местечку, что подвергалось атаке. Он сладко застонал, по груди прокатилась горячая слеза, капнувшая из глаз заклинателя.

— Как хорошо... — простонал он, не прекращая биться над нею.

За парочкой мелких толчков шла чередой глубоких проникновений. В эти моменты заклинатель сильнее сжимал зубы на ее соске и Эмма чувствовала себя распятой добычей. Ей было так хорошо, как никогда в жизни. Кровь бурлила, горячее тело содрогалось над нею, между ног хлюпало внушительное оружие, плечи сжимали сильные руки, удерживая ее на месте.

— Я больше не могу, — запросила она пощады. — Ах... Мн... Еще немного.

Словно почувствовав зародившуюся в ней нужду, Адам напрягся и принялся двигаться еще резче, еще глубже, не оставляя и малейшей возможности сопротивляться. После особо глубокого толчка она вскрикнула и запульсировала. Внутри поднялось и расцвело удовольствие, протянувшись золотой жилой по телу. Он глухо застонал и принялся резко сокращаться внутри нее, выплескивая жгучую струю.

— Неужели, — хрипло признался Адам. — Это на самом деле так? Теперь я понимаю, — сказал он устало закрывая глаза, все еще нависая над ней. — Отчего они готовы глотку друг другу разорвать.

— Кто? — спросила Эмма.

Адам не ответил, он нежно терся носом о ее шею, счастливо мыча. Потом встрепенулся, просительно заглянул в глаза, испуганно спросил:

— Госпожа должна была испытать удовольствие...

Эмма вдруг засмеялась, столь разительной была разница между резкой атакой всего пару минут назад и нынешней неуверенностью на красивом лице заклинателя.

Он побледнел от страха:

— Так плохо? Еще есть время, госпожа, дождитесь неумелого слугу.

Эмма продолжала смеяться, так как часть заклинателя, все еще остававшаяся в ней, вразрез с его словами начала наливаться и наступать.

— Ах, — всхлинула она. — Я поняла — ты ревнуешь. Ревнуешь этого достойного во всех отношениях незнакомца, которого вознамерился привести ко мне.

Адам еще больше испугался:

— Нет, я не смею, госпожа! Поверьте, я буду очень послушным.

— Ха! Да ты хитрый лис, а не паинька, но твоя нижняя часть не в пример честнее.

Адам совсем смутился и собрался выйти из нее, но в Эмме вновь принялось подниматься томление. Каждое касание к заклинателю сводило с ума и заставляла желать близости.

— Мне хорошо с тобой. Очень-очень, — заверила она его.

Адам испустил вздох облегчения.

— Наверное, я не смог бы уйти, — признался он.

— Рада слышать, — ответила она и потянулась за поцелуем.

Наверное заклинатель не умел сдерживаться в постели, потому что и второй раз вышел бурным. Эмме пришлось вновь хвататься за него, чтобы остаться на плаву. Адам двигался в ней и из уголков глаз капали горячие слезы. Он обхватывал ее руками, прижимал к груди, целовал так, будто желал раствориться, пока бедра лихорадочно наступали, даря сладкую негу.

После второго раза внизу все ныло. Адам порывался обмыть ее, но Эмма попросила побыть немного одной.

Подле купальни вечерний ветерок лениво шелестел в кленах. Распустившиеся ночные цветы источали приторно сладкий аромат. Вода была прохладной, в самый раз для разгоряченного тела. Эмма погрузилась в купальню с головой. Между ног защипало, вода забила в ноздри и уши. Все ощущения чувствовались очень остро.

Эмма осознала, что это тело отныне и вправду принадлежит ей. Вернее она — его пленница. Она застряла в этом мире, как захваченная на космический корабль мышь. Как бы она не скребла металлические стенки, не видать родного поля.

Родители... Она не могла думать о них. Слишком остро и больно, невозможно представить как им сейчас. Невозможно смириться с тем, что она потеряла. Разве можно разменять это на заклинателя, далекого, как встреченный на базаре улыбчивый турист, который пытался заманить ее замуж выкупом в три верблюда.

Эмма вынырнула и беззвучно заплакала. Тщедушное тело на каменном бордюре тряслось от истерики. Попытка прекратить вела лишь к бурным всхлипам. Эмме пришлось

зажать сама себе рот.

Она чувствовала, что совершила ошибку. Ей казалось, она стала грязной. Потихоньку наплыв эмоций утих. Она спокойнее задышала, отыскала полотенце, вытерлась, поражаясь тому, как мягка ткань. Как же сильно она должна была тереть себя прежде, чтобы кожа покраснелась.

Дав время прийти в себя, Эмма умыла лицо, взгляделась в собственное отражение в темной воде, покрытой лунными бликами. Веки чуть припухли, но на юном лице с огромными голубыми глазами выглядит незаметно.

«На правой щеке — родинка, между бровями — щербинка, пусть и еле заметная», — отметила Эмма. — «Или Адам художник, или лепил меня из по образу и подобию кого-то настоящего. А может из трупа.»

Ей стало не по себе от последней мысли и Эмма немедленно направилась искать заклинателя.

Адам ждал у задней двери в дом, тактично уважая просьбу побыть в одиночестве. Глаза совсем темные, шальные, видимо донесли по протянутой между ними связи отголоски истерики. Услышав звук шагов, он сразу же поднял голову, и стремительно оказался рядом, участливо заглядывая в лицо.

— Госпожа плакала? — испугался он.

Завладев ее рукою, он принялся прощупывать пульс. Длинные пальцы бережно танцевали по запястью, найдя искомое застыли. Лицо Адама оказалось слишком близко, Эмме вновь пришлось отвернуться, чтобы не засматриваться на чуть дрожащие губы заклинателя.

— Госпожа оказалась права, — наконец заключил он, убирая руку за спину. — Овладение субстанцией Хуа окончено. Опасности, что дух самовольно покинет тело больше нет.

Адам кашлянул и густо покраснел, но заставил себя окончить.

— Повторять содеянное сегодня больше нет нужды. Только, если госпожа сама пожелает.

Эмма долго молчала, потом наконец нашла в себе силы спросить.

— Теперь, когда я стала узницей этого тела... Что со мной будет? — спросила она своего единственного собеседника и создателя.

— Что госпожа пожелает, — тихо ответил Адам. — Долг слуги заботиться о госпоже.

— Я боюсь... — призналась Эмма.

— Чего? Слуга обеспечен и сможет предоставить госпоже достойные покои и удобства.

— Я думаю не о себе...

Эмма тяжело вздохнула. Сердце болело при воспоминании о родных. Острый стыд за содеянное жег внутренности. При мысли о том, что невозможно вернуться домой, ее окутывал липкий страх. Вслух Эмма сказала совсем другое:

— Я не хочу зависеть от тебя, Адам... В моем мире я рано научилась полагаться на собственные силы. Мне важно чувствовать тоже самое и тут.

Они прошли в освещенный теплым светом магических ламп домик. Адам принес деревянный поднос, на котором высилась стопочка крохотных чашечек и глазированный синий чайник. Заклинатель заварил чай, разлил его точными выверенными движениями и

пригласил Эмму сесть.

— Слуга понимает. Госпожа должна знать, что за ее благосклонность будут бороться многие магически одаренные мужчины ранга Лу. В ее праве выбрать лучших. Адам полностью принадлежит госпоже в любом статусе, будь то слуга, наложник, или муж. Если госпоже угодно он не будет участвовать в ухаживаниях.

— Я не буду ни за кого выходить замуж, — растерянно пробормотала Эмма. Ответы Адама ставили ее в тупик.

— Боюсь, тогда госпоже придется всю жизнь прятаться в этом домике.

— Я ничего не понимаю. Ничего не имею против того, чтобы остаться тут, пока не начну разбираться в происходящем.

— Слуга выполнит любое желание госпожи.

Чай горчил, но его аромат был тонким, цветочным и сладким. Мужчина по ту сторону стола находился на расстоянии вытянутой руки, но Эмме он казался бесконечно далеким

Эмма проснулась от резкого крика птиц за окном. На мгновение, ей показалось, что она на даче у бабушки. Даже блинный запах был похож, так и звал на кухню. Закутаться в плед, протопать прямо в пижаме к покрытому клеенкой столу и ждать, пока бабушка не подаст чашку дымящегося чая с сахаром и лимоном, а к нему ароматную стопочку ажурных блинчиков. Пока Эмма завтракала, бабушка сидела напротив, положив пухлую руку на край стола и оплакивала судьбу любимой дочери, громко причитая о несчастьях, выпавших на долю внучки. Эмма ела, чтобы не сказать ненароком слова поперек. Она предпочитала действовать, а не предаваться унынию. От бабушки Эмма всегда уезжала округлившись, а потом быстро сбрасывала вес, окунувшись в учебу и работу. Мама переживала, что Эмма переутомляется, но она всего лишь хотела чтобы родным было чуточку легче.

Протерев глаза, Эмма увидела резную ширму, на которой черной тушью были нарисованы журавли, летящие сквозь нежно-голубые облака. Она была заботливо укрыта вышитым незабудками одеялом. Через окно, затянутое перекрещенными реями, закрытое бумагой проникал солнечный свет. Больше она никогда не увидит ни бабушку, ни родителей. Хоть бы они не слишком страдали по ней.

Эмма аккуратно заправила постель, потянулась и сделала пару приседаний, проверяя новое тело. Слушалось оно великолепно и даже утратило алебастровую белизну — на запястьях проступили голубоватые жилки вен и золотистые веснушки на предплечьях. Она услышала звон посуды и вышла из комнаты в кухню.

Одетый в голубой халат Адам расставлял многочисленные плоски по золотой скатерти-самобранке. Распушенные длинные волосы рассыпались по плечам и придавали ему вид азиатского принца. Эмма напомнила себе, что цепляться за привычные понятия — иллюзия. Она в другом мире, где совершенно иной строй общества. По сути Адам — инопланетянин.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

Адам вздрогнул, услышав ее голос, обернулся, опрокинул пиалу с супом, пробормотал еле слышно под нос ругательство и принялся спасать завтрак. Эмма кинулась на помощь с кухонной тряпкой. Пока промокали пятно супа их пальцы переплелись.

Через мгновение они со вкусом целовались, а потом Эмма обнаружила себя лежащей животом поперек стола, пока Адам наклонился горячо дыша в ухо, сзади одной рукой обхватив грудь, а второй бесцеремонно задирая подол.

Вдруг он замер и виновато прошептал на ухо Эмме:

— Этот пропащий слуга не спросил разрешения госпожи.

Эмма резко выдохнула, развернулась, уткнулась лбом в лоб заклинателя и сказала:

— Пожалуй, нет. Ты вчера слишком старался, — увидев испуганное выражение лица Адама, Эмма поспешила заверить. — Нет, нет все хорошо, только болит немного. Спасибо еще, что не сотворил меня девственницей... Кстати, а почему?

Заклинатель смутился, густо покраснел, спрятал руки в длинные рукава.

— Это потому... Как бы объяснить госпоже... Этот слуга... — Адам глубоко вдохнул, и признался в капитуляции. — Этот слуга не в силах говорить на столь постыдные темы.

Эмму не удовлетворил этот ответ. В конце концов, как бы она не смотрела на данную ситуацию ее посещала назойливая мысль о том, что произошедшее между ними вчера и было конечной целью заклинателя. Поэтому ее идеально красивое тело и было создано для максимального комфорта мужчины. Думать о себе в таком ключе, как о средстве удовлетворения чужих потребностей, вызывало в Эмме чувство острой тоски.

С другой стороны, это отличный способ проверить истинные намерения заклинателя. Если ему и правда нужно лишь физическая близость, то по его реакции на отказ можно будет понять больше, чем из слов Адама. Тогда появится из под маски его истинная сущность.

Приняв решение, она подала Адаму руку, позволив усадить за стол.

Ее все еще потряхивало от прикосновений заклинателя, но она научилась лучше скрывать свои чувства.

Видимо, Эмма заспалась, так как завтрак давно остыл, но все равно все было очень вкусным. Адам не сводил с нее горящего взгляда, поэтому она решила спросить его еще раз.

— Может быть, сегодня расскажешь зачем приманил мою душу?

Адам грустно улыбнулся, сложил руки на коленях, наклонил голову так, что черные волосы, ниспадающие из под золотой заколки рассыпались веером по плечам.

— Адам ничего не скрыл от Эммы. Причина несчастья госпожи в честолюбивом характере Адама. Мой предок, Гуанхин, сотворил великое колдовство, спасшее страну Ра и одновременно навлекшее катастрофу. Адам желал повторить его подвиг и тем самым возвысить свой род.

— Что за колдовство совершил твой предок? — заинтересованно спросила Эмма.

— Эмма из другого мира и не знает истории. В то время королевство Ра терпело поражение в войне с горным народом и двуликими. Много солдат стали рабами и больше не вернувшись родной край. Еще больше погибло в сражениях. Говорят, людская кровь рекой текла по зеленой траве на бранном поле. Гуанхин увидел судьбу родины и понял, что ключ победы в усилении магии заклинателей. Он провел обряд, после которого стали рождаться великие маги, способные дать отпор драконьему огню и оружию горцев. В Ра пришло благополучие, границы расширились и с горами Баолянь и восточной империей был подписан мирный договор.

— Твой предок преломил ход истории, — задумчиво сказала Эмма.

Адам рассматривал бумагу на окне. Эмма отметила точеный профиль, тень длинных ресниц, широкий разворот плеч, и, невольно, уплыла мыслями в совсем ненужное направление.

— Все же не понимаю, — пробормотала она. — Почему твое колдовство выбрало именно меня?

Адам пожал плечами, грустно улыбнувшись.

— Не заклинателю решать, кого призовут потоки Ши. Рыбак держит удочку, но не может заставить рыбу клюнуть на наживку.

— То есть я сама потянулась к тебе?

— Адам долго ждал ответа на зов. Он думал, что неправильно прочитал записи Гуанхина. Слуга держался на одном упрямстве. Эмма спасла его от отчаяния.

— Ты сказал, что Гуанхину удалось усилить людскую магию, в чем же была его ошибка?

— Нарушилось равновесие между мужскими и женскими потоками Ши. Лунная Ши стала слишком тяжелой и вязкой, солнечная Ши не в силах совладать с ней. Лунны стали способны управлять чистыми потоками Ши, подобно драконам, но теперь обязаны набирать все больше мужей ранга Лу для равновесия. И все равно, выносить ребенка, невероятно тяжело, так как уровень магии растет из поколения в поколение. Императрица недовольна, у нее все еще нет наследницы. Ранг До набирает влияние, с каждым годом меньше зависит от заклинателей, намереваясь захватить власть. Особенно с тех пор, как горцам позволили торговать механическими приборами. В алых землях двуликих драконов на востоке начались волнения, помощи с юга ожидать нечего. По приказу императрицы слуга забросил прочие исследования и углубился в изучения заклятия Гуанхина. Мой предок разрушил равновесие между потоками Ши. Слуга подумал, что душа женщины из другого мира сможет вернуть равновесие. Я ошибался.

Эмма внимательно слушала, пытаясь понять новую реальность, но в конце не выдержала и пылко возразила:

— В моем мире нет магии! Я не смогу ничем помочь тебе!

— Конечно же, в вашем мире есть потоки Ши, — спокойно возразил Адам. — В госпоже они явственно ощущаются и со временем с должным обучением она почувствует это. Вы не умеете собирать субстанцию Хуа, поэтому Ши не находит применения.

— Из Хуа ты создал мое тело, я помню, — задумчиво сказала Эмма. — Что это такое?

— Сейчас покажу, — воодушевился Адам.

Он снял с полки на стене неприметный глазированный горшочек, коричневый, отливающий зеленью. Адам осторожно сел на колени, опустил горшочек на стол напротив Эммы. Снял крышечку, открыв прозрачный студень с радужными всполохами. Простер руку, чуть шевельнул пальцами.

Эмма могла поклясться, что ощутила невидимый вихрь пахнувший в лицо. Студень замерцал, вспыхнул, и раскрыл нежно зеленые лепестки нефритового лотоса. В сердцевинке мерцали золотые тычинки и ограненные бриллианты. Эмма завороченно глядела на изящное украшение, не смея дотронуться.

— Великолепно... Адам, красота невероятная! Все заклинатели так умеют?

Адам чуть улыбнулся уголком губ и поднял широкий рукав спрятать смущение.

— Нет, Эмма, не каждый одаренный ранга Лу способен управлять Хуа. Искусство достигается долгими тренировками, — тихо сказал Адам, протягивая цветок Эмме

Стебель заканчивался острой шпилькой. Адам ловко поднял волосы Эммы в красивую прическу и укрепил его лотосом.

— Что еще? — спросила Эмма, дотронувшись до прохладных лепестков. — Кроме украшений и юных дев, что ты еще можешь создать из Хуа?

— Почти все из неживых предметов. Из Хуа производят средства связи, меткое оружие, защиту от драконьего огня и доспехи от пуль горцев. Лунны надевают украшения, подаренные мужьями из Хуа. Животные или растения, созданные из Хуа тут же умирают. То есть умирали раньше, ты первая, чье сердце забилося, впрочем, твое тело я специально

создал как кувшин для заселения души...

— Откуда Хуа берется? — удивилась Эмма.

— Отвечаю госпоже. Земля производит Хуа, как излишек энергии. Одаренные магией ранга Лу способны видеть Хуа и собирать ее. А вот придавать ей конечную форму требует концентрации, терпения и таланта точно представить желаемое. Слуга желал добиться совершенства в овладении Хуа и потратил на обучение много времени и сил. Другие не столь усердны, созданное из Хуа часто ломается, поэтому ранг До все больше продвигает заимствованные у горцев механизмы. Те проще, но надежнее. Горцы рады обогатиться на торговле с людьми, но императрица мудра и желает усилить ранг Лу.

— Подожди, — спросила Эмма. — Ранг До это обычные люди, правильно? Ранг Лу, это те, у кого есть магия?

— Совершенно верно, госпожа.

— А женщины ранга До тоже м-м-м... Имеют нескольких мужей?

— Что вы, госпожа! Колдовство Гуанхина не коснулось ранга До. Только Лунны, одаренные магией и способные передать дар детям, должны вступать в брак с мужчинами ранга Лу до тех пор, пока мужская Ши не уравновесит женскую.

— И когда же это происходит? — тихо поинтересовалась Эмма.

Ей еще не верилось в то, что она способна управлять невидимой энергией Ши. Эмма не чувствовала в себе ничего особенного, кроме непривычки видеть мир с более низкого роста, и слишком длинных неудобных волос. Она мысленно причислила себя к рангу До. Осталось, чтобы Адам в этом убедился и тогда... Эмма боялась загадывать.

— В большинстве семей трое мужей. Бывает достаточно двух, но это редкость. У императрицы пятеро, но она все еще не родила девочку, только четырех принцев.

Эмма задумалась, прикоснувшись подушечкой указательного пальца к прохладному лепестку нефрита на голове. Адам тихонько, чтобы она не заметила, рассматривал Эмму.

— А женщины ранга Лу способны управлять Хуа?

— Конечно, госпожа. Все одаренные способны на это, — уверенно ответил Адам.

— Значит и у меня должно получиться? — прищурилась Эмма.

— После должного обучения, — уточнил Адам, а потом торопливо добавил: — Госпоже не обязано утруждать себя медитацией и тренировками. Лунны способны управлять чистыми потоками Ши. А если государственные обязанности не по нраву, любящие мужья готовы взять их на себя.

— Адам, раз ты заманил меня в свой мир против моей воли, то будь любезен, не отказывай в удовольствии попробовать магию. Всегда мечтала, между прочим!

— Госпожа Эмма полна сюрпризов, — пробормотал Адам.

— Ничего особенного во мне нет, — отрезала Эмма. — Если уж ты и вправду желаешь сделать меня счастливой, то найди способ помочь моим родителям.

— Слуга непрерывно думает об этом и сделает все, что в его силах.

Эмма потушила взгляд, чтобы скрыть выступившие слезы. Она не желала думать о том, что скорей всего за прошедшую ночь, родителям сообщили о смерти дочери. Эмма изо всех сил старалась принести в их не слишком легкие жизни капельку радости. Стать источником горя невероятно мучило ее.

Во дворе оглушительно стрекотали цикады. Эмма сидела на полу, скрестив ноги напротив Адама. В руках она держала гладкий камешек, отполированный в форме шара.

— Позвольте дать госпоже совет, — с еле заметной улыбкой сказал Адам. — Задействуйте поначалу каждое чувство по отдельности. Рассмотрите камень Шу хорошенько, запомните каждую прожилку, понюхайте и постарайтесь мысленно воспроизвести запах. Потрогайте с закрытыми глазами. Лизните его. Хотя нет, последнее лучше делать, когда я отвернусь.

— Адам, позволь спросить, — Эмма не заметила, как начала копировать его обороты речи. — Если у меня не получится... Если окажется, что в вашем мире я больше подхожу под ранг До, что со мной будет?

— Кошка может размышлять о полете в небе, но она не отрастит крылья. Я вижу потоки Ши в вашей ауре, госпожа. Вы — Лунна.

Эмма принялась разглядывать гладкую серую гальку, отполированную до блеска. Тут и там на поверхности змеились белые прожилки. Она постаралась запомнить их русло, но постоянно отвлекалась на растущее чувство неудовлетворенности.

— А если бы я не была Лунной?

— Госпожа, — склонил перед нею Адам. — Человек не властен над велением сердца, но слугу воспитали достойно. Он осознает свой долг перед Ра и никогда бы не поддался страсти к женщине ранга До. Ши легко утекает из полного в пустой сосуд. Каждый заклинатель осознает, как легко потерять свой дар, ранг, уважение.

Эмма потерянно замолчала. Вот так деление на касты! Ей стало обидно за людей ранга До и она подумала, что может дискриминация является одной из причин, по которой ранг До старается захватить власть. Ей точно не понравилось бы считаться человеком второго сорта. Хотя в этом мире, где против человечества воюют драконы и загадочные горцы не ей судить о справедливости. Самой бы найти свое место.

Вернувшись к каменному шару, Эмма осторожно принялась к нему. Пахло сухим песком и морем. Адам дернулся и отвернулся, когда Эмма вдумчиво попробовала камень. На вкус тот был чуть соленым, словно его достали из океана. Волны не могли огранить гальку в столь совершенный шар, его наверное долго шлифовали затем полировали, чтобы подчеркнуть естественную красоту.

После тщательного любования, Эмма решила, что этот камень ей очень нравится. В нем был кусочек солнечного берега, ласкаемого свежим бризом. В прошлой жизни, Эмма держала привезенную Верой белую раковину из Маврикия, и подаренный Лизой мраморный кубик на полочке над кроватью в крохотной комнатике. Этот камень подошел бы туда. Когда смотришь на него, теплеет на душе.

— А теперь, — тихо сказал Адам, доставая горшок со студнем. — Возьмите немного Хуа в руки. Представь, что на самом деле ты держишь камень Шу.

Эмма с непроницаемым выражением лица протянула ладонь вперед и зачерпнула немного прозрачного студня. Она ни на мгновение не сомневалась в полном провале попытки колдовать. И так же страстно желала попробовать.

Желе на ощупь было не прохладным, а тепловатым и живым, как кролик, а так же немного пощипывало кожу.

Эмма представила, что держит в руках отполированную гальку. Ей даже удалось ощутить тяжесть камня. Она вспомнила, как ей понравилась красота белых прожилок на серой поверхности. Какой чудесный этот Шу, настоящая работа мастера.

«В этом мире очень много красоты», — подумала Эмма, взвешивая в руке потяжелевшую субстанцию Хуа.

— Природный талант, — удовлетворенно заключил Адам.

В ее руке блеснул воспроизведенный каменный Шу. Эмма повертела его, подставила свету, даже лизнула. Потом полезла к Адаму, забрать оригинал.

Два шара из гальки. При ближайшем рассмотрении, созданный Эммой немногo отличался рисунком прожилок — она все же не смогла идеально воспроизвести их.

— Не могу поверить, — потрясенно сказала она. — Это я сделала?

— Ваши каналы для потоков Ши широко открыты, госпожа.

— Я хочу попробовать еще раз! — воодушевилась Эмма.

— Не будем тратить Хуа на камни Шу, это расточительно. Завтра я покажу госпоже новое упражнение.

Эмма вдруг замерла, пораженная новой мыслью и растеряла весь энтузиазм. В выстроенной ей защите зазмеилась трещина. Отдав два шара Адаму, она растерянно затеребила прядь волос.

— Все это время ты был прав, а я не хотела верить в очевидное.

По спине пробежал холодок от мысли о том, что в противостоянии интеллектов Эмма перенесла сокрушительное поражение. Она до последнего надеялась, что происходящее — недоразумение. Как только Адам узнает, что она бесполезна, то найдет способ отпустить ее.

В этом мире не хватает магически одаренных женщин. Заклинатель сумел создать Лунну по заданию императрицы. Каков будет следующий шаг?

Если этот мир хоть в чем то схож с землей, то ее следует поместить в лабораторию для экспериментов. Или запустить в производство, а значит... Эмма не хотела даже думать об этом.

— Когда ты расскажешь властям о великом успехе? Демографический кризис решен! Грехи Гуанхина искуплены. Наверное и награда будет соответствующая, да?

Адам молча встал, снял с полки тетрадь в потертом кожаном переплете. Предъявил ее Эмме, затем капнул сверху на тетрадь капельку Хуа и спокойно наблюдал за тем, как пожелтевшие страницы черными кольцами сворачиваются в пламени.

— Слуга уничтожил записи Гуанхина и сделает все возможное, чтобы другие не повторили его ошибку.

Эмма завороченно смотрела на пламя, горящее прямо в руке Адама, и не трогающее его. Блики играли на бледной коже колдуна, в черных глазах отражались языки пламени. Эмме вдруг отчаянно захотелось прикоснуться к нему, убедиться, что он настоящий.

— Зачем ты сделал это?

— Потому что я не убийца, госпожа. Нельзя спасти Ра ценной смерти Лунн в их мирах.

Тетрадь догорела, Адам смахнул пепел с ладони на пол. Подул ветерок и вынес серые хлопья за порог. Эмма не выдержала встала с пола, протянула руку вперед, дотронулась до его предплечья.

— Сколько раз ты твердил мне, что честолюбив. Вот твой шанс! — упрямо повторяла она, не поднимая глаз.

Он поцеловал ее в висок и крепко обнял. Эмма задрожала в его объятиях, когда Адам тихо прошептал ей на ухо:

— Я уже получил все, о чем мечтал.

У них образовался собственный маленький мир, в котором существовали только двое. Еда появлялась и исчезала сама по себе на золотой скатерти. Погода стояла чудесная: что обильные весенние ливни, что солнечные дни приводили Эмму в восторг. Вокруг домика буйно рос огород целебных трав, воздух был напоен свежим ароматом и песнями птиц. Адам старательно оттеснял Эмму от бытовых проблем, не желая смириться с ее помощью.

Проводя дни напролет со своим создателем, Эмма поняла, почему тот настолько физически силен. Каждое утро и вечер заклинатель проводил серию упражнений для

улучшения потоков Ши и выносливости. Для заклинателей держать в чистоте душу и тело было основой существования. Идеалом считалось, когда мысли слова и поступки сливались в единую правду. Эмма поначалу любовалась со стороны точными выверенными выпадами Адама с палкой или долгими медитативными позами на одной ноге с камнями в вытянутых руках, а потом решила присоединиться. Она не могла осилить и десятой части, но заклинатель подбадривал, говоря, что снегопад начинается с одной снежинки.

Эмма наслаждалась овладением Хуа. Адам был терпеливым и чутким учителем, умел подсказать или дать Эмме самой нащупать правильный путь. Под его руководством ей удалось создать камни Шу различной формы: кубики, конусы, пирамидки. Примечательно, что серый камень Шу давался ей намного легче черного. Черный Эмме не нравился, казался мрачным и Хуа не желала принимать нужную форму. Адам говорил, что это нормально в начале обучения, а потом Эмме придется или заставить себя вспылать симпатией к копируемым предметам или научиться выключать эмоции.

Повторной близости между ними не случилось. Эмма не инициировала, ожидая сигналов со стороны заклинателя. Станет ли он принуждать ее? Будет ли настойчив?

Адам вел себя так, будто между ними ничего не было. Спал на постеленной на полу циновке. Услужливо исчезал во время купаний. Старался не касаться ее вне уроков магии. Прикосновения сводили их обоих с ума, но кроме румянца на щеках и тяжелого дыхания, он ничем не выдавал себя. Он всего лишь смотрел. Почти осязаемо хотел. И Эмма почти решалась довериться искренности заклинателя, но каждый раз она решалась протянуть еще немного. Проверить его на прочность.

Через неделю, после появления в Ра, они сидели на крыльце домика, пили терпкий чай из крошечных чашечек, наблюдая за красотой заката, Эмма наконец осмелилась спросить:

— Когда мы отправимся к людям?

Адам вылил чай на глиняную лягушку, расположившуюся подле чайника на подносе. Тонкая струйка фонтанчиком забила у той из носа.

— Госпожа еще не готова, — твердо сказал он. — Эмма слишком отличается от Лунн. Слуга думает, что лучше всего объяснить странности госпожи происхождением из южной страны Оду, но есть одна проблема.

— Какая же? — заинтересовалась Эмма.

— Внешность госпожи выдает уроженку Ра с примесью горной крови. В империи драконов тоже есть люди с золотыми волосами. На юге же, в Оду, кожа смуглее, брови подведены сурьмой, волосы густо черные.

— Там тоже принято выходить замуж за нескольких мужчин?

— Мудрецы говорят, что горячий климат греет не только тело, но и душу. В Оду нравы совсем другие и нельзя применять традиции Ра к другой стране.

— Если мне нужно выдать себя за уроженку Оду, то необходимо выучить их культуру, — тихо сказала Эмма.

— Слуга знает о южной стране прискорбно мало, в основном из слухов. В книгах можно прочитать описание одежд и праздников, но знающий учитель стоит сотни книг.

— Понимаю, — Эмма поднесла к губам тонкий фарфор и отпила желтую ароматную жидкость. — Ты хочешь нанять для меня учителя.

Она потихоньку привыкала к манере Адама ничего не говорить прямо, а подводить Эмму к нужной мысли, как будто та родилась у нее в голове. Вероятно, мужчин ранга Лу специально учили заискивать перед Луннами, чтобы добиться их расположения, но Эмма предпочла бы прямоту.

«Адаму тяжело со мной, я не понимаю его намеков».

— Думаю, что смогу зачернить брови и сделать кожу смуглее, если освою

преображение Хуа. В моем мире женщины украшают лицо специальными красками, я помню, какие они на вид и ощупь. Может получится сотворить.

— Госпожа поражает своими умениями, но жаль, что красота госпожи будет скрыта.

Эмма равнодушно пожала плечами.

— Все равно это не мое тело.

На лицо Адама набежала тень и он отвернулся. Эмма спохватилась, что своим замечанием могла обидеть его. После недолгого сомнения, она решилась спросить мучивший ее вопрос:

— Адам, тебе не кажется, что вспыхнувшие между нами чувства не настоящие?

С тех пор, как она очнулась на холодном камне и увидела бледное лицо колдуна, ее неудержимо тянуло к нему. Эмма старалась воззвать к холодному и рациональному началу, но возведенные преграды таяли под его улыбкой. Они и так проводили вместе каждую минуту последней недели, но жажда нисколько не утихала, наоборот, жгла все сильнее. Ей постоянно хотелось смотреть на него, говорить с ним, прикоснуться к горячей коже, целовать алые губы, чувствовать похожее помешательство с другой стороны.

Эмме случилось влюбиться на первом курсе в молодого и привлекательного преподавателя линейной алгебры, но весь флер рассеялся, стоило ей подслушать пошлую шутку в адрес соученицы. К тому же проблемы дома не дали легкой влюбленности перерасти ни во что другое. Теперь же, не смотря на твердое решение не пересекать грань в отношениях с Адамом, ее терзало неутоленное желание.

— Слуга не понимает, что госпожа имеет ввиду, — холодно ответил Адам, скрещивая руки на груди.

Эмма не в первый раз сомневалась в его чувствах. Адам каменел в ответ, словно она подозревала его в воровстве.

— Хорошо, попробую спросить по другому. Ты призвал меня из мира без магии, у нас чувства между влюбленными возникают сами по себе...

— Нет, госпожа, у вас так же течет Ши как у нас. Потоки переплетаются, поэтому возникает чувство родства между чужими людьми.

Адам тяжело вздохнул и покачал головой. Затем решительно хлопнул себя по коленям и встал.

— Госпожа права, Ши между нами бурлит и это значит, что пропасть слишком широка.

— Пропать? — удивилась Эмма.

Адам взмахнул рукой показывая вихрь.

— Когда двое предназначены друг другу, Ши течет по широкому руслу реки. Пара в гармонии гуляет, держась за руки, под тенью цветущей вишни. Говорят, такой союз благословляют сами владыки неба. Не всем выпадает подобное счастье. Когда между связанными сердцами пропасть, Ши бурлит и толкает пару друг к другу.

Адам повернулся, потянулся через столик и бережно взял ее ладони в свои. Согрел дыханием, погладил большим пальцем побледневшие татуировки его крови, еще проступающие на ее запястьях.

— Госпоже станет легче, если связь между нами окрепнет. Я мечтаю о дне, когда смогу назвать себя супругом госпожи, но на сей дороге лежат тяжелые камни. Каждая Лунна перед вступлением в брак должна получить разрешение императрицы и присягнуть на верность Ра. Если госпожа попадет во дворец слишком рано, возникнут множество вопросов. У госпожи нет защиты семьи, ей придется взять в мужья отказников ранга Лу. Это будут заклинатели недостойные госпожи.

Эмма покачала головой и забрала руки из горячих чуть влажных ладоней.

— Я не спешу стать ничьей женой, Адам. Время все расставит по своим местам. Я много думала, и поняла, что все могло обернуться совсем по другому, если бы меня призвал по-настоящему честолюбивый заклинатель. Мне повезло встретить именно тебя.

Адам тихо сказал, склонив голову:

— Ши предчувствует разлуку и старается сблизить нас. Знай, госпожа, какие бы беды не выпали на нашу долю, я буду бороться. Никогда не опущу руки. Когда другим ученикам легко давалось овладение Хуа, я напрасно переводил драгоценную субстанцию. Ни насмешки, ни укоры, ни наказания учителей не умили мой пыл. Днем и ночью слуга тренировался, желая стать талантливый магом и достойным наследником семейного дела.

Эмма посмотрела на колдуна с восхищением.

— Надо же, ты производишь совсем другое впечатление. Я думала, тебе все в жизни давалось легко. Ты всегда так спокоен и собран, — она хмыкнула и добавила. — Хотя... Может поэтому моя душа потянулась к твоей — я тоже привыкла выгрызать у судьбы удачу.

— Рад слышать, госпожа. Если будем бороться оба, то сможем превозмочь разлуку, а большего мне не надо.

Эмма, затаив дыхание, наблюдала за тем, как Адам открывал портал в город. Субстанции Хуа для этой цели переводилось невообразимое количество. Целых десять горшочков опорожнил заклинатель один за другим, покрывая тонким слоем деревянную дверь, ведущую в чулан. Радужная пленка сияла и переливалась на светлой древесине, покорная властным движениям руки Адама.

Закончив с кропотливой работой, Адам вытер тыльной стороной ладони выступившую испарину.

— Слуга будет отсутствовать семь дней. Умоляю подробно писать излишне тревожному заклинателю.

— Конечно, Адам, — заверила его Эмма. — Я хорошо помню все твои наставления. Записки будут исправно передаваться вместе с ужином. В солнечные дни буду поливать лечебные травы, а растение по имени девичьи слезы даже в дождливую погоду. Помню маршрут сбора Хуа и обещаю не углубляться в лес ближе к закату.

— А вот это лишнее! — встрепенулся Адам.

— Не беспокойся, я прилежная ученица, не буду переутомляться. Можешь идти со спокойным сердцем.

Субстанция Хуа появлялась из земли подле магически одаренных людей, как кольцо грибов вокруг места танца фей. Скопление обычных людей ранга До мешало собирать Хуа, поэтому заклинатели обязаны были проводить время в удаленных от городов хижинах. Медитация помогала усилить дар, поэтому многие Лу после сбора Хуа предавались внутреннему созерцанию. Даже дворец императрицы располагался в отдалении от столицы посреди обширного зеленого сада.

— Слуга приведет учителя для госпожи, — в который раз повторил Адам.

— Знаю, знаю. Можешь быть спокоен, со мной ничего не случится.

— Этот слуга не желает расставаться с госпожой.

Адам закусил губу, сжимая и разжимая кулаки. Широкие рукава парадного одеяния не могли скрыть нервозности. Эмма не выдержала и ступила ближе, протянула ладонь пожать его руку. Даже это простое прикосновение запустило между ними вихри Ши и заставило сердце биться чаще от желания. Заклинатель притянул ее к себе, нежно обнял, зарывшись носом в волосы. Они долго стояли так, не в силах разорвать объятия, пока субстанция Хуа не начала бледнеть.

Адам спохватился, крепко прижал к себе Эмму, и, через силу отвернувшись, отодвинул заслонку в чулан. Вместо садовых инструментов Эмма успела мельком рассмотреть резные дощечки пола и завесу из бусин слоновой кости, как Адам стремительно исчез по другую сторону и задвинул за собой дверь.

Хуа еще мерцала радужной пленкой. Эмма раскрыла небольшую щелку и увидела прямую удаляющуюся спину Адама, укрытую длинными черными волосами. Он повернул голову, и она тихонько вернула дверь на место, не желая расстроить заклинателя излишним любопытством.

В домике было необычайно тихо. Эмма в первый раз осталась одна со времени появления в новом мире. Она поспешила в спальню, рухнула на пуховик и сделала то, что давно хотела — разрыдалась вволю.

Раньше Эмма убивалась на двух работах, не имея ни минуты роздыха. Утром лекции, затем время на диссертацию и вычисления. Потом Эмма прибежала в тесную комнату, забирая водительские права Анни Ванг и садилась в общую машину. Все соседки по комнате пользовались одними правами, чтобы подзаработать на развозке туристов. Внешность Эмме досталась от родившейся в Корее бабушки, на фоне соседок по комнате, она сильно выделялась лишь ростом. Поначалу ей было страшно водить в сердце Манхеттена, она боялась задавить сломя голову мчащихся пешеходов и загреметь в тюрьму, но со временем приспособилась. Или ей частельно звонила Мартина, и Эмма выходила вместо нее уборщицей в богатых домах, где роскошное убранство плохо сочеталась с ужасным состоянием уборных. Ночная смена официанткой, отвечающей улыбкой на грубость. Каждый месяц она отсылала родителям перевод по почте, который уходил целиком на медицинские нужды матери. В последние три года Эмма спала не более четырех часов в сутки. Для чего все это было? Зачем она жилы рвала что-то кому то доказать? В одно мгновение у нее выбили почву из под ног. Жизнь рассыпалась, как карточный домик.

У Адама под крылом, Эмма чувствовала себя драгоценной и бесполезной принцессой. Заклинатель следил, чтобы она гуляла свежем воздухе, развлекала себя освоением магии, и старался быть невероятно нежным. Она не привыкла к жизни без смысла, а если нельзя вернуться назад, нельзя еще раз увидеть родителей, то ради чего вставать по утрам?

Она не разрешила себе раскисать. Утерла слезы, приказала судорожному дыханию успокоиться, затем заставила себя поработать в аккуратном лечебном цветнике. Кроме знакомой мяты, тут росло огромное количество пахучих трав. Каждую надо было осмотреть на вредителей, полить точно отмеренным количеством воды с пятью каплями Хуа на ведро.

Эмма захватила с собой корзинку с пустыми горшочками, отворила калитку и направилась по знакомому маршруту. Адам брал ее с собой каждое утро на сбор Хуа, поэтому Эмма шагала уверенно, подставляя лицо солнцу. Первая остановка ждала подле жертвенного камня.

За прошедшие пару недель Адам стер кровавые подтеки и расколочил прямоугольную глыбу. Заклинатель тщательно уничтожил следы ритуала и любые источники, по которым его можно было бы восстановить. Главным свидетелем и слабым звеном была Эмма. По словам Адама в ней все было пропитано чуждостью. Слишком резкие движения, слишком прямой взгляд, лишенная вежливости речь. Будь она девушкой До, ей бы все сошло с рук, но появление Лунны привлечет внимание многих глаз. Неизбежно возникнут вопросы, на которые лучше не искать ответа.

Эмма наклонилась к траве, пышно растущей у подножья камня. Осторожно раздвинула зеленые стебельки и протянула руку, позволив круглой радужной сфере перетечь с влажной земли в раскрытую ладонь. Осторожно поднесла горшок и проследила за тем, как круглая капля затекла в широкое горлышко. Не дыша, закрыла пробкой, завернутой в промасленную бумагу.

Лоб покрылся испариной, Эмма без сил присела на алтарь. До выносливости Адама и магии ей еще расти и расти.

Усмехнувшись, Эмма принялась выглядывать в траве созревшие сферы. Заклинатель ни за что не позволил бы Эмме переутомиться. Он окружил ее столь плотным коконом заботы,

подгоняемый чувством глубокой вины, что она не поднимала ничего тяжелее яблока. Оказывается, и в собирании Хуа Адам взял основные усилия на себя.

Он попросил ее наполнять не больше одного горшочка в день. Зная характер заклинателя, Эмма положила в корзину пять. Будет отличным результатом осилить хоть три.

Из Хуа можно сотворить все, что угодно, но количество студня должно примерно равняться желаемому предмету. Лишь одаренные могли собирать Хуа, а их с каждым поколением рождалось все меньше, что вело к недостатку магической субстанции.

Раньше магистры ступени Адама не утруждали себя действием, требующим лишь жизненных сил, без толики мастерства. Сегодня же, лишь Луннам позволено прохладиться в неге и лени.

Призвав Эмму, Адам потратил Хуа не только на колдовство, но и на ее обучение, поэтому Эмма хотела помочь ему с долгом.

Вернувшись в домик, Эмма долго лежала на полу без сил, разглядывая связки душистых трав на потолке. Потом она поднялась, растерла чернила высшего качества пронзительно черного цвета, и, высунув кончик языка, старательно вывела надписи на каждой пробке. Перемещение души позволило понимать знаки, а вот письмо давалось с трудом.

В хижине воцарились сумерки. Эмма подошла к каждому светильнику, сосредоточившись, отрегулировала свечение до теплого желтого, как дома из под оранжевого абажура. Заклинатели предпочитали зажигать Хуа усилием Ши, для простых людей в светильниках устанавливали специальный шнурок.

Эмма села за стол и принялась выводить кисточкой на плотной бумаге буквы нового алфавита. Почерк считался важнейшим признаком образованности, но символы, выходящие из под руки Эммы были далекими от изящества. Кроме того, предплечья дрожали от напряжения и линии ложились неровным столбиком. Ничего, ей следовало привыкнуть к тому, что в новом мире все будет получаться отвратительно. Если она желает стать больше, чем бесполезной куклой, Эмме следует сжать зубы и терпеть.

Наконец, десятая попытка показалась Эмме наименее ужасной. Она расправила скатерть, напряглась для мысленного приказа перемещения еды. На золотистой ткани появились красиво расставленные дымящиеся плошки. На ужин традиционно подавали прозрачный суп с розоватыми овощами, мелко нарезанное мясо, приправленное жгучим перцем, квашенные овощи и плитка прессованной сладкой пасты. Последняя была обернута в записку, завязанную красной лентой.

Адам писал о том, что в имении его золовки все благополучно. Вернее рассказывал он совсем мало, больше задавал вопросы о самочувствии Эммы и напоминал не переутомляться.

Эмма аккуратно сложила записку, поднесла к лицу, позволив себе на мгновение насладиться запахом кедра, оставшимся на бумаге. Мимолетно коснулась губами чернил, написанных его рукой...

Подавив порыв, Эмма напомнила себе, что по вине заклинателя она оказалась в вынужденном бездействии, в то время, когда родным нужна ее помощь. Если бы только Эмма могла выбирать...

О чем говорить? Будь она властной над собственной судьбой, ее бы не было ни подле заклинателя, ни в чужом мире.

Следует признаться, что измученная круговоротом несчастий, когда звонки маме оборачивались мучением, на руках зудела покрасневшая от химии кожа, а душа ныла от унижений, Эмма бывало мечтала именно о такой уютной жизни, озаренной любовью красивого мужчины, в маленьком доме, окруженном зеленью. Поэтому ее душа стремилась убежать вслед за зовом. Ей некого винить кроме себя самой.

Поэтому Эмма аккуратно сложила свое послание, оставила посреди скатерти, приказала той перенестись обратно. До глубокой ночи она вчитывалась в справочник небесных светил, содрогаясь от собственной несостоятельности.

Она еще не знала, какой станет ее жизнь в новом мире, но что-то подсказывало Эмме, что спокойный период долго не продлится. Ей следует быть готовой к любым неприятностям.

Вариации совпадения гороскопов, унылые как зубная боль, навевали сонливость, но в этом мире верили в то, что звезды напрямую влияют на человеческую судьбу. Даже Адам для призыва Эмма долго поджидал благополучного момента, когда созвездия откроют портал. Он так же спросил точную дату рождения Эммы и тщательно высчитывал что-то, сверяясь с пожелтевшими страницами, перевитыми черным шнурком. В итоге он преподнес для нее личностный гороскоп, к которому Эмма отнеслась довольно скептически.

«Госпожа любима богами. Ей никогда не выпадут испытания, с которыми она будет не в силах справиться. Душевные силы госпожи сильны, Ши свободно течет по раскрытым меридианам. Если она осмелится рискнуть в любви и сможет расположить к себе мужчину высокого положения, но черствого сердца, то будет благословлена дочерью».

— Не о тебе ли говорить в предсказании? — хмыкнула тогда Эмма.

— Слуга не обладает ни первым, ни вторым, — задумчиво покачал головой Адам. — К великой досаде слуги в нашем с госпожой гороскопе недостаточно баланса, слишком велика доля холодной мысленной энергии звезды Арха. Заклинатель либо недостаточно талантлив в составлении звездных карт, либо существует неизвестный ранга Лу, весь пронизанный огненной энергией Миэр, который уравновесит нас обоих.

Эмма промолчала тогда, но отметила для себя, что для поддержания беседы, необходимо разбираться в светилах и их влиянии. Правда, она сомневалась в том, что в этом имелся какой либо смысл, но прилежно расшифровывала сухой текст. Зубрила то, что Миэр появляется в начале лета, мерцает над горизонтом и разжигает в сердцах плотскую любовь, а Арха каждую ночь сияет ровно и ярко в сердце созвездия дракона, символизируя мудрость.

Звезды и их влияние на людей перечислялись в первой части учебника, затем шли различные комбинации созвездий в час рождения. Во второй части обсуждалось совместимость рожденных под разными звездами. Эмма отметила, что в толстом томе нигде не было указано способов бороться с судьбой. Видимо, неудачникам оставалось лишь смириться. Подобный фатализм был далек от Эммы, она с трудом удерживалась от сарказма при прочтении некоторых строк.

«Влияние планеты Фа Куан сделает Вас очень оптимистичными и легкими на подъем, так что Вы легко будете нравиться людям».

«Эмма, — думала она. — Нужно терпеть, если хочешь отыскать в нагромождении бессмысленных фраз нечто, способное подсказать, как передать весточку родителям».

Ничего подобного не было в справочнике по небесным светилам не было. Адам обещал привезти из дома учебники, подходящие для учеников, лишь постигающих основы управления Ши.

Эмма вздохнула и взяла другой справочник, имеющийся у каждого образованного человека ранга Лу. Изречения мудрых людей о надлежащем поведении молодых. Через пару часов чтения, Эмме казалось, что люди этого мира одержимы страстями, стремясь урвать кусочек удачи, богатства, положение в обществе. Внешняя красота считалась важным атрибутом успешного человека, но больше всего наставлений было о том, как устроить удачный брак. Одно Эмма находила несколько забавным — на холостяцком рынке именно мужчин оценивали, как выставленный на продажу товар.

Магические способности, уровень культивации Ши, внешняя красота, умение читать стихи, каллиграфия, музицирование на суньми, обходительность в общении и покорность — вот качества, по которым женихам выставляли оценку. Тут и там проглядывали обычаи прошлого, когда колдовство Гуанхина еще не вызвало демографическую катастрофу. Так, мужчинам все еще положено было засылать сватов и платить выкуп, но только с согласия невесты. Так же жених переезжал в клан невесты и брал ее фамилию. Все это касалось лишь ранга Лу. Для простых людей ранга До положение женщины было чуть лучшим, чем в средние века на земле, до равенства полов было весьма далеко.

Скатерть замерцала и посреди золотой ткани появился золотой конверт, обвитый алой лентой.

«Этот недостойный слуга в тревоге о том, что госпожа не спит, вчитываясь в справочники. Смиренно умоляю не засиживаться допоздна, подвергая тело мучением. Помните о том, что должный сон, сбалансированная пища и тренировка тела это три из четырех столбов, без которых невозможно развитие потоков Ши.»

Эмма тихо улыбнулась, спрятав письмо на груди. Четвертым столбом основы культивирования, из которого трилистником на изображениях произрастали остальные было чистое сердце.

О чувствах в этом мире было принято не упоминать. Долг, честь, вот что стоило воспевать в поэмах. Даже между супругами царило глубокое уважение, основанное на выполнении обязанностей ранга Лу. Все, что касалось отношений между влюбленными было окружено оградой стыдливости.

Эмма старательно написала ответ, в котором обещала не доставлять Адаму беспокойства, аккуратно вернула книги на место. Она провела взглядом по убранству домика — дощатому столу с низкими сидениями, ширме с летящими журавлями, стеллажу, где ровными стопками лежали книги и горшочки с Хуа. Ни одной лишней вещи, все вместе смотрится уютно и аккуратно. Безупречно, как и сам заклинатель. Мысленно, Эмма приказала светильникам притушить свет и направилась к кровати.

Без ровного дыхания Адама под боком сон не шел. Вместо этого Эмма ворочалась из стороны в сторону и кляла себя за то, что успела привязаться к человеку, ответственному за ее смерть.

— Ах вот какая она, господин заклинатель не ведает покоя! — высокий женский голос с истеричными нотками выдернул Эмму со сна.

Накануне она опять сидела допоздна с кисточкой в руках. Ей хотелось произвести на заклинателя впечатление успехами в письме. Эмма прилежно читала изречения мудрецов, гороскопы, а также собрала десять горшочков Хуа. Ей не хотелось признаться, но без Адама неделя тянулась безвкусной резиной.

Эмма резко села в кровати, распахнув глаза. Над нею склонилась рослая девушка с длинными черными волосами, в которых блестели и переливались многочисленные золотые заколки, соединенные тонкими цепочками. Девушка была одета в ярко-красное платье, покрытое обильной золотой вышивкой и блестящими камнями. Она вся сверкала, звенела и оглушала.

— Глаза, как осколок неба в плене чернильных ресниц. Кожа, как парное молоко, — продолжала вещать она, и, прежде, чем Эмма успела отреагировать, смуглая рука с тонким запястьем принялась гладить и мять ее щеку.

— Деви, не трогай госпожу, — послышался резкий голос Адама сзади и девушка тут же одернула руку.

Эмма в первый раз слышала, чтобы заклинатель повышал голос. Она не заметила его, поглощенная вниманием яркой девушки, жадно рассматривающей ее. Заклинатель в сером облачении, с голубой вышивкой журавлей по вороту стоял подле ширмы, сложив руки на груди. Длинные рукава опускались почти до пола. Вся его идеально ровная фигура выдавала напряжение.

— Волосы чистое золото, — продолжала восхищаться девушка в алом, и не удержавшись, погладила завитки, рассыпавшиеся по одеялу.

Эмма недовольно повела плечами. Ее осыпают комплиментами, или рассматривают как товар на рынке?

— Деви! — в голосе Адама зазвенела сталь.

— Прошу прощения, — девушка недовольно отступила на шаг, виновато покосившись на Адама.

— Ты потревожила сон госпожи, хотя я предупреждал ждать ее пробуждения в тишине.

— Я не умею по другому, — виновато улыбнулась Деви, кокетливо обернувшись на заклинателя. — Именно для этого меня и позвал, старший брат, не правда ли? А еще потому, что я умею хранить тайны. Неужели нельзя дать мне немного порезвиться? Я ведь ничего не попросила взамен, лишь эту малость...

— Не переходи границ, — холодно посоветовал Адам, и обойдя дугой гостью склонился перед сидящей в кровати Эммой. — Госпожа, я привел учителя. К сожалению, неотложные дела требуют моего присутствия в столице. Смиренно прошу вас писать мне.

Он покорно опустил голову, дожидаясь ответа Эммы. Словно без ее разрешения, не осмеливался уйти. Длинные ресницы трепетали, губы чуть приоткрылись. Эмма легко коснулась его мизинца и почувствовала знакомый жар и томление, наполняющие сердце. Почему ей нужно отпускать его?

Бросив быстрый взгляд на девушку, беззастенчиво глядящую на них с нехорошей усмешкой, Эмма поежилась.

— Конечно, я буду писать, — тихо пообещала она. — Когда ты вернешься? — невольно вырвался вопрос.

— Как только смогу, — глухо заверил ее Адам, не отрывая взгляда от покрывала, на котором еле соприкасались их руки.

— Хорошо, — прошептала Эмма.

Она хотела задать множество вопросов, но любопытный взгляд Деви прилип к щеке, как банный лист.

Получив ее разрешение, Адам молниеносно поднялся, размашистым шагом кинулся за ширму. Эмма рывком поднялась за ним и успела увидеть, как он исчезает за дверью в чуланчик. Закрывшись за ним мерцающее радугой дерево потухло. Адам еле успел проскользнуть в последнее мгновение, но все же он не смел торопить ее с решением. Словно и вправду нуждался в разрешении Эммы.

Оставшись в растрепанных чувствах, Эмма очнулась лишь после того, как обнаружила, что гостя в красном принюхивается к ее волосам.

Эмма нахмурилась, а шумная девица, от которой пахло сладкими духами, сделала вид, будто ничего не происходит и принялась расхаживать по домику, трогая все, на что положила глаз: поверхность стола, полки, сушеные травы, шелковые абажуры. При ходьбе многочисленные украшения в ее волосах и браслеты на руках мелодично звенели, а от ярких цветов одежды рябило в глазах. В сдержанном убранстве домика Деви выглядела крикливым попугаем.

— Вот как живет уважаемый мастер шестого уровня вдали от шума толпы, — отыскав платок Адама, аккуратно сложенный Эммой, девица беззастенчиво потерлась о него щекой и заложила за ворот платья. — Скромненько.

Эмма заметила на столе стопку книг в мягкой обложке, связанных черным шнурком. Адам не забыл захватить для нее учебники, как и обещал. Выхватив их, Эмма, до сих пор одетая в ночные одежды, скрылась за ширмой, преградой вставшей между ней и незнакомкой. Малахитовое платье укрыло ее складками до пола, придавая уверенности. Эмма, дотронулась до бабочек на рукавах, села на низкий пуфик перед зеркалом, причесала растрепавшиеся волосы и собрала их в строгий узел. Ей не хотелось, чтобы их опять шупали.

— Невероятно красивая, — пальцы Деви сжали плечо Эммы, а черные глаза жадно рассматривали ее в зеркале.

— Вы тоже красавица, — спокойно сказала Эмма, проявляя выдержку.

Миндалевидные бесстыжие глаза девушки выделялись на овальном лице. Черные стрелы бровей, точеный нос, алые губки бантиком — она была прекрасна и осознавала это.

— Говорят, красавчик предпочитает блондинок, — чуть оскалилась незнакомка.

— Меня сей вопрос мало интересует, — отрезала Эмма.

— Вот как, — шумно рассмеялась девушка, взметнув копну черных волос, и мелодично зазвенев. — Бедный красавчик, его сердечные чаяния вновь не нашли отклика в сердце жестокой красавицы. Поклонницы будут счастливы.

Оставив шутливый тон, девушка хищно наклонилась вперед, приобняв Эмму рукой и притиснув ее лицо к своему напротив зеркала.

— Обменяйся со мной, — проникновенно попросила она.

— Обменяться чем? — переспросила Эмма.

— Ты мне очень нравишься, — выдохнула девушка, потершись носом о волосы Эммы. — Если ты считаешь, что я красива, значит не будешь против.

— Я... — Эмма застыла от подобной бесцеремонности.

Адам в ее обществе вел себя крайне деликатно и скромно. В справочнике мудрецы твердили о важности хороших манер. Эта же, Деви, похоже говорила, что в голову придет к тому же... Эмма не могла быть уверена, но кажется, она к ней пристаёт... Нет, не может быть, наверное Эмма неправильно поняла смысл слов. Неужели Адам считает, что ее можно принять за землячку этой девицы?

— Забудь, я пошутила, — тем временем отмахнулась незнакомка и, позвякивая, отошла к затянутому бумагой окну. — Красавчик будет против, а я не желаю расстроить его. Слишком долго ждала, пока он обратится ко мне с просьбой, и, естественно, исполню его желание наилучшим образом. Хотя, между нами, его замысел изначально провален.

— Что ты имеешь ввиду? — в замешательстве спросила Эмма.

— Извини, не в обиду сказано, но стоит выдать тебя за уроженку Оду, как любой соотечественник мигом признает обман. А для закрытых скромников Ра, тебе достаточно вести себя вызывающе и говорить, что в голову придет. Да, и выглядеть совершенно иначе, естественно.

Сказав последнее предложение, она опять хищно улыбнулась и удобно устроилась прямо на разобранной кровати, где недавно лежала Эмма.

— Я знаю красавчика много лет, — лениво произнесла она, поигрывая тонкими браслетами, усыпанными драгоценными камнями. — Он не похож на обмороженных рыб ранга Лу, которые только и делают, что кусают друг друга за хвост. Никогда не видела его столь испуганным.

— Чего он боится? — спросила Эмма, неожиданно хриплым голосом.

— За государственную измену в Ра не поглядят по голове, — глядя исподлобья медленно произнесла девушка. — К пыткам тут подход весьма изощренный и творческий, совсем неподходящий для мягкой девушки из Оду.

Она словно пыталась передать завуалированное послание, которое Эмма не могла прочитать. Ей стало не по себе. Она спрятала за спиной задрожавшие пальцы.

— Посуди сама, — продолжила девушка, рассматривая алые аккуратные ногти на длинных пальцах. — Он столько усилий приложил к тому, чтобы замести следы, но пока ты жива, его усилия не стоят и глиняного черепка. Ты выдаешь его своим существованием.

— Что ты предлагаешь? — наконец решилась прямо спросить Эмма.

— Я уже предложила, — холодно улыбнулась девушка. — Соглашайся, пока не поздно.

— Я... не понимаю... — покачала головой Эмма.

— Ладно, поступай, как считаешь нужным, — с досадой отмахнулась девушка. — Я еще не завтракала, есть ли тут нечто съестное или будем довольствоваться горькой водой, которую тут называют чаем?

Эмма погладила розовые крылышки бабочек на рукаве, успокаиваясь.

— Пойдем, завтрак еще не готов, но у меня припасен колотый сахар. Я тоже не сразу привыкла к несладкому чаю.

Девушка с грацией кошки поднялась с постели и наклонилась к рукам Эммы, прослеживая пальцем вышитый узор на рукавах платья.

— Надо же, у красавчика неплохая вышивка. Надо будет пустить слух поклонницам, те будут в восторге. Корзина выпечки практически обеспечена.

— Он сам? — встрепелась Эмма. — Сам вышивал платье?

— Естественно, глупышка! — рассмеялась девушка. — Каждый благородный Лу должен уметь вручную вышить платье для супруги. Он не признался тебе? Как мило! Так вот, купленный у горного народа наряд не защитит своего владельца, как работа заклинателя, в которую вплели потоки Ши.

— Он сказал, это платье его золовки, — пробормотала Эмма.

— Вот как! — еще заливистой засмеялась девушка, ударив себя ладонями по бедрам.

— Идем, я поставлю чайник на жаровню, — одернула ее Эмма, недовольная насмешкой. Ее преследовало чувство, что приглашенная учительница беспрестанно потешается за ее счет, так и не снизойдя до занятий.

Сидя под теплым солнышком на крыльце и попивая приторно сладкий чай, девушка немного подобрела, и даже улыбнулась Эмме без хищного оскала.

— Хорошая погода! Напоминает прохладные деньки ранней весной в Оду. У нас или льет сплошной стеной или жарит как на сковороде. Мой клан живет на границе с Ра, вот и занесло меня любопытством в это болото. И что мне рассказать клану когда вернусь? Что в Ра, если заклинатель не ранга Лу он и человеком не считается? Смешно, правда! Кстати, как тебя зовут?

— Эмма.

— Всего одно имя? Ты вправду из горных? Впрочем, мне все равно. Так вот, Эмма, у нас все по другому. Если приняли в клан, считай ты обрел семью. Красавчик хотел, чтобы тебя

обучали, вот, запомни, я выполняю обещание. Слушаешь? — Деви отпила чай и не дожидаясь ответа продолжила. — Знаешь почему никто за последние лет триста не отважился идти войной на юг? При том, что Оду уже давно раздирают междоусобные битвы, кланы мрут как мухи из-за раздела территории и гордыни. Что-то я отвлеклась... Так вот, как-тебя-там, Эмма, да? Потому что они знают, что в случае опасности мы не только драконам с их огнем можем противостоять, но даже пушки горцев и стрелы заклинателей нам нипочем.

Эмма вцепилась в колени, стараясь привести в порядок невнятную речь Деви. Верить ей или не принимать всерьез? Может Адам и слеп к женскому вниманию, но Эмму с тех пор, как сладкие духи наполнили воздух душил приступ ревности. К тому же гостья явно не желала Эмме добра.

— Будем честны, девочка. Твои шансы остаться живой в Ра стремятся к нулю. Женить на себе красавчика тебе никто не позволит, ставки слишком высоки. Императрица скорей отдаст его мне, если соглашусь отказаться от клана. Не лучше ли отправиться в безопасное место, где всегда тепло и люди добрее? Если посмотреть с этой стороны, я оказываю тебе немалую услугу, не правда ли?

Деви склонила голову к чашке, не сводя с Эммы пронзительного взгляда. На кроваво-красных губах словно блестела кровь.

— Кажется, — сглотнув, сказала Эмма. — Завтрак уже готов. Пройдем внутрь.

Снежно белый цветок оторвался от цветущей вишни, танцуя мазнул по открытой шее и опустился на плечо Эммы. Она бездумно поднесла его к носу, вдыхая свежий аромат. Он помог ей очнуться от окутавшего ее приторного запаха.

Эмма расстелила золотую скатерть и отдала мысленный приказ. Она была уверена, что все сделала правильно, как многочисленные разы до этого, но трапезы не появилось.

Деви стояла подбоченившись, насмешливо наблюдая за Эммой.

— Что-то случилось, — кашлянув, сказала Эмма. — Завтрак запаздывает.

— Ты случилась, — ухмыльнулась Деви. — Теперь держись, раз уж решила не пользоваться моим предложением.

— Я так и не поняла, чего вы хотите от меня? — не выдержала Эмма.

— Я же сказала прямо — давай обменяемся. Ты мне нравишься, я вижу, что нравлюсь тебе. Красавчик не должен знать. Просто пройдешь за нами в портал, я отвезу тебя в Оду, вот и все. Не беспокойся, слухи врут, мы ничего не делаем против воли, да и не смогли бы. В моем теле ты будешь в безопасности, а я, поверь, могу справиться с любыми трудностями.

Эмма медленно выдохнула. Ей показалось, что Деви предложила обменяться телами. Возможно ли это? Она слишком мало знала о магии, но Адам упоминал лишь управление субстанцией Хуа. Может магия Оду отличается? В любом случае, кому ей доверять? Заклинателю, убившему ее ради переселения в кукольное тело, или влюбленной в него ведьме возжелавшей это тело получить?

Внезапно скатерть засветилась и на ней появилась записка, перевитая красным шнурком. Эмма схватила ее, прежде, чем Деви замахнулась, и вчиталась в вертикальные строки, написанные твердой рукой Адама.

— Он скоро будет, чтобы проводить тебя домой, — сказала Эмма. — Деви, что происходит?

— Девочка, твое появление всколыхнуло потоки Ши. Неужели красавчик думал, что сможет сохранить тебя в тайне?

Дверь в подсобное помещение замерцала радужными переливами, отодвинулась в сторону и в домик шагнул побледневший Адам.

— Госпожа, прошу прощения, я вынужден вновь отлучиться, — поклонившись Эмме, мягко сказал он, и, повернувшись к гостье, окрикнул: — Деви, идем скорее!

— Уже-уже, — приторно улыбнулась та.

Поспешив к Адаму, Деви запуталась в подоле алого одеяния, картинно взмахнула руками, и, изогнувшись, рухнула прямо на заклинателя. Адам, чуть поморщился, подхватил ту под локоть, ловко отступив на шаг назад.

— Тебя ищет отец, он поднял на ноги всю столицу в поисках блудной дочери, посмевшей оставить родину.

Деви сразу осунулась и растеряла томность.

— Отец? Он же поклялся никогда не переступить границы с Ра! — она поднесла кулак ко рту и забормотала. — Конечно же, новости ошибочны, этого просто не может быть...

Адам позволил себе один сочувствующий взгляд в сторону Деви, и повернулся к Эмме. Черты его лица тут же разгладились и в уголке губ затаилась улыбка.

— Госпожа, прошу вас никуда не отлучаться в мое отсутствие. Тут безопасно, никто, кроме меня не знает расположение укрытия. Я вернусь, как только смогу.

Поклонившись Эмме, он потянул Деви за рукав и оба скрылись за дверью. Эмма услышала колыхание бус в коридоре.

Она смотрела на мерцающую древесину, сжимая и разжимая кулаки. Наконец, тихо потянула ручку в сторону, обнажив узкий коридор, и покачивающиеся с тихим стуком нити. У нее в запасе несколько минут, пока Хуа не истощится. Ей нужно узнать больше о мире вне домика, чтобы решить, как поступить. Остаться ли под защитой Адама или решиться на авантюру с Деви.

Эмма оглянулась на скудное убранство комнаты, затем, решившись, положила в корзину несколько горшочков с Хуа. Адам уходил в спешке и не забрал их. Если он обнаружит ее, то Эмма скажет, что всего лишь хотела передать собранное.

Пять минут, она пойдет и вернется. Вдох выдох, держать голову ясной и быть крайне осторожной. Портал продержится и с ней ничего не случится.

Коридор оказался галереей, с резными окнами, закрытыми бумагой. Впереди виднелся проход, открытый на небольшой прямоугольный дворик. Эмма осторожно выглянула на улицу. Тут было ощутимо теплее, чем в убежище Адама. На небе ясно сияло солнце, но с востока надвигалась широкая темная туча.

Галерею покрывала красная черепица, за нею виднелись крыши более высоких и солидных строений. С другой стороны чисто подметенного длинного дворика возвышалась толстая стена. Эмма заметила серые и алые одеяния мелькнувшие за угол и бесшумно проследовала за ними.

Тут открывался дворик побольше и почище. Меж тремя строениями, расположились кадки с декоративными кустами и аккуратные лужайки квадратиками. Эмма в замешательстве помедлила мгновение, решаясь по которой из трех лестниц подняться. Справа и слева возвышались домики поменьше, а посередине широкие ступени вели к внушительному резному проему.

Поправив корзину, Эмма повернула к правому домику. Отодвинув заслон, она с ужасом увидела подвешенного за руки к потолку мужчину. Его спину перекрещивали рваные раны с багровыми подтеками. Голова мужчины с длинными черными волосами как у Адама была безвольно опущена.

Эмма с испугом отпрянула и натолкнулась на кого-то спиной.

— Слуга думал, госпожа во внутреннем дворике, — поддержала ее за локоть твердая рука.

Перед ней стоял незнакомец. Черты его лица выглядели грубее, чем у заклинателя, одет он был в серый халат из ткани попроще, и целом весь представлял из себя не слишком удачную копию Адама. У Эммы всполошено забилося сердце, она инстинктивно подняла запястье ко рту прикрыть рот.

— ЙиЛань отбывает наказание согласно вашему приказу. Вы пришли попросить убрать его в менее приметное место? Будет сделано.

Израненный человек выглядел на грани смерти. Эмма решила, что не хочет подвергать его еще большим страданиям и отрицательно покачала головой.

Этот человек почтительно ждет ее указаний, потому что Адам показал ее портрет людям, живущим в этом поместье и приказал исполнять ее желания? В таком случае, кто отдал приказ высечь подвешенного мужчину? Эмма точно не была замешана ни в чем подобном.

Внезапно, слуга рухнул на колени, вцепился в ее подол и прижал к губам.

— Госпожа гневается на слугу. Этот недостойный будет сурово наказан! Этот недостойный плохо выполнял обязанности. Он не проследил за нерадивыми глупцами, которые позволили госпоже выйти в столь неподобающем образе.

Мужчина принялся хлестать себя по щекам, оставляя некрасивые бурые пятна.

Эмма выдернула подол, сбежала по ступенькам, и, подхватив корзину поспешила прочь по направлению обратно к portalу.

Видимо, испугавшись, она повернула не в ту сторону и теперь находилась совсем в другой галерее, украшенной живописью по стенам. В панике, Эмма побежала в обратную сторону, но вместо того, чтобы вернуться в безлюдный дворик, натолкнулась на раскрытые красные ворота, ведущие в цветущий сад. Она уже отступила обратно, но тут услышала голос Адама и застыла на месте, а потом и вовсе начала пробираться вперед, скрытая кустарниками.

Под ветвями цветущей вишни, у края небольшого пруда, в котором плавали разноцветные рыбы с плавниками подобными шелковым шарфам, стояли две фигуры. В склонившем голову мужчине, Эмма узнала Адама, а вот перед ним... Перед ним стояла прекрасная златовласая женщина со знакомыми чертами. Ее чело украшал золотой венец, одежды поражали роскошью и утонченностью. А еще она была точной копией Эммы, вернее тело Эммы лепилось по образу и подобию этой женщины.

— Младший братец, — нежно говорила она, касаясь кончиками пальцев головы Адама. — Наконец-то, ты вернулся домой!

— Прости, что заставил волноваться старшую сестру, я пришел, как только получил письмо.

— Не стоит ждать весточки, чтобы навестить родных! Младший брат должен знать, что его всегда ждут. Ты слишком тяжело работал на благо семьи Йи. Твои успехи похвальны, но переутомление может привести к ошибкам, от которых старшая сестра не сможет тебя защитить.

Эмма тихо вздохнула. Она зря подумала о дурном. Адам вылепил ее похожей на самую близкую женщину, которую он мог видеть каждый день и пристально изучить — сестру. Ни к чему терзать сердце ревностью. Тем более не нужно сравнивать себя с настоящей Лунной. Да, теперь понятно, почему Адам сразу решил, что Эмме никогда не сойти за местную аристократку. Эта златовласая девушка не только выглядела как богиня, но и держалась с поразительным достоинством и изяществом. А ее голос звучал так мягко, что хотелось подлезть под руку за лаской, как кошка.

— Этот недостойный сделает все возможное, чтобы больше не расстраивать госпожу.

— Младший братец, разве дело в моих чаяниях? Эта госпожа заботится лишь о твоём благополучии. Ее величество императрица покровительствовала исследованиям младшего братца, но после новостей о его неудаче, она может расстроиться и подумать о наказании.

— В прискорбной ошибке виновен лишь недостойный заклинатель и гнев ее величества не отразится на чести семьи. Даже неудачный опыт в экспериментах с потоками Ши способен принести пользу. Как только я доложу о новых достижениях...

— Младший братец, — грустно улыбнулась девушка и зарылась пальцами в черные волосы Адама, растрепав их. — Тебе нет равных в магии, но позволь старшей сестре взять на себя мирские заботы. Помнится, когда-то младший братец находил эту госпожу не слишком некрасивой, но тогда выпали палочки судьбы против нашего брака. С тех пор прошло не мало времени, но эта Лунна знает, что чувства младшего братца не изменились. Если мы поженимся, то ее величество возрадуется новости и забудет о досадной мелочи.

Эмма застыла, боясь дышать. В уголках глаз собрались злые слезы, а в груди похолодело. Если они говорят о браке, значит и узы между ними никак не родственные. Переписывая советы молодым, Эмме попадались упоминания того, что позволительно называть друзей братьями, тем самым высказывая сердечную близость.

Ей, некстати, вспомнился злой смех Деви, и как она сказала, что заклинателю уже разбили сердце однажды.

Может эта блондинка и разбила. А он, умница, создал себе точно схожую с ней куклу.

Теперь понятно, почему Адам, едва увидев Эмму, сразу же воспылал чувствами. На самом деле он давно был безответно влюблен в белокурую богиню. Жаль, что Эмма, не смотря на тревожные звоночки, позволила глупому сердцу томиться по заклинателю. Хотя, что тут удивительного? Спелый плод сам падает в руки. На Эмму никогда не смотрели восторженно. Откуда ей было знать, что брошенный на нее взгляд, был лишь отражением настоящего ликования, сквозившего теперь в глазах Адама.

— Неужели Йиго согласен? — не веря, спросил он.

— Эта Лунна не нарушала бы правила бесстыдным предложением, если бы первый муж был против. Твой брат готов принять тебя как Арго.

Эмма вцепилась в малахитовую гладкую ткань платья «для золовки», которую Адам собственноручно вышивал. Ей хотелось порвать платье на куски.

Адам столько раз с уверенностью говорил о том, что когда-нибудь он с Эммой поженится, что она начала привыкать к этой мысли.

— Этот недостойный пришлет сватов при первой же возможности, — низко поклонившись, сказал Адам.

За кустами Эмма зажала себе рот, подавив судорожный всхлип. Адам легко повернул голову, прислушиваясь. Эмма дрожала, боясь сдвинуться с места.

— Эта госпожа будет счастлива принять сватов, — пропела блондинка. — Пойдем, я скорей сообщу новость ее величеству.

— Нет нужды, — остановил ее Адам. — Этот недостойный возьмет на себя все заботы.

С какой легкостью он отказался от Эммы! Прикусив ладонь, она стояла еле дыша, и одновременно мысленно ругала себя на чем свет стоит. Посмешище, жалкая игрушка, наивная дурочка! Интересно, сколько бы она прождала заклинателя в домике, если бы не решилась проследовать за ним в портал?

Прекрасная пара, красивая как небожители, проследовала из внутреннего сада внутрь строения. Стройная блондинка следовала впереди, Адам, почтительно, шел сзади. Удостоверившись, что вокруг никого нет, Эмма вытерла слезы, высоко подняла голову и вышла обратно в галерею.

Она не будет покорно ждать в клетке, как решится ее судьба, как корова на скотобойне. Раз Адам умолчал в одном, нет доверия и другим его речам. У нее есть с собой горшочки с Хуа и природная смекалка. Неужели Эмма зря сидела над учебниками? Неужели она ничего не стоит без заклинателя?

На сей раз удача была на ее стороне. Через два поворота она вышла к высокой стене с красными воротами, подле которых стояли два охранника. При виде Эммы они почтительно поклонились, и не сказав ни слова потянули за широкие железные кольца.

Эмма оказалась на улице чужого мира. Совершенно одна, с выжженным сердцем и растоптанными надеждами.

Меж двухэтажными строениями с конической крышей простиралась широкая улица. В воздухе витал запах пряностей от горячих лепешек, готовящихся прямо перед ней на прилавках маленьких фургончиков. Народ зазывали продавщицы с ярко покрашенными щеками. Толкались и спешили нарядно одетые мужчины в халатах, хотя Эмма отметила, что ни у одного из них не было широких рукавов как у Адама. Неспешно шествовали знатные женщины в сопровождении слуг. Один обязательно нес над госпожой зонтик, другие следовали позади с полными корзинами товаров. Посреди оживленного движения то и дело хаотично передвигались и сталкивались паланкины, повозки, и даже, неожиданно, нечто напоминающее машину без багажника, ползущее на низкой скорости сквозь недовольную толпу.

Эмма опустила голову и поспешила прочь от особняка, не оглядываясь. В ее сердце царил сумбур, она вся оцепенела, словно деревянная шарнирная кукла. Голова работала над практичным следующим шагом, необходимым для выживания. Она может сотворить из Хуа все, что угодно.

Деньги.

Эмма остановилась подле одного из прилавков, где продавали засахаренные фрукты, намереваясь незаметно подсмотреть за покупателями, чтобы запомнить местные монеты. Неожиданно старичок с седыми усами обратился прямо к ней:

— Пресветлая Лунна Йи, сегодня Йилань опять приболел?

Эмма кивнула, невнятно пробормотала общие фразы в ответ, и, опустив голову, кинулась прочь. Будь проклят Адам и его творение — тело прекрасной «старшей сестры»! Естественно, Эмму будут пугать с ней. Нет, она не будет думать об этом, как и о том, чтобы вернуться назад и низменно просить заклинателя все же постараться передать весточку ее родителям, как и обещал. Больше всего сердце Эммы болело именно этим — покинув Адама, она разорвала призрачную нить с домом.

Она быстрым шагом шла по улицам, поворачивая то направо, то налево. Заметив безлюдную подворотню, Эмма заскочила туда и достала корзину с драгоценной ношей. По сравнению с заклинателем она умела прискорбно мало, но металлические предметы удавались относительно легко.

Эмма заметила, что тут были в ходу серебряные слитки причудливой формы или мелкие монетки с дыркой посередине. Лучше всего было бы подержать в руках и хорошенько запомнить слиток, но кто ей даст? Скоро опустится ночь, необходимо найти место для ночлега, а там можно подумать о том, чтобы уехать подальше из столицы, туда где никто не знает Адама.

Завуалированные угрозы Деви поселили в душе Эммы чувство тревоги. Она вновь подавила в себе желание вернуться под крыло заклинателя. Что ей искать у него? Видел ли он в ней человека, или всего лишь играл, потакая своим извращенным прихотям? В любом случае, в его новой жизни места для Эммы нет. Она с самого начала старалась держать Адама на расстоянии, но одно дело взрослые мудрые рассуждения, и совсем другое — желания сердца. То, как сильно тянуло вернуться говорило о том, что она успела крепко привязаться к заклинателю. Предательство свербело в груди и застилало глаза. Вместо того, чтобы сосредоточиться, Эмма все возвращалась мысленно к увиденному в усадьбе и

пыталась убедить себя, что на самом деле она все поняла неправильно.

«Конечно же, из любви ко мне он согласился жениться на другой!»

Внезапно она ощутила сильный удар сзади, затем влетела лицом в каменную мостовую. Эмма вскрикнула от ужаса и от боли. Чужие заскоружные руки принялись шарить по ее телу. Подол платья потянули вверх. Она, всхлипнула, попыталась извернуться, но тут ее тут же пригвоздили к земле ударом в спину, выбившим дыхание. Ребра треснули, тело пронзила острая боль. Из глаз посыпались искры, зубы хрустнули, и рот наполнился вязкой кровью и вкусом железа.

— Осторожно, не запятой платье! — прикрикнул чей-то визгливый голос сзади.

— Не бойся, эта ткань не мнется и не пачкается, — вальяжно ответил низкий голос прямо над затылком Эммы. — Это ледяной шелк, у меня глаз наметанный.

Ее руки грубо вывихнули за спину и сковали стальной хваткой за запястья. Эмма, оглушенная ударом, пиналась и вырывалась, но не смотря на все усилия, платье сорвали, и прежде чем она смогла рассмотреть нападающих, ее настиг еще один болезненный удар в живот, от которого она свернулась на земле, прижимая колени к груди. Еле дыша и кашляя кровью.

— Уверен, что она не из заклинателей? — сварливо спросили сзади.

— Ха, грязная горянка? — громогласно ответил голос над Эммой. — Да она украли платье у хозяев! Семенила и голову вжимала в плечи. Была бы не в бегах, ее не отпустили бы без паренька для компании.

— Я говорила, что нельзя пускать этих горцев. Сначала понаехали на заработки, а потом притащили своих шлюх. Гляди, скоро Яншо заполнят мелкие оборванцы и спасу от них не будет. Развелось, как тараканов.

Эмму еще раз ударил ботинок под ребра и она издала короткий стон, как побитый щенок.

— Скажи спасибо, что легко отделалась и катись обратно в горы, убогая шваль.

Эмма захлопала глазами. Через пелену боли, взгляд зацепился за коренастого мужчину с тонкими усиками над верхней губой. За его плечом выглядывала тощая длинная женщина с ярко накрашенными щеками.

— Посмотри хорошенько, может у нее сережки или заколка какая в волосах?

Если бы у Эммы были сережки, их бы выдрали прямо из мочек, но она всего лишь лишилась клока волос.

Бандит с удовольствием плюнул Эмме в лицо, подобрал корзину с горшочками и вальяжно удалился под руку с размалеванной женщиной, даже не обернувшись назад. Эмма осталась валяться на грязной мостовой в луже собственной крови, как мешок с мусором.

Что она им сделала? За что так с ней? Эмму никогда в жизни не били.

С тех пор, как Эмма проснулась на алтаре, она не могла узнать саму себя.

Она слизняк? Жертва?

Почему позволяет им уйти безнаказанными?

Рука сама собой вытянулась вперед. Крышка одного из горшочков треснула и субстанция Хуа, послушная приказу Эммы поползла вверх по ручке корзины к смуглой заскоружной руке, вверх по запястью, под одеждой на плечо и затылок грабителя.

Сосредоточится было тяжело. Кровь из носа и рта стекала по подбородку непрерывным потоком. Эмма одной рукой попыталась закрыть кровотечение, второй помогла себе

подняться. Каждый вдох отзывался резкой болью в ребрах.

В груди клочкотал страх.

Она не умела многое, но чтобы поджечь Хуа надо всего лишь сильно ненавидеть.

Яркой эмоции достаточно.

Жадное пламя мгновенно поглотило одежды усатого бандита. Он занялся огнем с шипением, как факел. Корзина с Хуа полетела в сторону. Женщина пронзительно заорала и бросилась прочь, подобрав шелк, оставив своего кавалера на произвол судьбы.

— Она — Лунна, ты бесполезный мусор! Так и знала, что только врать горазд. Гнить тебе в тюрьме без меня!

Эмма заглодела от пронзительного человеческого крика. В нос пахнул запах горелой плоти. Мысленный приказ и Хуа мгновенно потухла. Эмма подобрала пару откатившихся горшочков и заковыляла поскорее из переулка, сама не зная, какими силами переставляет ноги. Прохожие увидев дым поспешили на помощь. Грабитель ловил обгоревшими губами воздух и указывал в сторону Эммы, но люди неодобрительно качали головой.

— Скажи спасибо, что жив остался после священного огня!

— Лучше не трогать его, иначе имперская стража всех заберет, объясняй потом, что мимо проходил.

— Сам дурак, раз попал под руку заклинателю.

Неужели она подожгла человека? Рот весь занемел, по лицу не переставая струилась кровь, окрашивая нижнюю белую одежду в алый. У Эммы кружилась голова от железного привкуса на языке. Как молотом по голове, ее настигла оглушительная боль.

Под одеждой тут носили рубашку с запахом и длинные штаны. Ее не оставили голой, но по обычаям этого мира выйти на улицу в нижней одежде считалось верхом неприличия. Ей было некуда идти, но еще больше Эмма боялась оставаться на месте.

Ей хотелось жить.

Стремясь убежать подальше от Адама, Эмма забрела в кварталы победнее. Тут теснились друг к другу сплошной стеной деревянные домики, выкрашенные облупившейся красной краской.

Что ей делать?

У нее никого нет. Никого, кроме того, что призвал ее в этот мир. Что ей делать? Скитаться по улицам или молить Адама о помощи?

Эмма захромала прочь из переулка на оживленный разноцветный базар. Тут продавали рыбу, овощи, мясо, живой скот, а так же стояли прилавки со всякой железной рухлядью, за которыми Эмма заметила похожих на нее светловолосых худощавых людей с неприметными лицами, в синих одеждах. Громкие крики продавцов и зазывал откликались звоном в гудящей голове. Всюду торговались, кричали, теснились люди.

Вокруг Эммы тут же образовалось пустое пространство. Наверное, со стороны она представляла ужасное зрелище — измазанную в крови полуголую девицу. Скорей всего, ее приняли за умалишенную. Эмма осознавала лишь одно — никто не подошел предложить руку помощи. Ее тошнило от этого мира. Еще больше, ее тошнило от себя самой.

Перед глазами стояло скорченное, как пугало, горящее тело грабителя.

Всю жизнь Эмма старалась поступать правильно. Ее ставили в пример в школе, она выделялась в художественном кружке и отлично играла на пианино. После аварии матери, Эмма и вовсе сделала своей целью не беспокоить родителей. Она была их светом в окошке, единственной надеждой.

Какие бы неудачи не постигали за стенами дома, Эмма всегда возвращалась с улыбкой. Бывало сносила унижения во время уборки, бывало ей быть высмеянной, обманутой, незаметной. Зато, она знала, что отец принесет с почты домой стопку наличных, а мама вздохнет с облегчением, что счета и лекарства на месяц будут оплачены. Что, даже

прикованная к инвалидному креслу, мама все еще может гордиться успехами дочери в другой стране.

Умерев во сне в крохотной комнатухе четвертого этажа в съемной квартире, Эмма предала родных. Она не могла забыть об этом, когда жила в тепле и неге под крылом заклинателя. Каждый день, чувство вины понемногу убивало ее изнутри.

Каждый вдох давался с трудом, живот невыносимо болел и пульсировало израненное лицо.

Ей казалось, что ее настигло наказание. Что она заслужила побои и ограбление. Поплатилась за глупость и нерешительность.

В мыслях царила полная мешанина, но Эмма ясно осознавала горькую правду.

Нельзя быть далеко от людей. В тихих местах опасно. Везде опасно. Зачем Эмма ушла из лесного домика?

Цена любопытства оказалась непомерной.

Эмма, прихрамывая, заковыляла обратно к особняку. Кроме него ей никто не поможет. Ее создатель, маг, красавец, предатель.

Инстинкты оказались верными — он с самого начала держал ее только ради возможности насладиться телом.

Эмме было противно, но страх гнал туда, где есть шанс выжить.

Ее приняли за горянку из-за светлых волос. Горцев тут явно не привечают. Кажется Ра ведет войну с северным народом. Тогда почему золовка Адама выглядит именно так? Если в Ра ненавидят чужаков, как ей удалось добиться столь высокого положения?

И зачем Деви понадобилось тело светловолосой куклы? Слишком много вопросов, ни одного ответа.

Подгоняемая болью и страхом Эмма потихоньку вернулась к центру города. Ноги сами привели ее обратно к красным резным воротам в усадьбу заклинателя.

Над дверью висела вывеска, на которой черной краской было выведено имя семьи Йи и красовался золотой пятиконечный лист.

Эмма одной рукой запахнула испачканный кровью ворот, другой несмело постучала.

Ответа не было. Спиной Эмма чувствовала чужие острые взгляды. Молодые девушки с причудливыми прическами и сверкающими заколками в волосах перешептывались, глядя на Эмму. Постепенно собралась целая толпа нарядно одетых красавиц в сопровождении молчаливых слуг. Они крутили зонтики, звенели украшениями и довольно громко перебрасывались фразами:

— Уж ломятся потеряв стыд среди бела дня в одном исподнем.

— Горцы, что с них взять? Грязный народ. Думает золотыми волосами привлечь нашего красавчика.

— Ну да, вся в крови, трогательная девица. И не таких он выставлял, не успевала догореть палочка для благовоний.

— Кто-то знаком с наглой особой? Она разнюхивала о вкусах красавчика?

У Эммы колотилось сердце от ужаса. Злые слова мало волновали ее, но если одной из красавиц придет в голову натравить телохранителей... Эмма все колотила в дверь, не оставляя надежды.

С другой стороны послышался голос:

— Сегодня не принимаем.

— Пош-шалуйстша отшкрийтше! — сплюнув мешающую говорить кровь, попросила Эмма.

Дверь скрипнула, за нею стоял слуга в летах, держащий в руках метелку. За его спиной маячили мужчины более крупного телосложения, с руками на эфесе мечей.

Смерив Эмму взглядом с головы до ног, слуга презрительно скривился и жестом приказал охранникам помешать попрошайке войти. Те угрожающе шагнули вперед.

Эмма сжалась от страха. Ее распухшее измазанное в крови лицо больше не напоминало хозяйку усадьбы.

— Погошите! — воскликнула Эмма. — Мне надо увишится с ним. Это дело ш-шизни и смерт-ши!

У нее не хватало двух верхних зубов и от этого слова мялись во рту, как хлебный мякиш. На глазах выступили слезы от обиды. Эмма понимала, что выглядит жалко и смешно. Она крепилась из последних сил.

— С кем? — вопросительно приподнял бровь привратник.

Эмма открыла и закрыла рот. Вот бы земля разверзлась и поглотила ее, избавив от мучений. Ей неизвестно имя заклинателя!

Он представился сразу после ритуала призыва, но потом Эмма называла его Адамом, и тот был доволен, не раз подчеркивая, как счастлив заполучить новое имя.

Не просить же к воротам красавчика!

Эмма притронулась к распухшим губам. Сердце бешено колотилось. Спину жалили злые взгляды, слуга нетерпеливо помахивал метелкой.

— Брат муша госпоши будет рад меня видет-ш, — наконец выдавила она.

— Которого из них? — саркастично поинтересовался привратник.

— Ч-што? — переспросила Эмма.

— Которого из мужей?

Пока она думала об ответе, дверь с треском захлопнулась перед нею. И больше не отворилась.

Эмма осталась снаружи в одном исподнем, ранимая и одинокая под градом насмешек. Лицо болело, во рту стоял кислый вкус крови, сердце лихорадочно билось в груди от страха и унижения. Она вспоминала сладкие обещания заклинателя о заботе, и кляла себя за то, что доверилась. Как бы то ни было, с этого момента она не будет больше думать о предателе.

Огонь костра освещал три сидящие фигуры. Красноволосого дракона с хищным выражением лица, и прильнувших друг к другу молодого мужчину и черноволосую смуглую девушку с чуть выпирающим низом живота.

Закончив рассказ, девушка вскочила на ноги и с ужасом произнесла.

— Адам! Ему больно. Нет, еще хуже — ему страшно!

Услышав ее слова, глаза алого дракона загорелись нехорошим желтым огнем и он тоже поднялся.

Эмма подбежала к нему и умоляюще схватила за руку.

— Сделай же чтонибудь, Дэн! Возьми меня к нему!

Красивые черты лица алого дракона исказились и он с силой вырвал свою руку из дрожащих пальцев Эмма и отступил на шаг.

— Ты в своем уме? Не трогай меня! Проклятая печать, чтоб ей сгореть!

Эмма рухнула на колени, обняв себя за плечи. По щекам заструились слезы, черные волосы разметались предрассветным ледяным ветерком.

— Они убьют его, Дэн! Я должна его увидеть... Нельзя было его отпускать... Это мучение, чувствовать его боль. Я больше не могу так... Пожалей меня! Отвези меня к нему. В драконьем облике я могу к тебе прикасаться. Дэн! Дэн...

Алый дракон присел на корточки и навел руку над рыдающей девушкой. Было видно, как сильно ему хочется утешить ее, но слова, сказанные драконом были наоборот, холодны и жестоки.

— Любимая, твои слезы — бессмысленны. Ты же знаешь, между тобой и долгом, я всегда выбираю долг.

Эмма судорожно вдохнула и закашлялась. Фанг бросился с другой стороны костра, чтобы поддержать ее под локоть.

— Опьяненные победой, Ра выступили в поход против империи драконов, — спокойно проговорил Дэн. — Первым на пути войска встанут территории Ли. Я — наместник Ли и не оставлю свой пост.

Эмма спрятала лицо в ладонях.

— Ненавижу тебя! Мерзавец! Предатель... Ты обещал ему! Ты обещал мне...

— Ты забыла? У тебя новый муж, который моими стараниями обрел данную по праву рождения силу и прошел инициацию истинным обликом. Почему бы тебе не попросить у него отвезти тебя? Я что, зря старался?

Эмма с надеждой обернулась к Фангу. Тот сразу кивнул, выражая полную готовность следовать ее указаниям.

— Я только прошу, — сквозь зубы продолжил наместник. — Прошу одного — чтобы мы с тобой совершили три поклона.

— Что? — удивленно переспросила Эмма. — Зачем тебе это, Дэн? Печать необратима, ты никогда не сможешь прикоснуться ни к одной женщине, кроме собственной законной жены, Суньли.

— И пусть! Считай это прихотью, Эмма. Ну же! Сколько раз ты просила меня жениться и я каждый раз отвечал отказом. Наконец твоя взяла. Я у твоих ног.

Ведьма молчала. Фанг бережно обнимал ее за талию, в который раз задаваясь вопросом

о том, что произошло в прошлом между ведьмой и наместником.

— Наверное, мы видимся в последний раз, Эмма, — тихо сказал алый дракон.

— Я не понимаю, зачем тебе это нужно, Дэн, — сквозь зубы прошипела Эмма.

— Может, я хочу, чтобы ты оплакивала меня, так как оплакиваешь Адама, — отвернувшись, признался алый дракон.

— Чтоб ты провалился! — чертыхнулась Эмма. — Ты просто невозможен Дэн, я больше не могу! — А потом облегченно вздохнула, закрыв глаза и прижимая ладонь к сердцу. — Пронесло, Адам вне опасности.

Она тяжело дышала, словно после поединка. Фанг осторожно держал ее, как хрупкое сокровище, и тоже ревновал. К наместнику, на которого Эмма реагировала так ярко, к неведомому Адаму, за которого она переживала. Достанется ли на его долю хоть толика чувств?

— Ладно, — Эмма запахнула халат поплотнее, воинственно сделала шаг в сторону наместника, подняла голову. — Ловлю тебя на слово, Дэн. Пока не передумал. Три поклона. Именно такой свадьбы я достойна. Посреди безлюдного леса, под сенью звезд. Ты всегда стыдился нашей связи.

Дракон с нежностью посмотрел на Эмму и грустно улыбнулся. Отошел за круг света, освещенный костром, и вернулся с внушительным сундуком. Открыл его, достал табличку с именем матери, палочки с благовониями, изображения божеств. Установил все в красивом порядке, затем повернулся к ведьме и все же ответил:

— Ты все еще не поняла, Эмма? Я скрывал тебя, а не стыдился. Ни драконы, ни люди не рады чужому слишком яркому счастью. Все, на самом деле стоящее следует хранить в секрете.

Видимо, наместник все продумал заранее, так как в сундуке так же хранились красные одеяния для Эммы и для дракона. В отдельной шкатулке — золотой венец невиданной красоты, сверкающий даже под мягким светом луны и звезд.

Осторожно, чтобы не дотронуться до Эммы, Дэн водрузил венец на голову невесты. Эмма покачнулась под тяжестью украшения. Многочисленные тонкие как паутинка цепочки замерцали в волосах, на шпильках покачивались фениксы с ярко-синими хвостами, лепестки золота сплетались в цветы невиданной красоты.

Свадебный халат тоже был расшит золотой нитью и изображениями фениксов. У Эммы сжалось сердце, когда на плечи легла полупрозрачная газовая ткань. Она вспомнила, как горько плакала в тот день, когда Дэн женился на Сунли, а ей приказали прислуживать невесте. Тогда она решила, что никогда не простит алого дракона.

Дэн зажег благовония, передал их Эмме. Выражение лица дракона было как никогда мягким и торжественным. Словно прочитав ее мысли, он сказал:

— Я не достоин прощения, любимая.

Во все красном, с алыми волосами и желтыми глазами, Дэн был воплощенным пламенем — обжигающим, жестоким, притягательным. Эмма не могла отвести глаз. Ее тянуло к нему с самой первой встречи. Его проступки не имели значения, прегрешения прощались, ложь забывалась.

Они совершили два поклона, первый небу и земле, согласно традиции. Второй, табличке с именем прошлой императрицы. Теперь Фанг понимал, что родителей Эммы нет в этом мире. Она — заблудшая душа, притянутая заклинателем из Ра. Это следует держать в секрете, иначе...

Фанг жил во дворце, поэтому до его ушей долетели слухи о том, что в Ра ищут златовласую ведьму, или как у них говорилось — Лунну. Потом слухи сошли на нет, но теперь, он был уверен, что его жена появилась в империи драконов не просто так. Она в бегах.

Алый дракон и Эмма развернулись друг к другу и совершили третий поклон. Между ними воцарилась тишина. О чувствах свидетельствовали опущенные ресницы Эммы и лучистый взгляд наместника, вбирающий черты лица невесты.

Фанг молча наблюдал со стороны. Для себя он решил, что нет смысла противиться этому союзу — наместник Ли, в отличие от самого Фанга, достойный воин и сильный

дракон. Сам Фанг — не более, чем пустое место. Если он желает сохранить жену и ребенка, то придется усмирить ревность.

— На самом деле, — низким голосом сказал алый дракон. — Я отказывал тебе не потому, что не хотел. Поверь, Эмма, горел так же, как ты. Я — дракон, Эмма. Я желал тебя целиком, запереть в четырех стенах, как драгоценное сокровище, а не делить с другими. Нет!

Эмма подняла голову, чтобы ответить нечто гневное и протестующее, но наткнулась на ладонь наместника, замершую на расстоянии волоска от ее губ.

— Я не желаю слышать твою теорию о том, что на самом деле чи управляет нашими чувствами. Наслушался, хватит, это просто оскорбительно, Эмма. Можешь хоть сегодня не повторять, что никто из нас тебе не нужен, кроме... Кстати, Фанг, лучше не спрашивать жену, кого она предпочитает, потому что Эмма совершенно безжалостна. Она отвечает.

Тут жена не выдержала, поправив съезжающий на бок венец с волнением сказала:

— Дэн, не строй из себя оскорбленную невинность. У меня четверо мужей, четверо! Но посмотри на каждого из них. Думаешь, Мэй воспылал ко мне истинной любовью за пару часов? Мы с тобой используем парня, чтобы спасти ребенка, а он слишком побит жизнью, чтобы сопротивляться. Адама мучает чувство вины. А что до тебя... Дэн, ты сам сказал, что для тебя долг на первом месте. Я не буду отрицать, что нас тянет друг к другу, но на самом деле, я для тебя всего лишь помеха. Поэтому Эрик, только Эрик.

— Видишь? — прошипел Дэн, сверкнул желтыми глазами, и обернулся к Фангу. Она не так благородна, как кажется.

— Ему лучше не слишком привязываться ко мне, — холодно сказала Эмма. — На Мэе, в отличие от Адама или от тебя, нет печати. Он еще может потешить свою драконью сущность и набрать красавиц в гарем. Я надеюсь, ты позаботишься о нем.

— Жена, — подал голос Фанг. — Этот муж решил свою судьбу. Я согласен быть четвертым.

— Ты — третий, — насмешливо поправил его алый дракон. — Этот муж стал четвертым.

Эмма отвернулась, спрятав лицо в ладонях. Ей было мучительно стыдно. Она могла сколько угодно повторять, что не хотела четверых мужей, но факты оставались фактами.

— Что же ты, любимая, отворачиваешься от нас? Слышишь, мы готовы быть с тобой даже зная о том, что Эрик занимает первое место. По крайней мере, я готов.

Дэн заученным движением расстегнул заколку у ворота и отбросил алые одежды в сторону, оставшись полностью обнаженным. Отблески костра ласкали идеальное тело, словно выточенное скульптором из слоновой кости. Красные локоны волос лианами опутывали литые мышцы.

— Прощай, любимая. Спасибо, что исполнила мою просьбу. Фанг, храни ее.

Дэн обернулся драконом и взмыл в ночное небо. Звезды закрыла черная тень, и через минуту они остались на безлюдном холме только вдвоем.

Фанг подошел к оставленному наместником сундуку. Тут лежал завернутый в полотно и хитро завязанный сверток и записка, в которой описывалось содержимое — дорожная одежда, еда, посуда, лекарство и одеяло.

— Мэй, послушай меня, — сказала Эмма, заглянув через плечо. — Нам необходимо отыскать моих мужей. С Адамом приключилась беда, я чувствую это.

Фанг спокойно достал сверток, развязал узел и придирчиво осмотрел содержимое. Все самого лучшего качества, сушеное мясо, крупы в мешочках, даже положены предметы для письма: палочка чернил работы мастера, тушечница, кисть из шерсти черного кролика, и белая бумага. А еще плотное одеяло, которое Фанг достал и аккуратно расстелил на траве подле костра.

— Этот муж готов обернуться драконом прямо сейчас, но жена пережила потрясение, ей лучше проверить меридианы и обновить потоки чи.

Эмма положила два пальца на запястье и прислушалась к внутренним потокам. Фанг со вздохом усадил ее на сундук, опустился на колени и как следует измерил пульс и провел диагностику течения чи. Как он и ожидал, Эмма бессознательно перевела энергию ребенку, себе оставив жалкие крохи.

Поэтому, только поэтому, он взял на себя смелость не дожидаться разрешения жены, а потянулся к алым губам и жадно поцеловал их. А потом обхватил Эмму за тонкую талию лег назад, затягивая ее на себя, прямо на расстеленное одеяло. Поворот, и вот она уже под ним, в черных глазах легкое удивление, но ни толики сопротивления. Фанг потерялся возбужденным телом о ее бедра, заявляя о своем намерении. Пусть жена только что совершила три поклона с другим, но близка она именно с ним.

— Ловко подстроено, — улыбнулась она, осознавая его замысел. — Ты, мне нравишься, Мэй.

— Это только начало, — промурлыкал он в впадинку между шеей и плечом Эммы. — Я собираюсь стать абсолютно необходимым. Пусть у наместника на первом месте будет долг, у этого мужа все помыслы заняты благополучием жены.

Алый газовый наряд невесты мигом стянули ловкие руки Фанга. Обнаженную кожу покрыли нетерпеливые поцелуи. Ему нравилось, что жена, тихонько постанывала и выгибалась навстречу его прикосновениям. А еще его заводила ее честность, которую наместник называл безжалостностью. Зато, когда она станет вести сладкие речи, они будут правдивы. Еще, его умиляло то, как она по-своему заботилась о его будущем. А если сказать просто — хотелось обладать ею, пока никого другого не было рядом.

Фанг вдохнул притягательный запах между ее бедер, затем принялся исследовать место наивысшего наслаждения. Пробовал медленные и быстрые движения языка, чутко прислушиваясь к тому, как стоны меняют тональность из сытых, на почти умоляющие. Сам он был уже давно каменно тверд. С того самого момента, когда они остались одни на вершине холма, подле сгоревшего дома.

Эмма отрывисто задышала и нежно погладила его по щеке, показывая, что достигла разрядки. Фанг плотоядно облизнулся, смакуя солоноватый вкус жены, затем положил руку на изнывающий член, выжидая, пока дымка наслаждения в глазах Эммы рассеется и она запросит еще. Ведь поток чи намного сильнее, когда они соединяются в единое целое.

Если бы Фанг мог, он бы провел ближайшие дни в укромном уголке, непрерывно возводя ее на пик удовольствия.

Как он может устоять перед ней, если своей беззащитностью и доверчивостью жена сводит его с ума?

Фанг медленно ввел подрагивающий член в влажную мягкость ее лона. Он был

нетороплив, и толкался медленно, растягивая каждое движение бедер, как густой мед. Жесткие волоски на его груди терлись о смуглую кожу жены, оставляя на ней свой след и запах. Она сцепила ноги за его спиной и выгибалась навстречу движениям Фанга, заставляя его терять контроль. А потом и вовсе вцепилась зубами в плечо, приказывая нарастить темп. По спине царапали ногти, заставляя ягодицы сжиматься от острого удовольствия. Фанг не подчинялся, все так же размеренно мучил ее наступающими долгими толчками. Он и так был на грани, и желал, как можно дольше оставаться в чувственном мороке.

Фанг ощутил мгновение, когда жена затихла, покорившись тягучему удовольствию от медленных скольжений подрагивающего члена внутри. Внезапно Фанг поменял ритм и стал двигаться все быстрее и быстрее, чуть ли не впечатывая жену в одеяло. Не желая причинить неудобство от твердой почвы, Фанг перевернулся, усадив ее на себя. Эмма застонала от нового, глубокого проникновения и задрожала всем телом. Ощувив сжимающиеся мышцы, Фанг зарычал от острого удовольствия, и выплеснулся, потеряв контроль.

— Наши тела близки, но жена возвела преграду в своем сердце, не желая открыться этому мужу.

Эмма вся покраснелась от близости и расслабилась. Это было идеальное время, чтобы подтолкнуть ее к откровенности.

— Мэй это не так! — встрепелась она, но тут же, признавая поражение, прикрыла глаза и откинулась назад. — Ты спасаешь меня и ребенка, делясь своей чи. Я не имею права требовать глубокой привязанности. Ты достоин девушки, которая будет любить лишь тебя одного.

У драконов свои понятия о чести. Его чувства к жене далеки от любви. Они больше сродни желанию обладать чужим сокровищем — чем запретней, тем больше хочется. И все же Эмма ошибалась — Фанг не собирался обзаводиться собственным гаремом, его это нисколько не интересовало. Его полностью устраивало нынешнее положение в качестве одного из мужей ведьмы. Вот только выросшему во дворце Фангу было известно, что из великолепия ароматного сада всегда выбирается любимый цветок. Он собрался всеми правдами и неправдами занять место, отведенное самому любимому наложнику среди спутников ведьмы. Ныне, это место отводилось неведомому противнику, поэтому первым пунктом стояла необходимость раздобыть о нем как можно больше информации.

Эмма была податлива и открыта. Момент был самый подходящий. Фанг сказал:

— Если жена хочет порадовать этого мужа, пусть расскажет: кто такой Эрик?

Эмма осталась снаружи перед коваными воротами, цепляясь за железные кольца, осыпаясь репликами собравшейся толпы девиц. На нее указывали зонтиками, осуждали и высмеивали. Но не подходили.

Замеченная ранее туча, наконец закрыла пол неба и внезапно разразилась сплошным холодным весенним ливнем.

Девушки запричитали и рассыпались кто-куда. Эмма стояла на подламывающихся ногах. Ей было некуда идти.

Струи дождя на ее щеках мешались со слезами.

Тоненькая фигурка скорчилась подле величественных алых ворот с золотыми узорами. Спутанные волосы, некогда красивое израненное лицо, бурые пятна крови на белизне нижней одежды.

Никто не протянет руку помощи.

Она совершенно одна.

Эмме было знакомо чувство одиночества в большом городе. Когда она только переехала в Манхеттен, знакомая помогла устроиться в пару клубов уборщицей. Работа была грязная, но Эмма привыкла все делать с совестью. За квартиру нужно было внести залог, да отправить хоть что-нибудь на лекарства маме, поэтому она работала по восемнадцать часов в сутки, как заведенная. В ее память врезалась насмешка хозяйки клубов, одетой в блестящее черное платье, заявившей, что зарплаты Эмме не видать, а если она заартачится, то ее выселят с нелегальной дешевой квартиры.

Тогда она тоже чувствовала себя очень одинокой, но на той стороне телефонного разговора ждали Лиза и Вера. Они купили лекарства для мамы, прислали перевод и заверили, что все будет хорошо.

Теперь же у нее никого нет.

Никому нет дела до ее измученного тела.

Мир заклинателя показал зубы и с наслаждением впился в беззащитную плоть, стоило ей выглянуть за порог.

Эмма злилась на себя за беспомощность. Она никогда не была жертвой. Она не позволит вылепить из себя жертву! Но что она может сделать?

Секунды тягуче тянулись, наслаиваясь в бесконечные минуты. Ледяной дождь барабанил по голове и плечам, застилая глаза и высасывая тепло. Эмма дрожа сторбилась, уткнувшись лбом а крашенное дерево ворот. Она надеялась, последней, глупой надеждой, что Адаму сообщат о ней, что он появится оградить от всех опасностей, как обещал.

На улице почти не осталось прохожих. Молодой паренек, одетый в зеленый халат, держащий синий зонт над головой, пробежал по тротуару, одарив Эмму удивленным взглядом.

Силы иссякали, ей уже не казалось ужасным усесться прямо в хлюпающую грязь. Эмма держалась на остатках упрямства.

Внезапно, она почувствовала, что прямо перед ней остановился человек и протянул вперед некий предмет. Это был недавно увиденный мальчик с зонтом. На вид ему было лет двенадцать, в нем еще ощущалась милая округлость молодости. В руках он держал поношенное верхнее одеяние мутно зеленого цвета и настойчиво протягивал его Эмме.

Осторожно, чтобы не повредить раненное лицо, мальчик помог ей натянуть платье через голову. Ткань тут же намокла от проливного дождя. Балахон был великоват на хрупкое кукольное тело, и ткань была грубой, но Эмма чувствовала бесконечную благодарность.

Мальчик опять широко улыбнулся, так, что Эмма показалось, что он ведет себя слишком по детски.

— Шпашибо! — искренне поблагодарила она. — Как тшебя шовут?

Он отрицательно покачал головой и прикоснулся кончиков пальцев к губам.

— Как ше так? — расстроено пробормотала Эмма.

Немой... Она не узнает имени человека протянувшего руку помощи. Ей ужасно хотелось отблагодарить его. Опомнившись, она протянула горшочек с собранной Хуа. Мальчик замахал руками и жестами категорически отказался от подарка. Напоследок, он сунул в руки Эммы лепешку, завернутую в широкий лист и бегом скрылся за пеленой дождя.

Тронутая добрым поступком, Эмма заплакала. Всхлипы отдавались резкой болью в груди и животе.

Напоследок прикоснувшись к красным воротам Эмма от всей души пожелала.

«Прощай, Адам, будь счастлив. Я не буду хранить в сердце обиду. Пусть наши пути разошлись, запомню только хорошее. Спасибо, что приглядывал за мной пока мог».

Эмма захромала по слякоти. Холод пробирал до самых костей. Торговцы спешно прятали товары внутрь повозок и увозили их прочь. Высокие стены окружали нарядные усадьбы и негде было укрыться от дождя. Оставалось идти вперед.

В книге изречений молодым людям советовалось быть милосердным как божество Лиан. Чтобы помнить об этом, наказывалось преклонять в храме колени раз в месяц. Может быть в этом храме можно укрыться и попросить о помощи?

Боль в лице и ребрах становилась все сильнее, пульсировала, лишая сил. Эмма держалась одной рукой за стены, второй прижимала к груди горшочки и подаренную лепешку.

— Стой! — внезапно окликнул ее резкий мужской голос.

Эмма остановилась, втянув голову в плечи. Руки задрожали и сердце болезненно сжалось в комок. Страх острой иглой впился в сердце. Эмма подцепила большим пальцем крышечку горшка и позволила Хуа перелиться через край.

Ее догнали трое мужчин в доспехах из соединенных кольцами пластин со шлемами на голове. Стража? Солдаты?

— Поступила жалоба, что попрошайка из горных нарушила покой семьи Йи, — сказал один из них.

— Не совсем подходит по описанию, — сказал другой, взглядываясь в бумажку, старательно оберегая ту от дождя.

— Ты бесстыдница, что добивалась внимания уважаемого мастера шестого уровня в одном исподнем? — обратился к ней первый буравя взглядом.

Эмма закрыла лицо краем рукава, в подсмотренном у местных девушек жесте смущения. Хуа переливалась у нее на груди, готовая перевоплотиться в оружие. Только Эмме не хотелось вновь причинять боль. Она еле стояла на ногах.

— Сестренка, сюда! Помоги отвезти лоток к дому.

Чужая рука подхватила ее под локоть. Патлатый высокий мужчина со светлыми волосами потащил Эмму в сторону.

— Тысячу извинений, уважаемые стражники. Сестренка вечно ленится и увиливает от

работы. Ох, мать намучилась, с ней никакого сладу...

— Стойте, — зычно приказал стражник.

Мужчина остановился, закрывая собою Эмму. Он был на больше чем на голову выше ее и совсем худой, но держался с отвагой.

— Дай рассмотреть сестренку твою, — проговорил стражник, приближаясь. — Чего она лицо прячет?

— Потому и прячет, что мягко сказать, не красавица она у нас. Свагов уж давно заждались. Уважаемый страж, уж не хотите ли вы породниться с нами? Да, не богаты, и тут я один защитник у сестренки. Мать и отцы в горах остались, знаете ли... На выкупе сторгуемся, не переживайте. Да что ж вы так настойчивы, лучше после свадьбы с невесты покров снять...

Страж собирался одним движением отстранить мужчину с дороги, но тот оказался крепче, чем выглядел и не сдвинулся ни на сантиметр, только расставил руки, защищая Эмму. Та крепко обняла его за талию одной рукой, спрятав лицо в рукаве. Все тело дрожало, сердце бешено колотилось в груди.

Лязгнула сталь. Эмма вздрогнула, и, осторожно выглянув из-за плеча юноши, увидела меч стражника, мерцающий голубым сиянием, направленный к подбородку горца. Эмма тут же отпустила халат и сделала шаг вперед.

Стражник скривился и отшатнулся.

— Лицо распухшее, все в крови, передних зубов не хватает, — перечислил он.

Паренек властным движением задвинул Эмму обратно за спину и гневным взглядом в сопровождении пальца у губ приказал ей молчать.

— Подходит по описанию, — подтвердил стражник позади, сверяясь с мокрой бумажкой.

Стоящий в стороне страж с красным пером на шлеме, видимо самый старший по званию резюмировал:

— Забирайте ее, пусть градоначальник разберется.

— Ох, нет! — заупрямился паренек, перегородив дорогу стражников. — Сестренка все время была со мною, помогала с торговлей.

Не взирая на протесты горца, Эмму схватили за запястье и силой поволокли прочь. Паренек вцепился в плечи Эммы и заголосил во весь голос, что мать наказывала ему смотреть за сестрой, он никуда ее одну не отпустит, пусть берут его заодно, он всем расскажет о страшной ошибке.

Не останавливаясь, его тоже подхватили и забросили в повозку, запряженную рослым конем. Эмма не смогла сдержать стон, когда ее бесцеремонно толкнули на деревянное сидение, и сложилась надвое от резкой боли в ребрах. Парень жалостливо посмотрел на нее, сжав пальцы на острых коленях. Дверцу захлопнули и послышался звук поворачивающегося в замке ключа.

Повозка тронулась и Эмма вновь вскрикнула, на глазах выступили слезы. Горец подхватил ее за плечи, прижал крепко к себе и прошептал на ухо:

— Держись сестренка, скоро наш выход.

Эмма понимала, что их могут подслушивать, поэтому лишь осторожно сказала в ответ.

— Прости, ш-што втянула тшебя в неприятности — шепелявя из-за отсутствия зубов и опухшего рта, сказала она.

— Своих не бросаем, — усмехнулся он, потом нахмурился и добавил. — Узнаю, кто тебя обидел — сведем счеты.

Лошадь цокала по мостовой, по крыше повозки барабанили капли. Стражники ехали на конях под дождем, сопровождая повозку. Слышалась резкая ругань в адрес горцев, которым неймется в плохую погоду. Эмма пригrelась под боком у парня и устало положила голову ему на плечо. Ее стало знобить, показалось, что на ощупь он мощнее, чем выглядел внешне.

Повозку тряхнуло на выбоине, Эмма зашипела от боли, хотя горец чуть ли не держал ее на руках, чтобы смягчить удар.

— Когда дам знать, соберись и прыгай. Ничего не бойся, все под контролем. Не первый раз ловят, у нас все подхвачено.

Эмма послушно кивнула, хотя голова кружилась и она с трудом понимала, что происходит. Одной рукой она прижимала горшочки с Хуа, другой цеплялась за одежду парня.

Горец выглянул сквозь щель меж дощечками, которыми было закрыто оконце и удовлетворенно кивнул.

Стражников окликнул мягкий женский голос, несущийся откуда-то сверху.

— Красавчики, вы слишком тяжело работаете. Загляните на огонек, мы обогреем как следует.

— Цветок Сливы, как смеешь заговаривать с почтенными господами на важном задании градоначальника?

— Конечно, конечно, — засмеялся голос сверху. — Откуда уважаемому стражнику знать даже имя этой скромной слуги?

Шум дождя не мог скрыть звонкий как колокольчик женский смех. К первому голосу присоединился второй, вещавший о том, что девушкам невдомек, как могучи господа стражники в постели. Может, те поднимутся показать?

В пальцах горца блеснула тонкая отмычка. В два счета он расправился с замком, распахнул дверцу. Спрыгнул вниз, затем подхватил Эмму на руки. Одной рукой мгновенно запер повозку, пока стражники, ничего не заметив, перебрасывались фразами с девицами. Поддерживая Эмму за талию, горец юркнул в неприметную дверцу у высокой стены.

Тут царил полумрак, в воздухе витал тяжелый аромат женских духов и немых тел. Занавес из бордовых бусин с мелодичным перестуком отодвинула женская рука с белыми пальцами, покрытыми длинными золотыми чехлами для ногтей, создававшими впечатление когтистой лапы демона.

— Эр, ты опять попал в неприятности? — спросила полуодетая девица в алой газовой накидке, выпуская кольцо дыма.

Она лениво окинула взглядом Эмму и вновь затянулась ярко окрашенными губами дымом из вытянутой трубки.

Парень опустил Эмму на ноги, засунул руку за ворот и достал оттуда холщовый мешочек с зеленой вышивкой.

— Тут должно быть достаточно для взятки. Надеюсь стражник Ли Бай не будет слишком злопамятен.

— Если и будет, Золотая Бабочка позаботится о том, чтобы вышибить из его головы лишние мысли, — сказала девушка и протянула белоснежную ладонь, чтобы забрать мешочек.

— Ох, Ди, ты великолепна.

Девушка прикусила острый чехол для ногтей и засунула длинные пальчики в мешочек.

— Сладкие слова, а денег маловато.

— Сочтемся, Ди! Мне снился сон о том, что скоро заработаю целую гору слитков.

Удача и тебе перепадет, знаешь, что не обижу. Нам пора!

— Лучше скажи, кто девушку обидел? Первый раз вижу, чтобы горцы отпустили женщину в равнину.

Парень остолбенел, краска отхлынула от лица и он крепче прижал к себе Эмму, находящуюся на грани обморока.

— Ра не гостеприимна, поэтому мы должны помогать друг другу. Кто ее обидел мне неизвестно, но Ди, я как раз собирался во всем разобраться!

Горец потащил Эмму дальше по темному коридору с обшарпанными стенами. Они вывалились на задний дворик, оттуда через неприметную калитку в чужой сад. Там, за зарослями сирени горец наконец повернулся к ней и обеспокоенно прошептал:

— Где твоя семья? Куда тебя вести?

Эмма еле шевелила языком. Если бы парень отпустил ее, она рухнула бы прямо на мокрую траву.

— У меня никого нетщ, — выдавила она.

— Как тебя зовут?

— Эмма.

— Что мне с тобой делать, Эмма? — спросил сам себя парень, и расстроено цыкнул языком. — Мужья? Братья? Отцы? Друзья?

Эмма отрицательно качала головой.

— Из какого ты селения?

На этот вопрос она ответить не могла. Только пожала плечами и взгляд горца из сочувствующего стал подозрительным. Он сказал пару слов на незнакомом языке, а Эмма сжалась в комок, осознавая, что проваливает одну проверку за другой.

— Кто ты такая?

Эмма обреченно понурила голову, ожидая самого худшего.

Горец долго молчал, пристально рассматривая ее. Кристально голубые острые как клинок глаза шарили по ее лицу и одежде в поиске подсказок.

— Тончайший безумно дорогой шелковый нижний халат и грубое верхнее одеяние. Свежие ссадины на лице, полученные меньше часу назад. Ведешь себя странно, но это можно объяснить кражей Хуа. Хоть скажи, кого мне следует опасаться? Кто будет тебя искать?

— Никшо, — еле слышно прошептала она и сунула Хуа прямо в руки горца. — Шпасибо тебе.

Эмма приказала пальцам, намертво вцепившимся в ворот халата горца, разжаться. Она повернулась, намереваясь уйти, но он остановил ее.

— Тише, тише, — прошептал он в ответ. — Сестрица, мне не нужны твои тайны. Если хочешь — идем со мной. Боюсь, тебе не понравится мое скромное жилище. Я правда очень беден и не смогу ничего дать тебе, кроме крыши над головой и теплой каши.

Эмма удивленно подняла на него полные слез глаза.

— Что ж ты так на меня смотришь? Право же, сестрица, неужели думаешь будто я приложил столько усилий для спасения, чтобы тут же тебя обидеть? Верни же ручку на место и обопрись о меня, тут не очень далеко, а если совсем устанешь, то понесу тебя на руках.

Он выполнил обещание и прилежно поддерживал ее, пока Эмма хромала рядом. А потом подхватил ее под ноги и спину, как пушинку и Эмма оказалась намного выше, чем

ожидала. Она в изнеможении положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Почему-то, рядом с ним не было страшно, хотя мир за пределами домика Адама встретил ее жесткой пощечиной.

Этот горец и так мог сделать с ней что пожелает, она в нынешнем состоянии слабее котенка. Разве у нее был другой выбор, кроме как довериться ему?

С резким вдохом, Эмма встрепенулась и крепче вцепилась в парня.

— Как тшебя шовут? — требовательно спросила, пронзительно вглядываясь в непримечательное лицо горца.

Чем дальше она вглядывалась в него, тем больше понимала, что черты лица не желали складываться в ясную картину. Губы то сжимались тонкой полоской, то казались припухлыми, скулы то терялись в щеках, то явственно проступали. Лишь голубые яркие глаза выделялись умным цепляющим взглядом.

— Меня? — переспросил горец с улыбкой. — Я Эрихмантур, но тут все зовут меня Эр, что означает, второй. Когда приехал в Ра, то очень удивился, что всем известно, какой я по счету в семье... Эй сестрица, постой, если у тебя никого нет, то для тебя я как раз буду самым что ни на есть первым, так? Вот и выбери для меня имя, может будешь звать меня ЙиЛань, а?

Эмме вспомнилось, что она уже слышала сегодня, как кого-то называли Йилань, поэтому отрицательно покачала головой. Зачем тащить за собою прошлое, лучше оставить Адама и все, что с ним связано позади.

Он предал ее, поступил хуже, чем с бродячей кошкой.

Эмма не желала ему зла, но как бы она не боролась с собственными чувствами, боль от расставания терзала сердце.

— Нетш, — отказалась Эмма и без сил положила голову обратно на плечо горца. — Если пошволишь, Эрихманшур, бутшу швать тшебя Эриком.

— Эриком, Эрик, — забормотал он, пробуя имя на вкус. — Эмма и Эрик, Эрик и Эмма... Сестрица, отлично! Почему матушке в голову не пришло такое чудесное имя? Дома меня звали... Хотя, впрочем, лучше об этом не упоминать.

Горец отлично ориентировался в городе и умел незамеченным пробираться через чужие участки. Эмма очнулась от забытья от того, что парень остановился. Перед ними был глинобитный крепкий дом с бамбуковой изогнутой крышей и щербатой покосившейся дверью. Лучшие годы этого строения остались в прошлом. Эрик переступил через высокий порог и громко сказал:

— Братцы, вы не поверите, я привел с собой сестрицу!

За круглым столом посреди различного хлама сидело трое высоких светловолосых человек и азартно двигали костяные таблички с выдолбленными черными символами. Услышав приветствие, они разом обернулись и удивленно уставились на Эмму, прижатую к груди парня.

Они отличались от увиденных на базаре горцев, как бриллианты от тусклого стекла. Широкие в плечах, пышущие обаянием и харизмой. Красивые настолько, что казались небожителями. И одеты они были совсем по другому, чем обитатели столицы — не в халаты, а в рубахи без рукавов, позволяющие оценить мощное телосложение. И тем разительней оказался контраст, когда правый гневно пророкотал:

— Эр, где тебя носило? Безголовая курица, ты мой лоток опять где-то в подворотне оставил? Клянусь, я отрежу тебе пальцы и отправлю матери!

Сидевший рядом с ним невероятно красивый мужчина пониже, с белой как молоко кожей, голубыми глазами и коралловыми губами, прервал гневную речь, потянув

разъярённого правого за рукав.

— Уверен, что второй брат не хотел ничего дурного. Кто позарится на твою рухлядь? Закончим игру и пойдём искать. Вернем в целости и сохранности, как и в прошлый раз.

Он тепло улыбнулся Эмме и двинул вперед две косточки. Увидев его маневр, сидевший слева флегматичный холодный красавец возмутился:

— Опять выиграл! Урман, ты грязно мухлюешь. Узнаю как, повыдергиваю все волосы до единого, родная мама не узнает!

Эрик наклонился к Эмме и шепнул ей в волосы:

— Они шумные, но не причинят зла. Идем, я уложу тебя и сварю целебный чай. Не смей засыпать без него, это лучший рецепт от головной боли — проверено!

Так, заговаривая ей зубы, они прошли мимо троицы, занятой пререканиями больше, чем появлением незнакомки. Эрик ступал осторожно и следил за Эммой, потому что куда не кинь взгляд, везде была раскидана разная причудливая железная рухлядь. Некоторые механизмы двигались с размеренным стуком, другие издавали тихие скрипы.

Эрик отодвинул заслонку и отступил в сторону, давая Эмме пройти.

— Эм-м, я предупреждал, что живу скромно, не обессудь сестрица, — сказал, он почесывая затылок.

Темная комнатка выглядела, будто тут ее разгромили для ремонта, инструменты бросили, да еще свалили сверху производственный мусор. Возле стены возвышались покосившиеся стопки коробок различной величины. Лишь в самом углу на полу была расстелена циновка, на которой оставалось немного свободного места. Эмма отметила, что простыни, несмотря на полнейший хаос окружающей среды, выглядят чистыми.

Усадив Эмму на циновку, Эрик крепко наказал ей оставаться в сознании. Затем он расчистил дорожку ко входу, отодвинув железные запчасти, тем самым придав остальной части комнаты еще более захламленный вид.

Эмму знобило и она никак не могла согреться в мокрой одежде. Эрик сновал туда-сюда: то достал одеяло и заботливо укрыл ее, то убежал принести горячего чаю, то вытащил откуда-то запасной халат.

Нижняя рубаша и штаны, выданные Адамом мгновенно высохли и выглядели белоснежно чистыми. Платье, подаренное мальчишкой с зонтиком было безнадежно испорченным. Тем не менее, Эрик застирал его и повесил сушиться.

— Зачем тщи помогаешь мне? — схватила его за рукав Эмма.

— Что значит, зачем? — удивился Эрик. — То есть, брось я тебя на произвол судьбы, такое поведение не вызвало бы вопросов? Не хочу тревожить сестрицу, но что за люди ранее окружали тебя? Долг каждого человека заботиться о слабых. Закрой глаза и спи спокойно. Тут всего одна циновка, поэтому мне придется разместиться рядом, но не беспокойся. Этот братец не причинит тебе вреда.

— Шпашибо, — тихо прошепелявила Эмма.

Она еле могла дышать от боли. Грудную клетку будто кололо острым ножом изнутри, живот ныл, рот весь онемел и опух. Голова кружилась от потери крови и усталости.

По капельке Эрик заставил ее выпить горькое укрепляющее лекарство горцев, затем дал запить сладким теплым чаем с кусочками терпких ягод.

Эмма лежала в темной комнате без сна. Кошмар прошедшего дня все еще заставлял ее сердце часто биться. За заслонкой трое соседей ругали Эрика на чем свет стоит за потерянный товар. Затем все затихло, видимо они ушли искать потерянный лоток.

Она лежала без сна, рассматривая потолок. Сердце глухо билось. В голове мелькали картинки — камни мостовой, на которые капает бордовая кровь из носа, чужой ботинок впившийся под ребра, человек, объятый огнем. Его крик как наяву звенел в ушах.

Ее сотрясала дрожь от страха, от пульсирующей боли.

Внезапно послышался тихий шорох от отодвигаемой в сторону двери. Затем последовал тихий шум крадущихся шагов.

Пальцы сжались на острой отвертке, подобранной из свалки на полу. Белые одежды нежданного посетителя выделялись светлым пятном в темной комнате. Эмма затаила дыхание и принялась выжидать удобный момент для атаки или бегства.

— Не спишь? — спросил тихий голос. — Второй брат попросил меня присмотреть за тобой.

— М-м-м, — ответила Эмма, сжимаясь под одеялом.

В голосе не слышалось угрозы, но она больше никому не доверяла.

— Кто ты такая?

Эмма отрицательно покачала головой, указывая на рот. Вполне хватило первого опыта общения с Эриком, который за два вопроса разоблачил полное незнание об этом мире. Ей повезло наткнуться на хорошего человека, но лучше не искушать судьбу во второй раз. Рот опух и в крови, этот человек должен поверить, если она скажется немой.

— Я всего лишь хотел разглядеть тебя получше. Прости, что напугал, — голос стал мягким и вкрадчивым. — Раз не спишь, можно зажечь фонарь.

Раздался щелчок и в бумажной лампе в руках мужчины загорелся теплый огонек. Эмма прищурилась. Гостем оказался тот, что сидел посредине и отличался совсем уж неземной красотой. Светлые волосы рассыпались по плечам, белая безрукавка ладно сидела на мощной фигуре. На его лице сияла застенчивая улыбка, а взгляд был любопытным.

— Ты сбежала из дома? — спросил он. — Попала в беду?

Эмма неясным жестом то ли согласилась, то ли отмахнулась.

Горец долго и пристально рассматривал ее, пока Эмма не почувствовала себя бракованным товаром. Голубые прозрачные глаза, в которых плясал отблеск огонька не потихоньку леденели, пока в них не осталось ни малейшего признака одобрения.

Взгляд горца прошелся по висевшему на протянутой по комнате бечевке зеленому платью, с побледневшими бурыми пятнами.

— Эр сошел с ума, — наконец заключил он. — Нам не прокормить бесполезную бродяжку. Заляпанная дешевая одежда, следы побоев... Наверное ты полукровка, которую держали из милости. Что ты наделала, чтобы заслужить суровое наказание?

Гость прищурил глаза, намереваясь найти ответ в лице Эммы. Затем он заметил горшочки с Хуа, выставленные рядом с подушкой.

— Воровка... — заключил он.

Эмма подумала о том, что этот горец уступает в наблюдательности Эрику. На ней все еще надето дорогое нижнее белье, выглядывающее из под одолженного у Эрика халата, но он видит лишь то, что вписывается в придуманную картину.

Сейчас она беспомощная, брошенная на произвол судьбы женщина. Любой может безнаказанно обидеть лишенного защиты слабого человека.

Зачем доказывать превосходство перед попавшим в беду?

Можешь — протяни руку помощи. Не можешь — иди мимо. Какой прок толкать еще глубже в пропасть?

Эмма проглотила злые слезы и отвернулась, не желая идти на конфликт. Ей было страшно. Если этот холодный красавец заставит Эрика выставить вон обузу... Куда идти? Как жить дальше?

— Ладно, не буду вмешиваться. Эр уже разочаровал семью, вижу никак не успокоится. Если глупец сам роет себе яму, его остановить невозможно. Я думал, он сумел отыскать в Ра невесту...

Тут гость засмеялся и прикрыл рот.
— Невеста, ха!

— Третий! Сестренка нехорошо себя чувствует, ее комната не место для развлечений, — прервал неуместный смех голос, раздавшийся из-за двери.

В комнату зашел светлый лицом мужчина с длинными золотыми волосами, настолько похожий на ангела, что Эмма беспомощно моргнула. Не хватало лишь крыльев за спиной, но все остальное — правильные черты лица, лучащиеся светом голубые глаза, белые одежды. Красота этого небожителя завораживала, заставляла бьющееся в тревоге сердце трепетать от восторга.

— Я просил присмотреть за сестренкой, а не будить ее, — продолжил отчитывать гостя вошедший ангел.

— Я выполнял долг второго брата — ты должен был посоветоваться с нами, прежде чем тащить с улицы всякий сброд. Эр, мы тоже живем в этом доме, я не желаю быть наказан за твои проступки...

— Хватит! — раздался громоподобный окрик сзади.

В комнату ворвался разгневанный горец, лоток которого потерял Эрик.

— Третий, не смей прикрывать трусость заботой о братьях! Ты потерял совесть, но я еще помню заветы матери! В этой девушке течет кровь горного народа, кем мы будем, если выставим ее вон?

Ночной гость мигом растерял гонор и принялся оправдываться:

— Первый брат, в любой момент нагрянет стража для переписи, как мы объясним ее присутствие?

Высокий и могучий, как кузнец, злой, как черт, горец отмахнулся и сверкнул глазами.

— Пусть это тебя не заботит, я найду способ отмазать твою драгоценную задницу.

— Я не против помощи девушке, но нужно взвесить разумные доводы за и против... — попробовал продолжить третий, но его тут же перебил громогласный горец:

— К черту вас всех! Она остается, я так сказал. Кому не по нраву, может выметаться.

Третий мигом побледнел и осунулся. Первый брат возвышался над ним горой мускулов. За время перепалки ангел передвинулся от двери и встал, заслоняя своим телом Эмму от остальных.

— Первый, как же так? — дрожащим голосом сказал ночной гость. — Я покорюсь твоему решению и буду защищать ее. Вы накинулись на меня, как на шелудивого пса, а я ведь не причинил девушке никакого вреда. Неужели я заслужил угрозу изгнания?

— Ты зря горячишься, первый брат. — У входа в комнату появился последний из горцев с холодным выражением лица. — Третьего не переспорить, а на второго сколько ни кричи, все равно поступит по-своему. Понятно, мы не выгоним бедняжку, пока она больна, а как встанет на ноги, тогда и решим.

Все согласно закивали и начали перешептываться: «Четвертый прав», «разумно».

Комната опустела, остался только ангел, устало присевший на краешек циновки. Оставленный ночным гостем фонарь осветил лицо мужчины, и Эмма, несмотря на боль и усталость, залюбовалась красивыми чертами. Она узнала голубые глаза Эрика и наконец поняла, почему не могла раньше рассмотреть его. Видимо, он носил амулет, скрывающий истинный облик.

— Прости, пожалуйста, сестренка. Третий брат не плох, поверь, просто недавно отсидел

пару дней в темнице градоначальника, вот и боится собственной тени.

Эмма попыталась улыбнуться, но опухшие губы не слушались.

— Ангел, — прошептала она. — Ты мой ангел...

Сухая прохладная ладонь накрыла ее лоб.

— У сестренки жар, вот беда. Сон — лучшее лекарство, — сказал он и задул фонарь.

Комната погрузилась в темноту. Эмма всхлипнула и потянулась к источнику прохлады.

Как только она коснулась горца, в сердце воцарился покой, и она с облегчением заснула.

Утром Эмма проснулась посвежевшей и отдохнувшей, словно не пережила самый тяжелый день в жизни. Лицо все еще побаливало, и она не осмеливалась глубоко вдохнуть, но в остальном ее организм оказался крепче, чем ожидалось.

Или просто ангел спустился с небес, чтобы ее спасти.

Рядом на подушке осталась вмятина от головы, но Эрика видно не было. За дверью раздавались голоса и звон посуды. Эмма на мгновение испугалась, что осталась одна, но потом расслышала знакомый голос и заставила себя успокоиться.

При дневном свете комната выглядела еще хуже, чем ночью. Разный хлам и полу-доделанные механизмы устилали пол вместе с древесными стружками, гвоздями, болтами и пылью. На протянутой веревке сохло зеленое платье и висел светлый халат, принадлежащий горцу.

Держась за ребра, Эмма осторожно встала и протянула руку к платью. Грубая ткань успела высохнуть за ночь. Эмма натянула подарок мальчишки через голову, сдерживая стон.

В углу что-то блеснуло. Подойдя ближе, Эмма увидела треснутое зеркало. Из него на нее смотрело опухшее фиолетовое лицо с синяками под глазами и без двух верхних зубов.

Эмма не воспринимала кукольную внешность, подаренную Адамом, как свою, а со вчерашнего дня она и вовсе возненавидела облик возлюбленной заклинателя. Изуродованное лицо воспринималось подарком небес. Эмма осторожно дотронулась до распухших губ, напоминающих две подушечки для иголок.

Вспоминая разговор с Деви, Эмма наконец смогла разгадать часть намеков южанки. Во-первых, прояснилось, почему та сказала, что Адам предпочитает блондинок. Можно сказать, не просто блондинок, а одну-единственную, ту, что была женой его брата. Во-вторых, дикое желание Деви обменяться с Эммой внешностью обрело смысл. Бедная девочка настолько влюблена в заклинателя, что готова довольствоваться ролью подмены настоящей возлюбленной. Что ж, из этой затеи в любом случае ничего не вышло бы. Адам воссоединился с оригиналом и больше не нуждается ни в Эмме, ни в Деви, ни в одной из сонма фанаток.

При воспоминании о заклинателе болезненно сжалось сердце.

Она всегда считала себя реалисткой, редко сходилась с людьми, но когда доверялась человеку, то открывала душу. С двумя подругами, Лизой и Верой, они дружили с детства и даже после того, как Эмма уехала, перезванивались почти каждый день. Вера работала в аптеке и часто приносила лекарства прямо домой к родителям Эммы. Лиза рано вышла замуж и уже была матерью двоих. Несмотря на занятость, она раз в неделю приводила малышей и садилась чаевничать с Эмминой мамой.

Когда Эмма звонила домой, у нее в груди разливалось тепло всякий раз, когда мама говорила:

— Твои девочки заходили.

В школе над ними подшучивали, говорили, что женская дружба недолговечна, но годы шли, а они все так же держались друг друга. И даже расстояние не помешало тесно общаться. Дружба спасала их в тяжелые минуты. Эмма доверяла Лизе и Вере, как самой себе. Случались и ссоры, как же без них, но, даже сильно обидевшись, девчонки прямо говорили все в лицо, не скрывая истинных чувств.

Эмма ненавидела лицемерие. Зачем заклинатель разыгрывал спектакль о любви и клялся в преданности? И почему она, несмотря на хваленую приземленность, все-таки поверила?

Вновь промелькнула мысль о том, что стоит дать заклинателю шанс объясниться, но потом Эмма вспомнила, как стояла под дождем у дверей усадьбы, как умоляла стражника позвать хозяина, истекая кровью. Малейшее желание вновь столкнуться с заклинателем тут же рассеялось.

— Сестренка, ты уже встала?

Дверь в комнату отодвинулась, и в сонме утренних лучей в комнату вошел ангел, держащий на руках поднос с дымящейся миской. Золотые волосы рассыпались по широким плечам, слишком маленький халат неприлично, по меркам этого мира, распахнулся на груди, позволяя увидеть медовую кожу и литые мышцы, тонкую талию стянул пояс, длинные ноги облегли тканевые сапоги.

Проворно переступая через рухлядь, Эрик подошел, прислонил тыльную часть ладони ко лбу Эммы и довольно цокнул языком:

— Жара нет, но сестренке все еще стоит полежать сегодня. Аийя! Почему не дождалась братца, я бы помог тебе с одеждой! Давай же, садись скорее, я принес полезную кашу. К сожалению, второй брат совсем не умеет готовить, зато третий встал на рассвете, чтобы поставить вариться молочно-белый бульон из мозговых костей с целебными травами. Посмотри на рис, круглый и блестящий, как речной жемчуг. Зеленый лук сорван из его личного садика, за которым третий смотрит, как за собственным дитем.

Тонкий матрас прогнулся под мощной фигурой горца. Эрик зачерпнул ложку с умопомрачительно пахнущей кашей и заботливо подул, прежде чем поднести к губам Эммы.

— Третий брат просил прощения у сестренки. Надеюсь, она не будет держать на него зла!

Каша оказалась вкусной и сытной, в сотни раз лучше любого блюда из кухни заклинателя, но Эмма все еще под влиянием мыслей об Адаме раздражительно сказала:

— Ешли жаль, тшо пушт ьшкажет шам!

— Все-таки она умеет разговаривать! — победно раздалась от дверей. Третий стоял в тени, подсматривая за тем, как Эмма пробует его кашу. — Ну ладно-ладно. Мне и правда жаль. Я не горжусь тем, как повел себя вечером. Можешь не смотреть на меня волком, братья успели по десять раз объяснить, как я неправ. Но и ты! Почему не желала говорить со мной, а?

Эмма вздрогнула, не зная, как ответить так, чтобы не выдать себя. Заметив ее волнение, Эрик обернулся к двери и повелительным жестом прогнал третьего.

— Снова за свое? Чего ты сестренку пугаешь? Дай ей подсобрать сил, потом набрасывайся с вопросами.

Эрик зачерпнул еще одну ложку, осторожно подул на кашу и поднес к опухшим губам Эммы. Его глаза лучились заботой и особым теплом, с которым смотрят на подобранного на улице котенка-замарашку.

Эмма с болью подумала о том, что этот человек без всяких сомнений бросил торговый лоток, подверг себя опасности перед властями, вошел в конфликт с братьями... Ради того, чтобы помочь незнакомой девушке без роду и племени. Взамен он не потребовал абсолютно ничего. Принял ее за собственную сестру...

Как она может обмануть его?

Эмма несмело схватила Эрика за рукав и шепотом сказала:

— Ты слишком добр ко мне. Я боюсь навлечь на вас беду.

Приподняв бровь, Эрик с улыбкой посмотрел на нее.

— Вот как?

Эмма наклонилась к самому уху горца и тихо-тихо шепотом рассказала сжато самую суть, как ее душу призвал заклинатель из другого мира, поселив в созданное им тело. Дойдя до момента, когда она оказалась на улице и ее ограбили, Эмма беззвучно заплакала и согнулась от боли в ребрах.

Эрик долго молчал, только ободряюще поглаживал ее по плечу. Когда Эмма затихла и подняла на него полный эмоций взгляд, он так же шепотом ответил:

— Если бы я услышал подобный рассказ от кого-нибудь другого, то подумал, что надо мной решили подшутить. Но, сестренка... Ты совершенно неземная. Я и сам подумал, что, наверное, тебя занесло из небесного города.

— Почему? — не удержалась Эмма.

Адам не раз, со вздохом глядя на Эмму, говорил, что она отличается от жителей Ра, но так и не признался, чем именно.

Эрик, подложил ладонь под щеку, закусил губу, разглядывая Эмму из-под ресниц. Она знала, что сейчас он вовсе не оценивает ее красоту, потому что она выглядит ужасно, но в глазах Эрика не было презрения, а читалось что-то мечтательное.

— Смотри сама, когда ты назвала меня ангелом, я будто наяву увидел одетого в погребальный саван мужчину с орлиными крыльями за спиной, окруженного белым светом. Очевидно, на тебе магия как минимум шестого ранга, позволяющая передавать на языке Ра любые образы. Есть и другие признаки, позволь пока умолчать о них.

На щеках Эрика выступил румянец, и он выглядел невозможно милым. Его смущение невероятным образом передалось Эмме, и она тоже отвернулась.

— Думаю, будет лучше, если мы сохраним твою историю в секрете от братьев. Не думай, я полностью доверяю им, но в случае проблем с градоначальником возьму всю вину на себя. — Эрик пожал плечами и тепло улыбнулся, будто говорил о сущей мелочи. — А ты просто говори, что ничего не помнишь. Они сами додумают, какие секреты заставили сестренку молчать, но никому из них правда в голову не придет.

Эмма выдохнула и вновь вцепилась в рукав Эрика.

— Шпашибо!

— Ну, хватит, сестренка, ты меня смущаешь! Я намного хуже, чем ты представляешь, поверь. Безответственный, ветреный, забывчивый простофиля, — признался он с широкой улыбкой. — К тому же совершенно безденежный. Помочь тебе — сущая мелочь, не бери близко к сердцу. Ничего ты мне не должна. Как только почувствуешь себя лучше, постараюсь найти местечко понадежней.

— Второй! — раздался громогласный зов из коридора.

Эрик сунул в руки Эммы миску с кашей, проворно вскочил на слишком длинные для обычного человека ноги и помахал ей на прощание.

— Иду! — крикнул он в ответ и, повернувшись к Эмме, сказал совсем другим теплым голосом: — Не скучай, сестренка. Чувствуй себя как дома.

— Где тебя черти носят?! — затряслись стены, и посыпалась сверху штукатурка.

Эрик надел серебряный кулон, спрятал его под халат и тут же превратился в непримечательного худого высокого парня. Только глаза остались теми же.

Прежде, чем Эмма успела задать вопрос, Эрик исчез в коридоре.

Сушная мелочь? Не бери близко к сердцу?

Эмма покачала головой и хмыкнула.

Она и правда мало знала об этом мире, но это не значило, что она не понимает простых вещей. Эрик взял на себя неподъемную обузу. Он спас ей жизнь, дал кров, сохранил достоинство. И еще — отнесся с уважением. Будь он могущественным политиком или заклинателем, как Адам, Эмма бы сомневалась в его мотивах, но Эрик был искренен... И очень добр... С тех пор, как Эмма очнулась на жертвенном камне, она ощущала себя инструментом в чужих руках. Ей никогда не расплатиться с Эриком, но это не значит, что она не попытается быть полезной, хоть самую малость.

Каша таяла во рту, оставляя вкус бульона и целебных трав.

Эмма опорожнила миску до последней капли, оказалось, что она зверски голодна. Пахло машинным маслом, ржавчиной и пылью. В домике было тихо, но эта тишина не пугала ее. Она была привычной.

Эмма сняла одеяло и простыню с тонкого матраса. На наволочке остались следы высохшей крови, видимо, из ран на лице. Она приготовила постель для стирки, благо таз остался в комнате и был на виду. Но сначала — устроить порядок в окружающем хаосе.

В этом ей не было равных. Многолетний опыт уборки в богатых домах даровал Эмме уникальное умение, не потревожив хрупкие безделушки, принести в любую комнату чистоту и уют. Руки умели сами протирать, чистить, складывать, пока мысли уносились далеко-далеко. Эмма привычно насвистывала легкую мелодию, бережно сортируя различные механизмы.

Она видела на своем веку разную электронику, но никогда не интересовалась принципом работы сотового или стиральной машины. Эмма не могла представить, что когда-нибудь будет кусать локти из-за отсутствия знаний. Разбросанные по комнате Эрика полусобранные машины поражали воображение сложностью, обилием шестеренок, различных лопастей и вентилях. Было бы замечательно поразить Эрика гениальной идеей, но, увы, для Эммы его изобретения выглядели совершенно чуждыми. Она даже не могла сказать, для чего они предназначались.

Адам упоминал, что горцы занимаются техникой, но тогда мысли Эммы были заняты другим, и она не расспросила подробнее об этом народе.

Во время уборки Эмма сняла бумажные жалюзи, чтобы проветрить помещение. Окно выходило на заросший травой внутренний дворик, львиную площадь которого занимал заставленный железяками сарай, а с другой стороны располагалась аккуратная грядка с ровными рядами овощей и зелени.

Закончив с уборкой, Эмма с удовлетворением окинула взглядом комнату, прижимая руку к ноющему боку. Дощатый светлый пол, аккуратная циновка в углу, ровный ряд инструментов, сложенных по порядку и с умом. Эмма разобрала брошенные в углу коробки. Из тех, что покрепче, построила этажерку, внутри выставила механизмы. Некоторые из них, освобожденные из горы хлама, принялись вертеться от света. В оставшиеся коробки поменьше Эмма сложила мелкие детали.

Осталось вылить грязную воду и закончить со стиркой. Эмма отодвинула заслонку и вышла в соседнюю комнату, где располагался обеденный стол. Тут же возле дальней стены

стояла жаровня, на которой кипел казан. Рядом с ней на низкой табуретке сидел третий брат, облокотив щеку на ладонь и помешивая варево. При виде Эммы он встал, подбоченился и спросил, помахивая поварешкой:

— Ну что, сестренка? — Обращение он выделил особым сладким голосом. — Подсобрала сил? Можно с поговорить с сестренкой или она побежит жаловаться второму?

Увидев таз с серой водой, который Эмма несла на вытянутых руках, так как грудная клетка еще очень болела, третий выругался под нос, подхватил его из рук Эммы и отставил в сторону.

— Смерти моей хочет сестренка, да? Если с твоей головы хоть волос упадет, первый меня на куски разорвет. Тебе же ясно сказали лежать и выздоравливать, что тут тяжелого? Нет, надо подставить несчастного третьего брата. Видимо, вчера ты недостаточно навредила ему.

Увидев комнату Эрика, третий пришел в ужас, и поток упреков полился широкой и полноводной рекой. Безмолвно выслушивая едкие замечания, Эмма позволила усадить себя за стол. Перед ней выставили чайник с маленькими чашечками и тарелку с красивыми печеньями в виде цветущих лилий.

Внезапно поток упреков прекратился. Третий, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на Эмму. Его нижняя губа чуть дрожала. Решив что-то для себя, горец резко отвернулся. Он выплеснул грязную воду в специальное углубление во дворе, затем сел обратно у жаровни и принялся молча помешивать похлебку на плите.

Синяя безрукавка открывала поникшие плечи, и вся его фигура представляла собой образец обиды.

Эмма думала, можно ли спросить его, где достать чистой воды для стирки, или отправиться искать самой? Возле домика заклинателя из бамбукового крана день и ночь, не иссякая, текла холодная ключевая вода. Там в ее распоряжении была купальня с теплым бассейном и душистым мылом. Сейчас она не смела ни о чем просить, но ей не терпелось смыть с себя кровь и грязь прошедшего дня.

— Так и не заговоришь со мной? — не оборачиваясь, не выдержал горец. — Чем я хуже второго?

Эмма устало потерла висок. Боль обнажила острые зубы и терзала бок. Ей и вправду не стоило вставать сегодня с постели, но она не могла сидеть, сложа руки. К тому же, осталось закончить стирку до возвращения Эрика.

Издав тихий стон, она встала на ноги, так и не попробовав угощение. Горец обернулся, и она захромала к нему, держась за ноющий бок.

— Прости, — тихо прошепелявила она. — Дшело не в третьем братше. Мне тшяшело говорить. Поэтому молчшу.

— Я... я... Не подумал. — Третий так сильно взмахнул руками, что чуть не опрокинул казан. — Прости, сестренка, я вновь виноват перед тобой. Да-да-да, конечно же, из-за раны ты говорила со вторым, а не с третьим. Второго никто стесняться не будет! Аийя... Прости третьего, этот брат слишком мнителен. Да и не может он рассчитывать на твое прощение, особенно после вчерашнего. Этот брат сильно виноват перед тобой.

Третий изящно опустился на пол, оправил подол рубахи и дотронулся лбом до пола. Волосы раскинулись вокруг коленапреклоненной фигуры золотым потоком.

Видеть рослого мужчину у своих ног оказалось слишком для Эммы. Она отступила и отвернулась, поймав себя на том, что боится третьего. Боится любого, кто физически сильнее и способен напасть.

Извинения третьего брата отдавали фальшью, но она решила делать вид, будто приняла покаяния за чистую монету.

— Пошалуйста, не нушно... — попросила она. — Вштань, вше хорошо, вше в прошлом. Третий брат мигом вскочил на ноги. Эмма с усилием подавила желание отшатнуться.

Ей было страшно оставаться с ним наедине, и она злилась на себя за этот страх.

На улице приветливо светило весеннее солнышко. Эмма выступила за дверь внутреннего дворика, подставила ноющее лицо теплым лучам. Слух уловил журчание текущей воды, и вправду, позади склада обнаружилась речка, а за ней, за дугообразным мостом, располагалась кузница.

Эмма осторожно протерла лицо, шипя от боли, затем наполнила бадью чистой холодной водой. Если опустить в нее совсем немного Хуа, то можно нагреть воду. Во время уборки она обнаружила мешочек с мыльными брусками для стирки. Еще вчера она отметила, несмотря на усталость и боль, что Эрик использовал один из них.

Третий брат обнаружил Эмму на заднем дворе за стиркой и принялся вновь увещевать ее вернуться в кровать. Наконец он не выдержал и отобрал постельное белье. Эмма, склонив голову и обняв колени, наблюдала за тем, как он энергично отбивает мокрую одежду шестом. Брусок хорошо пенится, и в воздухе поплыл запах свежести и жасмина.

Красивое лицо третьего брата застыло, когда он заметил кровь на белой ткани. Он бросил взгляд искоса на Эмму и принялся еще быстрее толочь шестом.

— Почшему? — спросила она, чтобы отвлечь третьего. — Почшему тшы ошталшы дома?

— Ах, это, — покачал головой Урман. — Неделю назад по дороге с базара меня остановил стражник и принялся придирается к качеству товара. Вместо того чтобы дать ему взятку, как подразумевалось, я принялся защищать свое творение.

Третий махнул шестом в сторону сарая, где тикали и помахивали маятниками выстроенные в ряд громоздкие часы.

— В итоге, — продолжил горец. — Стражник решил научить бесполезного горца уму-разуму. Урок я выучил. Тюрьма не лучшее местечко, но на мне все быстро заживает. Жаль, на базаре в ближайший месяц показываться нельзя, а братья не так хорошо расхваливают часы. А что, сестренка беспокоится обо мне? Третьему очень приятно. Для меня честь и удовольствие — ухаживать за сестренкой.

Эмма фыркнула. Третий удивленно поднял бровь, и она объяснилась:

— Фчера тшы тшак не шчитал.

— Так и не простила... — хмыкнул третий. — Сестренка, пойми, не в тебе дело. Эр уже пригрел однажды беднягу без роду без племени. Так же, как и тебя, подобрал где-то раненого и несчастного. А когда тот встал на ноги с помощью Эра, то поджег склад продовольствия. Зима выпала голодной, младший брат Эра погиб, а его самого изгнали.

Горец усмехнулся и принялся выжимать простыни. Перехватив полный потрясения взгляд Эммы, он добавил с кривой ухмылкой:

— Собственно, поэтому второй брат ради горстки раковин кланяется в ноги покупателям. Собирает деньги для передачи домой в возмещение ущерба. Знаешь, на него ведь были возложены большие надежды.

Обняв плечи, Эмма не могла не чувствовать горечь. Она не знала, смогла бы броситься наперерез стражникам ради незнакомки, после того как в прошлый раз спасенный отплатил черной неблагодарностью.

— Я думал, он опять привел беду, — продолжил третий. — Но ты ведь не сиротка из Ра, ты наша, горская. По манерам видно, что сестренка не росла тут в услужении, а привыкла быть свободной. Это третий братец в темноте обознался.

Знать бы, что за манеры выдают в ней чужачку!

Ей хотелось многое спросить, но усталость и боль брали свое. Не показывая слабости, Эмма помогла третьему развесить стирку. Перед глазами замелькали черные пятна, к горлу подкатилась тошнота. Эмма присела на циновке в комнате Эрика, прислонилась к стене. Урман принес наваристый суп с пельменями и зеленью. Готовил он замечательно, а также очень заботливо следил за тем, чтобы Эмма опорожнила миску.

Устав за день, она не заметила, как пригелась на голых бамбуковых рейках и заснула.

— Сестренка!

Проснулась Эмма от окрика Эрика, в восторге оглядывающего убранное помещение. Его уверенная, одетая в синее фигура с упертыми в бока руками осветила комнату. У Эммы потеплело на сердце, когда она смотрела, с каким благоговением он проверял каждый механизм, заботливо устроенный в коробке.

— Как красиво! — воскликнул он. — Аийа, сестренка, тебе нельзя было перетруждаться!

Эрик сел рядом с нею, обеспокоенно заглянул в глаза.

— Как же мне отплатить тебе? — спросил он. — Наверное, сестренка трудилась весь день по вине второго брата. У меня все руки не доходили привести в порядок хлам.

Эмма грустно усмехнулась, поманив рукой, подождала, пока Эрик наклонится, и прошептала ему на ухо:

— То есть спасение моей жизни ты считаешь не стоящей благодарности мелочью, а за уборку необходимо рассчитаться?

У Эрика порозовели щеки. Лицо горца было необычайно живым, на нем с легкостью читались эмоции. Сейчас он едва справился со смущением и достал что-то из-за пазухи.

— Я не забыл о сестренке и принес ей лечебную мазь из Оду, чтобы раны быстрее зажили.

На широкой ладони с длинными пальцами оказалась витая раковина, заполненная зеленой дурно пахнущей субстанцией.

— И еще я подумал вот о чем. — Эрик тоже приблизился к уху Эммы так, что у нее закололо в затылке. — Каждый горшочек с Хуа подписан и отмечен печатью, источающей потоки Ши на особой частоте. Скоро сюда нагрянет стража с обыском. От Хуа необходимо избавиться как можно скорее, но этот братец подумал, что если взять совсем немного, то пропажу не обнаружат. А сестренка сумеет позаботиться о себе и создать новые зубы.

Эмма резко вздохнула и схватилась за бок от резкой боли.

— Не знаю, получится ли у меня, — прошептала она. — Я никогда не пробовала создать ничего живого.

— Это не так сложно, — заверил ее Эрик. — Пусть сестренка возьмет немного Хуа в рот и представит, что зубы на месте. Вот и все.

Он пересек комнату и принес горшочек, на крышке которого Эмма недавно старательно выводила символы. Хуа переливалась прозрачным радужным студнем, словно призывая воспользоваться.

Зачерпнув кончиком пальца небольшую горошину, Эмма поднесла Хуа ко рту под одобрительным взглядом Эрика. На вкус та была как цветочный нектар и сразу растворилась приятной свежей сладостью. Эмма вспомнила, как трогала языком твердую гладкость зубов на месте, где сейчас была саднящая рана. Небо защипало, и тут же болящее место закрылось, как будто раны и не было.

— Сработало!

Эмма прикоснулась кончиками пальцев к саднящим распухшим губам. В глазах заблестели слезы облегчения.

— Спасибо, спасибо тебе! — вновь и вновь повторяла она, вцепившись в рукав Эрика.

— Братец ничего не сделал, — отмахивался горец. — Сестренка сама справилась, ее власть над Хуа достойна восхищения. Братец в восторге.

— Нет, нет, — протестовала она, наслаждаясь тем, что больше не шепелявит. — Это ангел подсказал мне, это все ты.

Эмма затихла на мгновение, а потом подняла на него блестящие от слез глаза и спросила:

— Откуда ты знаешь о том, как работать с Хуа?

— Почему бы мне не знать? — развел руками Эрик.

— Ты тоже заклинатель? — удивилась Эмма.

— И да, и нет. — Эрик покачал головой. — Сестренка так умело управляет потоками Ши, что братец совсем забыл о том, что некоторые истины для нее не очевидны. В горах Хуа не найти, но это не значит, что братец не чувствует слез земли.

— Что это значит? — переспросила Эмма.

— В пиках Баолян неспособные к магии давно погибли в жестокой войне с Ра. Мы отстояли родной край, но Ра перекрыл доступ к субстанции Хуа. Пришлось искать другой способ применения способностей. К счастью, мой народ всегда ценил искусство математики и инженерии, а потоки Ши помогают в построении механизмов. Сестрице не слишком скучно?

Эрик тепло улыбнулся, в его глазах играли блики от зажженной лампы. Длинные ресницы трепетали, на щеках проступил легкий румянец. Эмма невольно покраснела, уж слишком яркой была его красота.

На улице давно сгустился лиловый вечер. За открытыми ставнями ярко сияла луна, и в комнату проникала свежая прохлада. Эмма обнаружила, что кто-то укрыл ее одеялом во время сна.

Эрик словно очнулся, заправил светлую прядь за ухо и протянул руку.

— А теперь, сестренка, дай мне этот горшочек, и я подумаю, куда его подкинуть, чтобы следы не привели к нам.

Горец резко встал и чуть ли не бегом вышел вон. Эмма поймала себя на желании броситься за ним. Без его успокаивающего присутствия комната показалась слишком пустой.

Ее сердце заныло, против воли Эмма подумала о заклинателе и отчаянно затосковала по

уютным вечерам, которые они проводили в беседе. В каждом жесте Адама, в каждом взгляде сквозили забота и восхищение. Неужели все предназначалось его золовке?

Всю жизнь Эмма считала себя практичной, даже немного сухой. Ее устраивал маленький круг доверенных людей, состоящий из семьи и подруг. Она не мечтала о романтических отношениях, потому что трезво понимала, что не сможет уделить ни одному мужчине время, требующееся на учебу и работу. И все-таки неясные надежды нашли место в ее сердце. Например, Эмма, которая не уделяла внимание внешности и была не слишком красивой, мечтала о том, чтобы ее приняли именно такой, как есть. Чтобы будущий мужчина не стремился изменить ее.

Адам, сам того не зная, растоптал зеленый росток этой наивной надежды. Он отобрал привычную внешность серой мышки и превратил Эмму в идеальную красавицу. Его знаки внимания, признания в любви были адресованы златовласой прелестнице, а вовсе не самой Эмме.

Вот почему ей было так больно оказаться лицом к лицу с запертыми воротами.

И все же, глядя вслед ушедшему Эрику, Эмма повторяла про себя, как мантру, предназначенные для заклинателя слова:

«Я не дам тебе подорвать мою веру в людей. Ты не заставишь меня возвести стену между мной и миром. Я буду рисковать! Могу даже влюбиться в того, кто спас побитую уродливую девушку без тайного умысла».

По щекам потекли слезы. Душа ныла, тело болело, а будущее казалось беспросветным. Несмотря на браваду, Эмме тяжело смирялась с фактом, что больше не увидит родителей. Адам говорил, что пытается связаться с ними, но чего стоят его обещания...

Уйдя в собственные мысли, Эмма не заметила возвращения горца. Он нес в руках сверток и широко улыбался, но увидев настроение спасенной тут же нахмурился и присел рядом.

— Сильно болит, сестренка? — встревоженно спросил он.

Эмма утерла слезы и постаралась придать лицу менее унылое выражение.

— Что-ты, я очень быстро иду на поправку.

Ее выздоровление и вправду шло слишком стремительно. Хотя... Если подумать, тело создано из субстанции Хуа, вполне возможно, в него заложена ускоренная регенерация. Адам ведь не желал, чтобы товар созданный немалым трудом быстро испортился...

— Сестренке следует больше отдыхать и хорошо есть, чтобы скорее выздороветь. Кстати, о еде. Братья уже заждались тебя к трапезе. Смотрят на приготовленные Урманом блюда, а прикоснуться без сестренки не смеют. Ну же, скорее, померь купленное вторым братом платье вместо твоего, зеленого, — Эрик протянул к ней сверток и, хмыкнув, добавил. — Конечно, если сестренке нравится зеленый, то этот братец не будет протестовать.

Эмма расправила балахон насыщенного синего цвета, похожий на тот, что носили братья.

— Я скоро буду, — кивнула она, прижимая ткань к груди. — Спасибо!

— Нет, нет! — запротестовал Эрик. — Не стоит благодарности. Вот когда этот брат вышьет для сестренки охранный узор на рукавах, тогда и будет стоящий подарок. А сейчас, это просто так. Мелочь.

— Я хотела спросить, — Эмма потянулась вперед дотронуться до щеки горца.

Его лицо вновь стало незапоминающимся, а фигура казалась щуплой и худощавой.

— Спрашивай смелее, — улыбнулся горец.

— Твоя внешность... Это магия или нечто другое? Я не понимаю... — призналась Эмма.

— Ах, это.

Эрик завел руки за шею и снял тонкую цепочку, на которой покачивался серебряный кулон с темно багровым не огранённым камнем. Внутри блеснула процарапанная и залитая металлом схема.

— Всего лишь амулет, который я придумал, чтобы торговля шла лучше. Видишь ли, сестренка, мысли управляют потокам Ши, а заклинатели глядя в зеркало всегда подсознательно желают выглядеть лучше. Со временем ранг Лу красотой начал отличаться от ранга До. Знаешь, сестренка, — Эрик хмыкнул. — У некоторых заклинателей целые клубы поклонниц из простых девушек. Картинки с их изображением хорошо продаются. — Эрик растерянно покачал головой, покрутив в руках камень, затем широко улыбнулся и спросил: — Зачем бедным горцам, у которых нет ни богатства ни положения в обществе такое внимание? Поэтому я придумал простую схему по искажению потоков Ши. Получилось довольно удачно. Сейчас все горцы носят маковый амулет вне дома. На базаре

не выделяемся, люди подходят к прилавкам, не опасаясь. Покупают больше товаров и всем спокойно.

Эмма несмело протянула руку и дотронулась до теплого камня.

— А на меня? Он подействует?

Эрик задумался, а затем с энтузиазмом подтвердил.

— Отличная идея, сестренка! Правда сначала тебе нужно выздороветь как следует. Амулет может помешать исцелению. Я пойду, а ты присоединяйся как будешь готова.

Эмма торопливо надела балахон, завязала веревочки у ворота. В разбитом зеркале отражалось опухшее синеватое лицо, прямо в тон платья.

Решительным жестом, она отодвинула в сторону дверь и прошла по коридору на кухню. За круглым столом сидело четверо рослых светловолосых мужчин, дружно уставившихся на нее.

Первый, самый рослый, смотрел с жалостью, Эрик подбадривающе улыбался, третий с раздражением отвернул нос, высказывая недовольство промедлением с трапезой. Четвертый сидел, устало подперев щеку.

— Добрый вечер, — поздоровалась Эмма.

Она не знала, как следует приветствовать братьев. Не смотря на тепло, исходящее от Эрика, Эмма чувствовала себя очень неуверенно.

— Мы счастливы наконец лицезреть сестренку, — выдавил третий. —

Надеюсь она не будет судить слишком строго скудную трапезу. Блюда давно остыли.

— Хватит тебе! — зычно зарычал первый брат. — Не видишь, сестренка ранена? Чего набросился, сам же просил ждать ее!

Четвертый подавил ухмылку и локтем поддел первого под ребра.

— Старший брат, не выдавай третьего! Он решил поиграть в обиду, чтобы получить внимания сестренки.

Третий фыркнул и сложил руки на груди.

Эрик поманил Эмму и подвинулся на скамье, освобождая место.

— Не бери близко к сердцу, — прошептал он ей. — Перебранки — обязательная часть ужина.

— Знаю, — кивнула Эмма. — Не беспокойся обо мне, я не стеклянная. У нас дома тоже раньше отец подшучивал над матерью.

Раньше. До всего, что случилось. Многие кануло в небытие, шутки за обеденным столом в том числе.

Эмма взяла палочки и подцепила белоснежный пельмень с верхушкой, закрученной в виде цветка. Поднесла ко рту, укусила и с удивлением ощутила, как тот взорвался ароматным бульоном во рту.

— Очень вкусно! — восхитилась Эмма, поднимая глаза на третьего.

Только теперь она заметила, что третий сжимает до белых костяшек край табурета, предназначенного для нее. Третий хотел, чтобы она села рядом с ним, но Эмма потянулась к Эрику. Теперь они оба тесно прижимались друг к другу на узкой скамье.

— Было бы вкуснее горячим! — отрезал третий.

— А мне и так хорошо, — уминая за обе щеки пельмени, уверил Эрик.

Красивое лицо Урмана стало еще кислее.

Кроме пельменей на столе расположилось блюдо с жареной листовой капустой с чесноком, тарелка с рыбой, политой красным соусом и зеленым луком. Подле каждого брата стояла плошка с рассыпчатым рисом. Эмма потянулась за своей плошкой, которая ждала ее подле третьего брата, но тот ловко отодвинул ее в сторону.

— Тянешься за чужим, сестренка? — ухмыльнулся Урман.

— Не обращай внимания, — сказал Эрик. — Вот, ешь из моей.

— Спасибо, — поблагодарила его Эмма.

Своими палочками подобрала немного риса из плошки Эрика и поднесла ко рту. Вокруг стола воцарилось молчание. Все с удивлением смотрели на Эмму.

— На, держи! — сквозь зубы прорычал третий, силой толкая предназначенную для Эммы миску с рисом.

Она смиренно приняла ее и принялась безмолвно есть. Ей было неудобно объедать Эрика. Он и так много для нее сделал.

— Третий уймись, — насмешливо сказал четвертый брат. — Не видишь все уловки оборачиваются против тебя?

— Заткнись, — грубо огрызнулся третий. — Тебе плевать, но у меня есть шанс.

— Эй-эй третий, — прикрикнул первый, ударив кулаком по столу так, что тарелки звякнули. — Знай границы, не трогай четвертого.

— Слушаюсь, старший брат, — покорно опустил голову третий.

Все молча ели. Первый брат постоянно подкладывал четвертому брату самые нежные и вкусные кусочки, но тот почти не притронулся к еде. На белой коже четвертого брата проступали венки, а под синими глазами темнели круги.

Третий ел медленно, постоянно наблюдая за ее движениями. Не желая обидеть Урмана, Эмма решила попробовать рыбу. Соус и правда был островатый, зато белоснежное мясо очень свежим и сочным. Характер у третьего конечно, не сахар, но следует отдать должное способностям к кулинарии.

Надеясь разрядить обстановку, Эмма вновь попробовала похвалить повара.

— Урман, большое спасибо. Рыба великолепна.

— Если сестренке нравится, буду готовить почаще. Кстати, второй брат не способен даже рис сварить.

— Что правда, то правда, — миролюбиво согласился Эрик.

Зато Эмма почувствовала желание его защитить.

— Вот и хорошо! Я с радостью буду помогать на кухне.

— Не нужно! — запротестовал третий. — Мы не настолько опустились, чтобы заставлять сестренку работать. Эти братья вполне в силах прокормить ее.

— Я привыкла работать! Хочу быть полезной. Я очень... Очень благодарна вам всем. Я не достойна вашей доброты. Мне никогда не расплатиться с вами, но только скажите... Любое желание...

Эрик положил тяжелую ладонь на плечо Эммы прерывая ее излияния.

— Сестренка все еще больна, пусть сначала выздоровеет.

— Кстати, — всполошился третий. — Вижу сестренка обрела речь, как это произошло?

— Сестренка принесла с собой горшочек с Хуа, мы позаимствовали совсем немного,

чтобы исцелить рану во рту. Не беспокойся, третий брат, я позаботился о том, что горшочек обнаружат далеко от нас.

— Новые зубы... Но ты не умеешь управлять Хуа, никто из нас не умеет! — воскликнул третий брат. — Это значит... — удивленно замер третий...

— Мы все знаем, что это значит, — поджал губы четвертый брат. — Второму крупно повезло.

Все замолчали, и Эмма ощутила, как громко бьется сердце в груди.

— Вы не скажете мне? — наконец не выдержала она. — Что вы собираетесь сделать со мной?

Эрик укоризненно покачал головой в сторону четвертого.

— Зачем ты пугаешь сестренку?

Эмма вскочила и принялась пятиться в сторону двери.

Эрик тоже встал и посмотрел на Эмму глубоким взглядом.

— Братья не знают, что сестренке не повезло прежде быть окруженной лишенными чести людьми. Она слишком болезненно воспринимает ваши шутки. Будьте мягче, братья. Сестренка, пожалуйста, вернись. Никто из нас не причинит тебе вреда.

— Конечно! — пробасил первый. — Ты в безопасности с нами.

Четвертый, пошатнувшись, тоже встал.

— Прошу прощения, — с достоинством, без всякой насмешки сказал он.

— Почему второму брату повезло со мной? — не сдавалась Эмма.

Она больше не могла пропускать мимо ушей недоговорённости. Слишком высока их цена. Адам потратил немереное количество времени и сил ради создания Лунны. Теперь, когда Эрику и остальным известен ее секрет, что они будут делать с нею?

— Зачем я нужна вам? — испуганно повторила она.

Эрик сжал руки в кулаки, затем горестно выдохнул и покачал головой.

— На мне клеймо преступника, сестренка.

В жаровне потрескивали дрова, за окном вновь зашумел обильный весенний дождь. В комнате стало очень тихо. На щеках Эрика блеснули слезы. Эмма вспомнила о том, что после пожара на складе от голода погиб брат Эрика. Ей стало больно, что вопросом невольно растревожила старую рану.

— Я поклялся, что целью моей жизни будет искупление вины, — продолжил Эрик. — В нашей вере, спасение Лунны от смертельной опасности прощает любой грех. Поэтому, этот брат не желал благодарности. Слишком многим обязан сестренке. Ты спросила, что мне нужно? Будь здорова и счастлива, вот и все.

Остальные за спиной Эрика согласно кивали. Даже третий брат растерялся настолько, что перестал разыгрывать обиду и тревожно мял край скатерти.

— Простите меня, — наконец сказала Эмма.

Ей было стыдно за подозрения, но вместе с тем в душе разлилось целительное облегчение.

Она сделала шаг вперед, затем другой, и тут заметила, что Эрик не посторонился, чтобы освободить место рядом с ним на скамье. Он старательно отводил взгляд, а на его лице застыло уныние.

Третий брат обрадовался, протер табурет, приготовленный для Эммы ранее и вскочил ей на встречу.

Она помедлила на мгновение, затем потянула Эрика за рукав и села на то же место рядом с ним. Его бок грел Эмму через одежду.

— Сестренка мало ест, ей нужны силы.

— Сестренке понравилась рыба, оставьте ей жирный кусочек подле головы!

— Этот брат припас для нее засахаренные фрукты, купленные сегодня на базаре. Свежие!

Эмма осторожно улыбалась, чтобы не повредить губы. Чрезмерная забота братьев перестала настораживать. Впервые, с тех пор, как очнулась на алтаре, Эмма расслабилась.

Только Эрик был непривычно тих. Он медленно ел, погруженный в свои не слишком веселые мысли. Ровные брови сошлись на переносице. Жемчужные зубы рассеянно покусывали палочку.

— Кстати, — третий брат скрестил руки на груди. — Второму брату следовало бы освободить сестренке комнату. Он вполне может устроиться со мной на кухне. Комната первого и четвертого просторней, но они делят ее на двоих.

— Да-да, — рассеянно согласился Эрик.

— Нет, — категорично заявила Эмма.

Все-таки третий заметил кровавое пятно на простынях во время стирки и пришел к неверным выводам. Эмме было все равно, что думает третий, она знала, с кем из четырех братьев чувствует себя в безопасности.

— Урман, — спокойно сказала Эмма. — Я боюсь спать в одиночестве. Мне нужен Эр.

Одна мысль о том, чтобы остаться наедине с темнотой повергла ее в ужас.

— Не смею перечить сестренке, но ей следует думать не только о собственном удобстве, но и о традициях. Двое незамужних молодых людей не могут ночевать в одной комнате, не будучи женатыми.

— Кто против? — пожала плечами Эмма.

— Но... — начал третий брат, затем затих.

Тогда Эрик, тяжело вздохнув, все же заговорил:

— Третий брат, тебе прекрасно известно, что никто из нас никогда не женится. Пора смириться с этим. Пока сестренка гостит у нас, сделаем все возможное для ее комфорта.

— А потом? — Эмма схватила за предплечье Эрика. — Что со мной будет потом?

— Сестренка, только не смотри на меня с таким ужасом, мое сердце не выдерживает, — покачал головой Эрик, рассыпая по плечам золотые волосы. — Тебе лучше всего будет отправиться в горы Баолян. Там тебя будут холить и лелеять, сможешь обрести семью... Нет, нет, не надо пугаться. Ты свободна делать, что пожелаешь.

— Я хочу остаться с тобой, — заверила Эмма, сжимая его запястье. — Можно остаться с тобой?

Взгляд Эрика стал мягким, так смотрят на нежную бабочку, присевшую на палец.

— У этого брата нет ничего достойного сестренки. Право же, глупо цепляться за нас. Прозябание в нищете в вечном страхе перед властями... Я бы не хотел подобной судьбы для Эммы.

— Я стесняю вас? Мешаю?

— Нет-нет-нет! — дружно замахали братья. — Сестренка может остаться сколько захочет.

Эрик молчал, пока остальные бурно выражали гостеприимство.

— Оставайся, пока тут безопасно, — тихо сказал он ей на ухо.

Эмма опустила голову и плотнее прижалась ко второму брату. Рука под столом нашарила его широкую ладонь. Эрик замер, потом позволил пальцам переплестись. Только тогда Эмма ощутила в сердце волну теплоты и успокоилась.

Пока он рядом, можно дышать. Пусть Эрик говорит сколько угодно о ветрености и ненадежности, Эмма привыкла доверять поступкам. Она прекрасно знает, кто бросил, как ненужную вещь, а кто подобрал, побитую и беспомощную.

После ужина ей не дали убрать со стола или помочь в мойке посуды. Она внимательно наблюдала за братьями, чтобы в следующий раз знать, где хранятся плошки и откуда достается бадья для мыльной воды.

Третий брат не стал участвовать в уборке. После ужина лишь промокнул полотенцем губы, отряхнул руки и вышел на задний двор в дождь. Перед тем, как закрыть дверь, он бросил взгляд на Эмму, приглашая идти за ним. Она сделала вид, что не заметила.

Зато когда Эрик мягко сказал ей идти спать, а сам направился к заднему двору, Эмма попросилась с ним.

— Весенние вечера прохладны, к тому же идет дождь, сестренка промокнет. Вижу, вижу, сестренка не отступится. Айя, дай накину подбитый мехом плащ и захвачу зонт из промасленной бумаги.

Первый брат насыпал немного углей в горшочек, укутал в специальное одеяло, и с сердитым видом сунул в руки Эмме. Она уже разобралась, что близкие не боялись ни грозного вида светловолосого великана, ни громкого голоса. Они слушались его авторитет.

Уверившись, что Эмма тепло одета и обута, ей позволили сопровождать Эрика в ночь. Они побежали вдвоем по мокрой траве, тесно прижавшись под синим зонтом. Ленивые капли барабанили по бумаге, но Эмма нисколечко не промокла. За этим тщательно следил Эрик.

Под крышей сарая третий брат раскладывал руду в вытянутые тигли. Красным зевом полыхала печь, рядом раскрывался и закрывался мех, приводимый в движение хитрым колесом на стержне, уходящим в темноту.

— Сестренка пожаловала, — вытирая пот, протянул третий.

— Вот табуретка.

Эрик подхватил прислоненную к стене коробочку, которая раскрылась как лепестки цветка и превратилась в низкий стул. Протер белым полотенцем и протянул Эмме. Та долго вертела в руках диковинку, разглядывая красную древесину и плотно пригнанные друг к другу планки.

— Нравится? — спросил Эрик, почесывая затылок. — Меня дедушка научил. В его селении принято придумывать поделки из цельного куска дерева.

— Как? Тут же столько движущихся частей! Невероятно...

— Что ты сестренка, это так, грубая работа. Вот мой дедушка умел мастерить головоломки! Плотно пригнаны швы, залюбуешься. Я даже хранил сделанное им деревянное яблоко из девяти частей для будущего сына... Не знаю, что с ним стало.

— Известно что! Продано за бесценок, как и все остальное, — вмешался третий брат.

— Наверное, ты прав, — вздохнул Эр.

Эмма поморщилась, но промолчала. Ей расхотелось задавать дальнейшие вопросы. Вместо этого, она раскрыла табуретку и присела подальше от братьев, чтобы не мешать работе.

Эрик, бросил на нее взгляд, уверился что все в порядке и, подвязав золотые волосы в высокий хвост, принялся колоть дрова. Вскоре от работы и жара печи ему стало жарко. На высоком лбу блестели бисеринки пота. Красиво очерченные губы приоткрылись, широкая грудь тяжело вздымалась. Вытерев пот, Эрик снял с себя верхний халат, оставшись в белоснежном нижнем.

Сильные руки поднимали топор, стремительно опускали вниз и в стороны разлетались поленья. Третий работал рядом, примечательно, что ни одна деревяшка не помешала брату.

Тонкая ткань промокла от пота и стала прозрачной. Эмма втихаря наблюдала за сильным телом с литыми мышцами. Тут Урман повернулся так, что встал между ней и Эриком, тяжело дыша. Его халат тоже разошелся на груди, он весь покраснелся от жара печи и повел плечами так, что ткань сползла еще ниже, открывая ключицу.

Все братья были сказочно красивы, каждый по своему. Первый отличался статной фигурой, четвертый ледяной хрупкостью. Среди них Урману смело можно было присудить приз первого места за неотразимое лицо. Острый подбородок, коралловые губы, прямой как стрела нос и горячий взгляд из под ресниц, направленный на Эмму.

Она досадовала, что теперь не может наблюдать за Эриком. Ее ангел затмевал остальных, не столько красотой, сколько ощущением безопасности подле него. Эмме казалось, что пока он рядом, с ней не случится ничего плохого.

Поэтому она тихо ждала, пока они закончат работать, погруженная в свои мысли. Пока Эрик рядом образ объятого пламенем грабителя побледнел и отступил. У нее появилась возможность спокойно обдумать ситуацию и план действий.

В первую очередь необходимо понять и впитать как можно больше знаний об устройстве этого мира. Любой необдуманый поступок может привести к катастрофе, как в случае эмоционального побега из усадьбы заклинателя. Поэтому она будет молча наблюдать за жизнью братьев, пока...

Пока не найдет способ стать полезной.

В этом Эмма была абсолютно уверена. Она желал найти источник собственного дохода, отплатить спасителю за доброту. Только так можно успокоить совесть.

А затем...

Эмма вздохнула и прикрыла ладонями лицо. Ей очень хотелось отыскать Адама и заставить его передать весточку родителям. Сказать, чтобы не беспокоились о дочери. Эмма жива, здорова, любит, скучает. Сердце разрывалось от мысли, что в этот момент мама и папа оплакивают ее смерть. Всю жизнь она стремилась облегчить заботы, а не добавлять горя.

— Что такое, сестренка? — участливо склонился Эрик, чувствуя перемену настроения.

Эмма разогнала грустные мысли, улыбнулась уголком губ.

— Беспокоюсь о родителях, — честно призналась она.

— Понимаю, — серьезно ответил Эрик. — Расскажешь вечером? Этот брат разделит тревоги сестренки.

Эмма держала в руках чистое полотенце. Она не выдержала и протянула руку

промокнуть выступившие капли пота на лице Эрика. Жест получился домашним, очень интимным.

— Не хочу перекладывать свои проблемы на твои плечи, — с трудом отказалась от приглашения Эмма.

Ей очень хотелось поделиться с горцем, но его жизнь не была простой и легкой.

Эрик почесал затылок, поправил ворот халата и тихо сказал:

— Сестренка как-то предложила отблагодарить этого брата. Если моя просьба не слишком велика, я хотел бы, чтобы Эмма поделилась с братом своими заботами.

— Как же я могу отказать? — мягко спросила Эмма.

— Вижу и половина дров на завтра не готова, а Эр решил отдохнуть и поболтать с сестренкой. Может мне тоже оставить чугуна на потом? — вмешался едкий голос третьего брата.

Эрик смущенно отступил и вернулся к дровам. Вместо этого рядом с Эммой присел третий брат, показательно моргая от затекшего в глаза пота. Эмма протянула ему полотенце.

— Сестренка не поможет этому брату обсушиться? — обиженно спросил третий. — Или же ей была не по нраву трапеза?

— Третьему брату по нраву внимание полученное взамен на услуги, или же идущее от чистого сердца? — не выдержала Эмма.

Эрик тихонько засмеялся, замахиваясь топором. Урман с гневом обернулся на него, но второй брат только добродушно заметил:

— Сестренка остра на язык.

Тут послышался зычный голос первого брата.

— Соседи пришли!

Эмма вопросительно подняла взгляд на Эрика. Тот прикоснулся пальцем к губам и встал так, чтобы Эмму не было видно из дома.

— Пока лучше, чтобы никто не знал о том, что сестренка живет у нас.

Третий брат хмуро согласился.

— Никому доверять нельзя. Ахмар и Яран хорошие ребята, но им тоже нужно посылать деньги домой.

— Я могу стоять денег? — напряженным голосом решила уточнить Эмма.

— Равнинникам нужны Лунны, сестренка. За них не только платят, но могут и жизнь отнять. Неужели они позволят тебе вернуться домой? — прошептал третий. — Мы уже договорились, что скинемся и провезем обратно в горы, как только почувствуешь себя лучше.

Эмма промолчала, но решила делать вид, что слаба еще очень долго. Ей не хотелось, чтобы ее перебрасывали по чужому миру как перекасти-поле. Братья хорошие честные люди, а кто знает, что с ней будет в горах. По правде, она уже почти не чувствовала ушибов. Это тело и вправду было замечательным.

— Братья идем. Соседи хотят выпить! — опять крикнул первый брат.

Третий закончил работать с печью, снял перчатки и пошел обратно. Эрик крикнул, что ему еще нужно поработать и остался сидеть на корточках подле Эммы. Она подвинула ладонь так, чтобы мизинец соприкасался с ладонью второго брата. Они сидели в темноте, поглядывая на вылетающие из печи искры как снопы светлячков, наслаждаясь тишиной и близостью друг друга.

Эмма тихонько дрожала от тепла его разгоряченного тела, и не могла не задаться вопросом, чувствует ли мужчина подле нее похожее волнение в сердце? Наполнены ли для него эти мгновения тишины тайным смыслом или она подобна третьему брату, пытается

выпросить крохи чужих чувств?

— Сестренка беспокоится о том, что родители остались без опоры с ее мире?

— Как ты узнал? — удивленно подняла глаза Эмма.

— Всего лишь догадка. У нашего народа принято уважать старшее поколение и ухаживать за ними в старости. Мое сердце тоже болит из-за того, что я подвел родителей.

Эмма фраза за фразой рассказала об аварии матери, и о том, как болезнь перевернула с ног на голову ее жизнь. С Эриком было очень легко разговаривать, он понимал ее с полуслова. Они встретились совсем недавно, и Эмма не привыкла открывать сердце незнакомцам, но Эрик будто знал ее всю жизнь. Она говорила о том, что из ребенка в одночасье превратилась в единственную опору и надежду. О том, как мать звонила ей, советуясь о бытовых вопросах. В глазах Эрика отражалась боль. Слова легко срывались с губ, пока она не посвятила его во всю историю.

— Этот брат не способен посылать весточки в другие миры. Все, что я могу, это обещать твоим родителям позаботиться об их дочери.

— Ты уже помог тем, что выслушал меня...

— Коляска с колесами. Вот как придумали в твоем мире! Нужно и тут смастерить, вот старики обрадуются! Только рассчитать центр тяжести. — пробормотал он себе.

Они еще немного помолчали. Тишина была уютной, расслабленной, как свернуться с чашкой кофе под одеялом в морозный день.

— Сестренка не устала? — спросил Эрик. — Давай попробуем в комнату через окно. Верно, они уже пьяны и ничего не заметят.

— Ты закончил колоть дрова? Я помогу собрать их.

— Все уже сделано. Сестренка очень заботлива. В будущем ей стоит привыкнуть быть строже к окружающим.

Эмма прикрыла глаза и потерла висок. Тут она почувствовала, что ноги оторвались от земли. Эрик вновь поднял ее на руки, как в первый день их знакомства.

— Сестренка устала, я отнесу ее спать.

Эмма безропотно прислонила голову к груди горца. Ее не волновало, что халат чуть влажен от пота, наоборот, ей был по нраву запах мужчины. В этом-то и была загвоздка. Ей все в нем нравилось.

Он без труда помог Эмме пробраться через окно, затем сам беззвучно запрыгнул в комнату. Не смотря на то, что Эмма проспала весь день, глаза слипались от утомления. Видимо, для исцеления тела сон необходим.

Эмме не хотелось утруждать Эрика. Она уже поняла, что на любую просьбу получит согласие, но все же не удержалась и попросила:

— Можешь побыть со мной пожалуйста? Если ты занят, то всего лишь пока не засну.

Эрик опустил рядом на циновку и мягко улыбнулся.

— Сестренке не стоит беспокоиться. Я буду рядом, сколько она пожелает.

Как насчет всегда?

Перед сном Эмма опять вспомнила заклинателя и вздрогнула от смеси обиды и тоски. Все таки, с ее сердцем поиграли и небрежно отбросили в сторону. Как Эмма не уговаривала себя забыть, на грани яви и сна чувства обострялись и мучили. Широкая ладонь Эрика легла на затылок и легко погладила волосы.

— Ты ведь не бросишь меня? — смахивая выступившие слезы, спросила Эмма.

— Никогда, — просто сказал Эрик. — Пока сама не прогонишь.

Поддавшись порыву, Эмма села в кровати и потянулась к Эрику за объятиями. Он тут же напрягся и всем телом подался назад, не давая приблизиться.

Не смея настаивать, Эмма тут же убрала руки, опустила голову, чувствуя себя невероятно глупо. Ей казалось, что их желания совпадают, но на самом деле Эрик ясно дал понять, где проходит невидимая граница.

С ее стороны будет верхом неблагодарности требовать больше, чем он желает дать.

— Прости, — наконец искренне попросила она.

— Это ты прости меня, сестренка. На самом деле никто из нас не достоин быть твоим спутником.

За дверью слышались шумные голоса и звон стаканов. Дыхание Эрика было прерывистым, а ладонь продолжала легонько поглаживать волосы Эммы.

— Во мне нет ничего особенного, — призналась Эмма. — Если бы ты встретил меня в моем мире, то не удостоил бы второго взгляда. Ни красивое тело, ни магические способности не принадлежат мне по праву.

— Сестренка считает магические способности благословением? — усмехнулся Эрик. — На самом деле каждый заклинатель ранга Лу мечтает избавиться от этого проклятия. От судьбы не убежать, сестренка. Прими правду о том, кем ты являешься и отринь сожаления. Этот брат тоже мечтает изменить прошлое, но это невозможно. Так получилось, что сестренка управляет потоками Ши, а это значит, что очень скоро произойдет обратная реакция и магия начнет управлять желаниями сестренки. Когда это произойдет, я не хочу, чтобы добрые воспоминания о братце обернулись горечью сожаления. Только в горах Баолян сестренка найдет смелых и мудрых заклинателей, которые не только позаботятся о ней, но и сумеют зачать ребенка. Сосланные в Ра горцы, все поголовно мусор, недостойный внимания Эммы.

— Почему ты так говоришь о себе? — возмутилась Эмма. — И почему все разговоры сводятся к тому, что мне надо выйти замуж?

— Чем раньше сестренка осознает правду, тем лучше, — твердо ответил Эрик и убрал руку. — С тех пор, как Гуанхин искривил потоки Ши число заклинателей стремительно сокращается. Наша мощь и умение управлять Хуа возросли, но магия требует цену. Мы платим свободой воли. Ши пытается вновь обрести равновесие через продолжение рода. Вскоре все, о чем ты будешь думать станет поиск подходящих мужей. А мужья будут вести кровавую войну за твое внимание.

Эмму передернуло от отвращения и она побледнела. Вдруг ей вспомнилось, отложенное на самый край сознания воспоминание об увиденном в усадьбе золовки Адама. Наказанный мужчина, привязанный за руки к крюку а потолке. Опущенная голова, лицо занавешенное черными волосами, исполосанное до мяса окровавленное тело. Как же его звали? Йилань?

Эрик вновь заговорил, тихо и твердо.

— Первый брат не женился из-за взрывного характера и искривленной Ши. Я — преступник. Третий брат разведен, и никто не захотел вновь брать его замуж. Четвертый — неизлечимо болен. Продолжить? Наши соседи — Ахмар и Яран, связались с девушками ранга До и спустили Ши впустую. Повторюсь, Эмма, берегись и беги отсюда в горы как можно скорее. Твой заклинатель был прав, скрывая тебя в лесу. Если императрица доберется раньше...

Тут за дверью послышался звон битой посуды и звуки ссоры. Эрик вскочил с кровати и предупредил Эмму:

— Сестренке лучше не показываться.

Эмма кивнула, но поле того, как Эрик покинул комнату встала вплотную к полузакрытой ширме, незаметно наблюдая и прислушиваясь к голосам.

— Да как ты смеешь бесстыже входить в дом и похваляться краденным? — кричал третий брат.

— Урману следует успокоиться и побережь голос. Говорят, он услаждал слух жены игрой

на флейте и пением. Видимо, недостаточно старался.

Развалившись на стуле сидел светловолосый мужчина средних лет. В отличие от божественно прекрасных лиц братьев, его лицо избородили морщины, а на носу проступала болезненная краснота. Видно, что он более не обладал умением управлять потоками Ши. Зато одет он был богато, и даже носил отороченный мехом плащ не по погоде.

— Ты пожалеешь об этом, Яран! Все знают, кому принадлежит идея настольных часов, — рвался вперед третий брат, удерживаемый под локти первым.

Лицо Урмана покраснелось, светлые пряди выбились из хвоста и падали на лоб, придавая ему облик уличного хулигана.

— Пф-ф-ф, Урман повредился умом. Разве можно украсть то, чего нет? Продают товар, а не идею. Ну же, не кипятись, а отпразднуй со мной отличную сделку, — скрывая улыбку за чашкой вина, поддел сосед.

— Ты! — со слезами на глазах выкрикивал третий. — Сетовал на бедность, просиживал подле меня целыми днями, выведывать секреты.

— У меня есть жена и дети, которым я опора и поддержка, — парировал сосед. — Ты же, догоревший окурок свечи.

Третий вырвался, схватил соседа за меховой ворот, затряс как тряпичную куклу, приговаривая:

— Я засуну поганые слова глубоко в глотку, чтобы ты задохнулся собственной желчью, затем посажу в клетку голодных свиней!

Сосед покраснел, закашлялся, засучил руками и ногами. Эрик вырвался вперед схватил третьего за живот, оттащил назад, и через зубы спросил соседа:

— Зачем ты пришел, Яран?

Тот отряхнул помятую одежду, одернул меховой плащ, выпятил вперед намечающийся живот, и, задрвав подбородок, сказал:

— Этот гость пришел поблагодарить Урмана за труды и принес небольшой подарок в знак благодарности. Меня встретили недостойно.

— Оставь подарок и уходи, — тихо приказал четвертый брат.

Первый брат грозной фигурой навис над гостем, тот по сравнению показался щуплым нездоровым карликом и принялся бочком семенить в сторону выхода.

— Не смейте брать его грязные подачки! — надрывался третий, но Эрик крепко держал его.

Другой сосед, доселе державшийся в тени, подхватил Ярана под локти и тоже поспешил к выходу.

Третий брат весь поник, прижал ладони к лицу и затрясся в беззвучных рыданиях. Не в силах наблюдать со стороны, Эмма подождала пока дверь закроется за гостями, затем подошла к нему и присела напротив.

— Что произошло, Урман?

Видеть взрослого мужчину, чьи плечи содрогаются, а по щекам текут слезы воистину нелегкое зрелище. Услышав голос Эммы, Урман вздрогнул, весь сторбился, пряча лицо.

— Сестренка, — шепотом сказал он. — Я и правда ни на что не годен.

Четвертый брат встал рядом в Урманом, утешающе похлопал того по плечу и устало потер висок на бледном лице.

— Если сестренке угодно знать, третий брат придумал улучшенный вариант напольных часов. Проблема в том, что создание каждого произведения требует немалых трудов и дорогих деталей. Яран тайком скопировал работу третьего брата и продал с большой прибылью. Человек чести так не поступит.

Эмма сомневалась, стоит ли ей влезать в дело, совершенно ее не касающееся. К тому же в комнате собрались четверо мужчин, каждый мастер своего дела. С какой стати слушать ее предложения? С другой стороны, она многим им обязана и должна хотя бы попытаться вернуть долг.

— Я немного осведомлена, о системе торговли. У меня есть несколько идей, как можно заставить Ярана пожалеть о краже, но не уверена, сработают ли они, — осторожно сказала она.

Эрик повернулся к ней, на его устах промелькнула легкая улыбка, как солнечный зайчик.

— Если сестренка желает поделиться своими наблюдениями эти братья рады выслушать.

— Я совсем недавно с вами, наверное во многом не разбираюсь. Поправьте меня, если я ошибаюсь, — нерешительно начала Эмма. — Вы вывозите лотки на базарную площадь, где ваши покупатели в основном люди ранга До. Они не богаты и неприхотливы. Они никогда не смогут позволить себе напольные часы. Если третий брат желает обойти соседа, ему следует сначала понять, кто возжелает подобный предмет роскоши, затем разобраться какие у него привычки. Лучший вариант это иметь собственный роскошный магазин, где продаются не только часы, но и другие диковинки, произведения искусства или даже украшения. Все наилучшего качества, с собственным клеймом. Тогда цену не нужно будет сбивать, а наоборот увеличить, чтобы обладание часами стало неким знаком отличия, который выставляют напоказ. Если Яран украл механизм, то можно придумать другое отличие — возможность повесить часы на стену. Тогда мастерски выполненные часы будут привлекать взгляд, станут предметом разговора, и количество покупателей увеличится... Я что-то не то сказала?

Урман неотрывно смотрел на нее с открытым ртом и широко распахнутыми глазами. Первый брат переводил взгляд с нее на четвертого, который задумчиво потирал подбородок. Эрик скрестил руки на груди и задрал подбородок, полуприкрыв глаза, словно что-то подсчитывал.

— Продолжай, пожалуйста, сестренка, — подбодрил ее четвертый брат. — Третий, не зевай на облака, доставай бумагу и записывай, все что она говорит.

Третий послушно вытянул рулон бумаги из склада всякой рухляди в углу. Схватил угольный карандаш, для которого не требовалось растирать чернил. Расстелив бумагу, он посмотрел на Эмму как на пророка, вещающего заповеди.

— Сестренка не знает, — мягко сказал Эрик. — Горцам запрещается держать магазины.

— В таких случаях находят надежное лицо из местных, оформляется все на него, а прибыль делится, — легко нашла решение Эмма. — О том, откуда берутся товары лучше молчать, или придумать красивую легенду о мастере затворнике. Но это пока только разговоры, на все это требуются средства, которых я понимаю у вас нет.

Третий брат усердно строчил что-то на бумаге.

— У сестренки есть идеи как заработать деньги? — с затаенной улыбкой спросил Эрик, искоса рассматривая ее.

— Если ваши покупатели не слишком богаты, не стоит ими пренебрегать. Наоборот, большинство семей живут экономно. Если продать большое количество предметов обихода, то и прибыль будет соответствующая. Я не слишком разбираюсь в том, что люди ищут на базаре, но можно придумать, как облегчить им жизнь. Например, я заметила, что третий брат во время приготовления еды, неотрывно сидит перед жаровней. Можно придумать специальный клапан у чайника, который издает свист, когда вода закипает. Он совсем маленький и недорогой в производстве, но если понравится людям, то завистникам придется сильно постараться, чтобы обойти нас в обороте.

— Нарисуй-ка этот клапан, сестренка, — попросил четвертый брат, массируя виски.

Эмма подозревала о том, что его постоянно мучают головные боли, но он никогда не жаловался.

Третий подвинул к ней бумагу и передал карандаш. Урман открыл рот, собираясь что-то спросить, но тут же получил тычок под ребра от четвертого.

— Только посмей спросить, откуда он все это знает! Я тебе уши откручу! — зарычал первый брат, отлично поняв намерения третьего.

Эмма нарисовала чайник и откидной язычок с маленькой дыркой. Потом увлеклась, и нарисовала мандолину для резки овощей. Ее же совсем легко отштамповать, расход металла минимальный. Только опасно для пальцев, нужно продавать в комплекте с кожаной перчаткой с железными вставками и предупредить, чтобы держали вдали от детей. Потом Эмма вспомнила давилку для чеснока, соковыжималку и прочие полезные предметы обихода. Не забыла и о ножницах.

Братья возбужденно спрашивали вопросы, подавали свои идеи, обсуждали, что будет пользоваться наибольшим спросом.

— Этой мандолиной будет удобно нарезать мясо! — воскликнул третий.

— Выйдет дешевле, если корпус сделать из дерева и только лезвие оставить

металлическим, — предложил четвертый и все согласно закивали.

— Я бы советовала в ближайшие дни отправлять на базар самого талантливого в продажах, а остальные могут наладить производство, — увлеченно продолжила Эмма. — Будет намного быстрее, если организовать конвейер... Как бы это объяснить — один отливают металл, другой соединяет детали, третий обрабатывает дерево.

Опять все замолчали и усталились на Эмму, а той пришлось объяснять принцип организации работы. Третий брат все писал и писал, в то время, как четвертый заглядывал под руку и вносил исправления.

Эмма вспомнила, что неточно выразилась по поводу покупателей ранга До:

— На самом деле и небогатые люди могут купить дорогие вещи, например — жаровню. Я только сейчас заметила, что наша печь никогда не коптит и греет очень ровно. Не знаю, придумка ли это горцев или у всех так. Если ваше изобретение лучше, то можно продать в рассрочку на год или два. Сумма в месяц выйдет скромная, зато цену можно увеличить так, чтобы расходы на материалы и работу покроются за несколько месяцев, а потом пойдет чистая прибыль. Правда, не знаю, какие у вас законы по поводу займа под проценты... Я опять что-то не то сказала?

Третий брат раскачивался на стуле, за что и поплатился, растянувшись на полу под страшный грохот. Первый принялся вызволять Урмана, тихонько под нос понося его дурной характер и дальних родственников. Четвертый закусил губу, сдерживая смех.

Эрик подошел к ней и осторожно обнял, опасаясь причинить боль.

— Ты неосторожна, — прошептал он ей на ухо, так, что теплое дыхание коснулось шеи. — Они догадались, что ты родом не из этого мира. Если пожелаешь, я укрою тебя в другом месте.

— Можно ли им доверять? — спросила Эмма, пытаясь справиться с волной румянца.

— Твою жизнь я бы не доверил никому, — Эрик легонько сжал талию Эммы и отстранился.

Третий брат лежал на полу, прижимал к груди угольный карандаш и твердил, как обкуранный:

— Хочу мои часы на стене... И все говорят о них... Кто же мастер? Загадочный гений, нигде не достать... Только в одном магазине. Хочу... Чтобы вышло она сказала... Как сказала небожительница...

— Проценты, — подсчитывал тихонько четвертый, мечтательно глядя в окно. — Десять слишком много, три маловато. Семь — красивая цифра, да и жители Яншо считают с трудом, а на семь умножать и делить не так легко.

Первый брат тоже обдумывал услышанное:

— Один штампует, передает второму, тот точит, затем покраска. Вот и все, даже палочка для благовоний догореть не успеет. Хитро придумано.

Они еще долго сидели на кухне и обсуждали подданные Эммой идеи, но Эрик настоял на том, что сестренке необходим сон. Братья согласно закивали и послушно перешли на шепот.

Эмма лежала в темной комнате на мягком пуховике, сплетя пальцы с Эриком. В первый раз, с тех пор, как оказалась в новом мире, она чувствовала себя на своем месте, а не щепкой в бурном водовороте событий. Если бы еще знать, что в будущем Эрик будет рядом, то и дышать станет легче. Она слушала его тихое дыхание и вдруг отчетливо поняла, что безумно влюбилась.

Это было очень глупо и неуместно. Особенно потому, что Эрик ясно дал понять, где проходит между ними отчетливая черта. Эмма не собиралась навязываться со своими чувствами, это было бы с ее стороны чистой неблагодарностью.

Невольно, вспомнился заклинатель и то, как в первые дни ее тянуло к нему. То чувство все еще осталось в сердце. Она часто вспоминала Адама, но теперь отчетливо разделяла притяжение, которое создавала магия этого мира по сравнению с собственными чувствами. Главным мотивом в магически наведенной симфонии проступало вожделение. В заклинателе все воспламеняло кровь — движение, каким он заправлял прядь волос, длинные пальцы пощипывающие струны суньми, горячий взгляд искоса. Противиться страсти стало для Эммы вызовом и занятой игрой. А что останется в сухом остатке, если убрать странное притяжение? Их с Адамом даже друзьями назвать нельзя. Два незнакомца, связанные заклинанием.

На следующий во время завтрака первый брат, Дагеран, с благоговением раскинул перед ней чертеж овощерезки, словно ожидая благословения небожительницы. Эмма наклонилась над свитком, скрывая улыбку в ладони, затем быстро набросала расчеты по расходам на материалы и работу, и предложила цену, оставляющую в кармане пятьдесят процентов прибыли. Эрик заинтересовался методами вычисления, но только Эмма увлеченно начала объяснять самые простые формулы, как второго брата принялись торопить отправиться на базар с тележкой товара.

— Смотри, не зевай там! — прогудел первый брат, Дагеран. — Узнаю, что ты опять тратишь денег на попрошайек, надеру зад... Хм-хм, прости меня, небожительница, — смешался гигант.

— Я обычный человек, — тихо проговорила Эмма. Пусть подобное объяснения странного поведения Эммы весьма удобно, ей не хотелось вводить братьев в заблуждение.

Четвертый брат, Бастинар, поднял на нее внимательный взгляд, потер впалую скулу и задумчиво сказал.

— Я слышал, что на юге, в Оду, обмениваются телами. Заключают священный союз, после которого через особый сосуд душа перетекает из старого тела в новое. Многие пытались повторить проводимый на юге ритуал, но Оду хранит свои секреты. Думаю, престарелые Лунны отдали бы все на свете ради юности, ведь магия не способна одарить вечной жизнью. Я уверен, в Ра до сих пор проводят опыты по переселению душ в секрете от всех нас.

Эмма побледнела и закусила губу. Ее руки задрожали, ведь догадка четвертого недалека от правды. А потом ей стало еще хуже от того, что она вдруг вспомнила некоторые детали, на которые поначалу не обратила внимания. Во-первых ее белокурый двойник сказала, что Адам проводил исследования по приказу императрицы. Во-вторых, ее тело было идентичным важной даме из окружения заклинателя. Планировал ли он проверить, выживет ли дух золовки в новом теле?

Адам всего лишь ставил опыты на созданном из хуа теле. Эмма всего лишь расходный материал. Побочный эффект...

Эрик тихо прикоснулся к холодной как лед руке Эммы.

— Четвертый брат обладает слишком живым воображением, — твердо сказал горец. — Лучше не повторять подобные слухи, они расстраивают сестренку.

— Сестренке нечего бояться, — спокойно ответил Бастинар, глядя ледяными голубыми глазами. — Горцы славятся отличной памятью и ни одно из преступлений заклинателей Ра не останется без возмездия.

— Да ладно тебе, четвертый брат, — перебил его Урман. — Наши семьи голодают, а мы словно собаки подбираем объедки и страшимся сапогов хозяев.

Теплые пальцы Эрика сжали ладонь Эммы и она подняла на него расстроенное лицо.

— Я поздно вернусь сегодня, сестренка. Не давай им слишком беспокоить себя. Отдохни как следует.

Эмма послушно кивнула, поглощенная нахлынувшим переживанием. Только когда дверь за Эриком захлопнулась, первый и четвертый братья отправились в сторону кузни, а третий остался убирать тарелки, она встрепенулась.

— Поздно? Почему? — растерянно спросила Эмма.

— Пф-ф-ф, — протянул с насмешкой Урман, уперев руку в бок и помахивая тряпкой. — Известно почему — опять застрянет в борделе на пол ночи. Из-за сестренки столько времени туда не заходил!

Эмма ничего не ответила. Иногда ей казалось, что третий брат делает все возможное, чтобы поссорить ее с Эриком. Лучше просто проигнорировать его.

Она отправилась на задний двор и все утро провела с Дагераном и Бастинаром, налаживая производство овощерезки. Однако, ее все гложит беспокойство по поводу второго брата. На сей раз Эмма не хотела обманываться, поэтому она решила хорошенько обдумать, брошенную вторым братом фразу и понять причину беспокойства.

С чего бы Эрику отправиться в бордель? А еще, по словам Урмана, не в первый раз?

Ее впечатление от Эрика совершенно не сочеталось с частым посетителем квартала красных фонарей, но если вспомнить их первую встречу...

Тогда Эрик и вправду завел ее в бордель, к тому же он был хорошо знаком с обитательницами заведения. Они даже защитили его от стражников!

Не в силах справиться с волнением, Эмма поспешила обратно на кухню к Урману. Тот заканчивал домашние дела и собирался присоединиться к братьям за работой. На жаровне медленно томилось жаркое, распространяющее манящий аромат. От царящего недавно беспорядка не осталось и следа, видимо третий брат стремился произвести впечатление на Эмму своей хозяйственностью. Урман подвязал длинные светлые волосы в узел на голове и как раз протирает верхние полки, стоя на табурете, когда Эмма влетела встревоженным вихрем.

— Скажи, ты можешь провести меня в бордель, или это слишком опасно?

Урман обернулся, кокетливо прикусил нижнюю губу и посмотрел на нее из под опущенных ресниц.

— Если бы сестренка отправилась одна, то могла бы подвергнуться опасности, но если этот брат будет рядом, ей не о чем беспокоиться!

Чуть припухшие от укуса губы Урмана приоткрылись, он поднял руку и вытянул шпильку, так, что волосы волной окутали широкие плечи. Третий брат был очень красив и сознательно старался показать себя с лучшей стороны, но Эмма оставалась холодной.

— Этот брат сделает все, что пожелает сестренка, — тихо проговорил Урман.

— Тогда отведи меня к нему, — попросила она.

Урман невесело хмыкнул, спрыгнул вниз и направился к одному из шкафчиков. Достал пару сосудов, откупорил и понюхал, затем кивнул и показал Эмме следовать за собой.

— Этот брат рад любому предлогу провести время с сестренкой, даже, если она всего лишь хочет увидеть другого.

Эмма закатила глаза за спиной третьего, и покорно проследовала за Урманом. В флаконах хранилась черная краска для волос. Урман усадил ее на стул и принялся наносить густую пасту на голову Эммы, не забывая то и дело наклоняться так, чтобы теплое дыхание коснулось обнаженной шеи, или пробежаться длинными пальцами по чувствительным точкам на ушах. Эмма покорно терпела. Потом третий брат ушел принес кисточки и горшочки с краской и навел на лицо искусный макияж. Посмотрев в зеркало, Эмма с трудом узнала себя в девушке с раскосыми глазами и глянцевыми черными волосами.

Заключительным штрихом стал придуманный Эриком амулет, который превращал внешность заклинателей в ничем не примечательную, позволяя не выделяться из толпы.

— Вечером на базаре весело. Может, сестренка желает отправиться с этим братом посмотреть на уличных танцоров или отведать сладости? — мягким голосом спросил Урман.

Эмма только покачала головой и побежала на задний двор показаться первому и четвертому братьям. Она не была уверена, правильно ли отправиться за Эриком в бордель, ведь в прошлый раз импульсивный поступок привел к катастрофе. С другой стороны увиденное тогда избавило Эмму от иллюзий. К тому же она не может вечно скрываться в доме братьев, ей стоит хоть немного познакомиться со внешним миром.

Бастинар и Дагеран не пришли в восторг от идеи отправиться на базар но и не стали препятствовать.

— Сестренка не пленница, а Урман не дурак, — только и сказал Дагеран.

Первый брат подошел к Урману, положил тяжелую ладонь тому на плечо и долго смотрел в глаза.

— Понял, все понял! — заныл третий. — Буду смотреть за ней, как за собственным сердцем.

Пока они готовились к выходу, солнце уже клонилось к закату. У стены сарая аккуратно высились стопки овощерезок. Эмма наклонилась и проверила каждую из них, оставшись очень довольной.

— Пятьдесят пять шпук за сегодня, — с гордостью сказал Дагеран. — Перекусим и продолжим работать.

— Это только начало, — тихо заметил Бастинар. — Сестренка будет гордиться нами.

Перед выходом Урман проверил ее платье, подал накидку с капюшоном, объяснив, что замужние женщины ранга До стараются не привлекать к себе внимания на улице, одеваясь неброско и укрывая лицо капюшоном или шляпой. Молодым незамужним девушкам позволено носить замысловатые прически, украшать их заколками и шпильками в подражание Луннам. После свадьбы же, свобода довольно ограничивалась. Сам он ухватил объемный сверток в руках.

— Горцы часто помогают донести покупки домой. Я буду идти немного позади и подсказывать куда повернуть. Не беспокойся, мы не будем выделяться из толпы. Амулет кроме изменения внешности скрывает потоки ши. Видишь, сестренка, как надежно быть под покровительством этого брата? Поверь, я весьма полезен и покорен.

Эмма старалась ровно дышать, чтобы успокоить гулко бьющееся сердце. Ей было страшно и она злилась на себя за страх.

На улице царили сумерки. Подле ларьков и магазинчиков в бумажных фонариках горели теплые огни. Зеваки медленно прогуливались, держа в руках палочки с засахаренными фруктами. Нагруженные работяги направлялись домой, не поднимая взгляда от серых бцлыжников. Урман тихим голосом говорил Эмме куда поворачивать, и она шла, чуть опустив голову, чтобы не слишком привлекать к себе внимание. Вскоре кварталы поменялись на более зажиточные и по улицам можно было увидеть потоки нарядно одетых дам, спешащих в одном направлении. Тут все освещалось ровным светом красных фонарей, в которых горели лампочки, похожие на электрические. Двери богатых домов были выкрашены в красный цвет, а с двух сторон их охраняли каменные статуи.

Эмму толкнула в плечо нарядная девушка, в спешке семенящая в узком платье на высоких платформах туфель.

— Мы опаздываем? — спросила она свою подругу, успевшую уйти вперед. — Еще не началось?

Эмма пригнулась к земле и отошла в сторону. Урман встал у нее за спиной и беспокойно прошептал:

— Не ушиблась, сестренка? Все в порядке?

— Куда идут эти девушки? — шепотом поинтересовалась Эмма.

— Уж точно не туда, куда мы направляемся, — усмехнулся Урман.

Эмма медленно втянула воздух через зубы, подавляя раздражение. Третий брат подозрительно быстро согласился проводить ее к Эрику. Скорей всего, он надеется, что Эмма увидит нечто, что отвратит ее от привязанности к Эрику. Третий брат и не скрывает, что стремится навязаться ей в спутники.

Эмму пронзило отчаянное желание оказаться в своем старом теле в родном мире. Ее прошлая жизнь не была легкой. Последний год она провела в чужой стране совершенно одна, стараясь везде успеть и заработать немного денег. Но тогда, ее хотя бы не преследовало липкое мужское внимание. Эмма была невидимой серой мышкой, немного полной, неухоженной, не умеющей одеваться. Среди математиков девочек было немного и она иногда ловила на себе заинтересованные взгляды студентов, но никто никогда не приглашал ее на свидание. Либо они были слишком закомплексованы, либо сама Эмма недостаточно красивой... В любом случае, за ней никогда не ухаживали с настойчивостью третьего брата. Урман казался Эмме насквозь фальшивым.

Наконец впереди показалось выкрашенное в алый двухэтажное здание с изогнутой крышей, крытой позолоченной черепицей. Ярко освещенное гирляндой алых фонариков и мерцанием окон, оно выглядело словно нарядная елка. У входа посетителей зазывали ярко одетые девушки с выбеленными лицами, изящно размахивая длинными рукавами. Внутри просматривался дворик украшенный цветами, высоко в небо бьющий фонтан. Раздавались звуки музыки и веселья.

— Мы войдем через задний вход, — тихо предупредил Урман, незаметно потянув Эмму за платье.

Они обошли высокий забор туда, где у неприметной двери жевал травинку рослый увалень. Окинув Эмму и Урмана оценивающим взглядом, тот кивнул им проходить.

В темном помещении приторно пахло благовониями и прогорклым маслом с кухни. В углу были свалены ящики с репой, луком, и тыквами. С левой стороны просматривался внутренний дворик, где толстый повар то и дело вытирая потный лоб жарил поросенка на открытом огне. Справа, внутрь уходил коридор, занавешенный нитями бордовых бус. Оттуда послышался голос Эрика, и Эмма невольно поддалась вперед, чтобы лучше слышать.

— Твои девочки сегодня меня совершенно вымотали, Ди.

Это определенно был голос Эрика, хотя из-за темноты Эмма не могла рассмотреть, что твориться в соседней комнате.

— Хм-м-м, значит ли это, что у тебя совсем не осталось сил для меня? — послышался кокетливый женский голос в ответ.

Тут Эмма застыла на месте, напрасно вглядываясь между бусинами, в надежде рассмотреть силуэт говорившей.

— Ну что ты, как я могу забыть о тебе, Ди! Говори, скорее, чего желаешь?

— Ты мне еще должен денег за прошлый раз! — обиженно ответил голос.

— Я же тут, не правда ли? Никуда от тебя не денусь, еще сочтемся.

— Тогда сделай поскорее свое дело. Ну же, Эр, у меня еще полно клиентов на сегодня!

Вскоре послышались равномерные толчки, скрежет дерева по полу и тяжелое дыхание горца. Эмму затошнило, во рту появился кислый привкус. Она знала, что нельзя судить порядки другого мира по меркам морали своего, но ничего не могла с собой поделать. Ей

были противны посетители подобных мест. Эмма отправилась сюда, чтобы убедиться своими глазами. Она выстроила для Эрика слишком высокий пьедестал, никто не может на нем удержаться вечно. Отступив на пару шагов, Эмма отвернулась и направилась к выходу.

— Эй, куда же ты, сестренка? — перехватил ее руку Урман. — Мы еще не повидали второго брата.

Из соседней комнаты послышался удивленный женский голос:

— Кто тут?

Рука с золотыми чехлами для ногтей раздвинула бусы. В комнату вошла девушка, одетая в полупрозрачный красный халат, под которым просвечивали тонкие цепочки, обвивающие талию и две полосы, закрывающие грудь и бедра. На беленом лице девушки между глазами был нарисован розовый лотос, а губы накрашены в форме аккуратного сердечка. Пышная грудь вздымалась от быстрого дыхания.

— Эр, твой третий брат наконец пожаловал, — недовольно сказала Ди, скрестив руки на груди. — С ним какая-то девушка, зеленая от страха. Урман, ты вообще умеешь обращаться с женщинами, или они все бегут от тебя, как бывшая жена?

— Ты! — весь покраснел Урман, заслоняя Эмму. — Держи свой рот на замке!

— Кто с ним? — послышался из-за завеса удивленный голос Эрика.

Горец вышел, вытирая испарину со лба, одетый лишь в штаны, с оголенным торсом покрытым капельками пота. Влажные светлые волосы аккуратно закреплены в пучок на макушке, совсем не похоже на обычную чуть расхристанную прическу. Видно, что руки другой женщины касались его волос. Касались его везде. Кислый привкус во рту Эммы усилился и она сделала еще пару шагов к выходу.

— Сестренка! — остановил ее оклик Эрика. — Он что, вправду опять обидел тебя? Что тебя расстроило?

Эмма хотела открыть рот и соврать, что все в порядке, но к своему стыду осознала, что если скажет хоть слово, то позорно расплачется.

— Сестренка? — поднеся острый ноготь элегантно к губам, задумчиво переспросила Ди и хлопнула ресницами. — Не она ли тот побитый цыпленок, которого ты привел сюда на прошлой неделе? Девочки неплохо обучили Урмана наносить макияж, я ее не узнала.

— Что ты тут делаешь? — продолжил расспрос Эрик.

Эмма застыла на месте, не зная бежать ли ей сломя голову, или получится взять себя в руки и вести, будто ничего не произошло.

— Разве ты не видишь? — насмешливо ответила Ди, уперев руку в покатые бедра. — Девочка ревнует тебя, Эр. Не переживай, милая, ты далеко не единственная. Он черств со всеми.

— Ди, не надо так шутить, — укоризненно покачал головой Эрик. — Сестренка расстроена, пойдем, я напою тебя чаем. Не говори ничего, если ты не готова.

Эмма почему-то дала Эрику потянуть себя в соседнюю комнату, за завесу бордовых бусин. Тут стоял длинный стол, за которым свободно могли рассесться пятнадцать персон. Вокруг на полу были раскиданы стулья в полнейшем хаосе, будто тут только что была драка. Или нечто иное....

В горле встал ком, Эмма спрятала за спину дрожащие руки. Ничего особенного не произошло. В конце концов, в отличие от Адама, этот мужчина ей ничего не обещал.

Извиняясь, Эрик торопливо накинул на себя верхнюю одежду и принялся расставлять стулья по местам. Ди насмешливо наблюдала за ним, постукивая пальцем по предплечью. Урман подхватил поднос, на котором расположился чайник с вырывающимся из носика

паром и шесть маленьких чашечек. Изящным движением он усадил Эмму и подал ей первой чай. Она поспешила отпить, чтобы скрыть растерянность. Урман воспользовался моментом, чтобы занять пустое место рядом. Эрик сел напротив подле Ди.

— А ты почему так долго не приходил, голубчик? — спросила Урмана Ди, скрестив руки под подбородком.

— Я был занят, — резко ответил третий брат и повернул голову к Эмме.

— Тебе не мешает укрепить тело физическими упражнениями, — мягко заметил Эрик.

Эмма чуть не поперхнулась чаем. Ди насмешливо посмотрела на нее и погладила предплечье Эрика. Тот тепло улыбнулся девушке, а Эмма почувствовала, как на душе кошки скребут.

Уловив ее реакцию, Ди повела острым плечом и чуть отодвинула от горца, надув губка.

— Вижу, сестренке не нравится, что Золотая Бабочка сидит так близко к третьему брату. Она наверное думает, что мое касания сделает брата грязным.

Тут Эмма отрицательно покачала головой, чтобы выразить свой протест. Она боялась, что слезы хлынут, как только она откроет рот.

— Золотая Бабочка не первый год управляет борделем и не раз была свидетельницей того, как ревнивые жены и наложницы поносили моих девочек на чем свет стоит за то, что они соблазнили их мужей. Мы никого не принуждаем приходить сюда, они делают это по собственной воле. Не правда ли, Эр?

Горец укоризненно покачал головой и грустно усмехнулся, отвернувшись от Эммы.

— У моего заведения хорошая репутация, сюда приходят разные мужчины, даже зачинатель заглядывал, рассматривал моих девочек со всех сторон, вот затейник. Но для сестренки, видимо, стыдно сидеть с Золотой бабочкой за одним столом и пить чай из одного чайника.

Эмма все же решила, что не может больше молчать.

— Все совсем не так, — сказала она, и позорно расплакалась.

Урман кинулся обнять ее, но Эмма подняла руку в останавливающем жесте и гневно посмотрела на горца. Немного успокоив дыхание, она все же сумела продолжить, вставляя слова между невольными всхлипами.

— Мне и правда противно тут сидеть, но совсем не по той причине, что сказала Золотая Бабочка. Наоборот, я уважаю тебя и твоих девочек. Уверена, у каждой за плечами нелегкая жизнь. Просто... просто... — Эмма задохнулась в слезах на мгновение, но потом решила не скрывать своих чувств. — Я считаю приходящих сюда мужчин свиньями.

Ди перестала постукивать золочеными ногтями по столешнице и уставилась на Эмму. Эрик наоборот, спрятал взгляд. В первый раз, видя слезы Эммы он не сделал никакого движения, чтобы утешить ее.

— Не все в мире покупается и продается, — продолжила Эмма. — Нельзя считать, что раз заплатил за девичье тело, им можно пользоваться как вещью. Я не могу уважать тех, кто приходит сюда. Отвратительно, что это прикрывается весельем и удовольствием. Прости, Золотая бабочка, я плохой гость и сейчас же уйду.

Эмма старалась не трогать лицо, но она все же была уверена, что нанесенный Урманом макияж безбожно потек. Скорей всего она сейчас похожа на ведьму.

— Сестренка расплакалась из-за меня? — покачал головой Эрик. — Ай-йа, не стоит плакать по столь незначительной причине. Этот братец не достоин слез сестренки. Третий брат, утешь ее.

Эмма встала из-за стола, чтобы отступить на шаг и оказаться вне досягаемости Урмана.

— Сколько эмоций, сколько напора! — Золотая Бабочка встала и показательно зааплодировала. — У этой маленькой сестренки острый язык. Эр, мне кажется, ее упреки направлены на тебя, не хочешь ничего сказать в свое оправдание? Ты тоже молчишь, Урман? Ну-ну, как вам удобно. Садись и слушай, девочка, меня тронули твои пламенные речи. Я родилась и выросла в этом месте, я дочь проститутки, внучка проститутки и сама работала в свое время. За все эти годы ни разу мне не довелось услышать слова защиты от чужаков, поэтому я расскажу тебе о дошедших до меня слухах. По всему Яншо ищут сбежавшую горянку. Все очень секретно, поэтому Золотая Бабочка уверена, что приказ идет из самого дворца. Этой сестренке следует быть очень осторожной и не показываться на улицах, иначе

она может распрощаться с жизнью. Братья плохо защищают тебя, им следует больше стараться.

Эмма побледнела под слоем макияжа и даже Эрик внезапно поднял голову и внимательно посмотрел на Ди.

— Почему ты ничего не сказала мне? — спросил он.

Ди кокетливо повела плечом и алая газовая накидка обнажила белую кожу.

— Эта недостойная ревновала. С тех пор, как у Эра появилась сестренка, он не появлялся в борделе и совсем забыл про нас.

— Идем скорее, — поторопил их Урман.

Эрик вскочил, повернулся к Ди и просительно сложил руки у груди.

— Что ты слышала? Кому она нужна?

— Эр, что может знать скромная проститутка о делах заклинателей? Клиент проговорился, что его хозяин гоняет взащей, так как с магией что-то произошло по вине горянки. Всех светловолосых Лунн призвали во дворец на допрос, даже любимицу императрицы, Йи Пейжи. Я не хотела ругать тебя, Эр, но ты поставил меня в неприятное положение. Сюда тоже приходили стражники и я еле отвадила их. Они достали рапорт о том, что какая-то бродяжка ломилась в ворота семьи Йи, а потом потерялась подле ворот моего заведения.

— Скорее, второй брат, возьмем ее домой! — севшим голосом сказал Урман.

Они заспешили к выходу. Эмма дрожащими пальцами дотронулась до лица. Заметив ее жест, Ди протянула пудреницу. Урман спешно поправил макияж, вытер рукавом черные потоки на щеках. Эмма пыталась глубоко вздохнуть и успокоится, но никак не могла собраться. Ее накрыл панический страх, совсем, как в тот день, когда на нее напали.

У черного входа Ди попрощалась с ними. Урман тянул Эмму вперед, и она, спотыкаясь плелась за ним, не разбирая дороги. Кто на нее охотится и зачем? Адам сказал что-то об искривленных потоках Ши, неужели в этом дело? Неужели она больше не сможет никогда жить спокойной жизнью?

Внезапно, они заметили, что толпа на улице стала довольно плотной. Людской поток увлек их за собой куда-то вперед, где улицы стали шире и лучше освещенной. Ускользнуть из сплошной толкотни оказалось невозможным, вместо этого горцы схватили Эмму за руки, чтобы не потерять друг-друга.

С одной стороны ладонь, слишком крепко, чуть ли не до боли, сжимал Урман и тянул за собой Эмму, как тряпичную куклу. Он лихорадочно работал локтями, пытаясь протиснуться к выходу, но его усилия пропали зря. Они ни на йоту не продвинулись, лишь в адрес Урмана прилетели пинки и ругательства, часть которых посыпалась и на Эмму.

С другой стороны ее ладонь осторожно, словно извиняясь держал Эрик. Он не пытался приблизиться к ней, но как мог отводил на себя удары. Эмма смотрела на него из-под ресниц, но горец избегал встретиться с ней взглядом.

В очередной раз Эрик пытается помочь ей, не прося ничего взамен. На Эмму вдруг снизошло озарение и тут же, как пинком под дых острое чувство вины. Она в другом мире, тут не действуют земные правила! Какая же Эмма дура, как она могла забыть то, что ей говорил Адам и повторил горец — заклинатели не могут быть физически близки с девушкой, не обладающей магическим даром. Если они сделают это, их дар уходит водой сквозь песок, как произошло с соседом горцев, укравшим чертеж напольных часов. Эрик посещал бордель совсем не для этого! Она накинулась на него с обвинениями совершенно зря. Черная неблагодарность! Полная идиотка!

— Прости меня, — тут же повернулась она к Эрику.

Вокруг шумела толпа, их нещадно толкали вперед и прижимали друг к другу.

— Я была не права, прости меня, пожалуйста, — повторила Эмма.

Эрик отмахнулся, как от несущественной мелочи.

— Сестренке лучше заранее разочароваться в этом брате.

— Я очень виновата перед тобой, мне стыдно смотреть тебе в глаза.

Кто-то налетел на Эрика сзади и толкнул его вперед так, что Эмма уткнулась носом ему в грудь. Горец тут же обнял ее рукой, смягчая удар и ласково улыбнулся.

— Этот брат недостаточно умен, чтобы понять за что сестренка просит прощения, да и это совершенно лишнее. Нам надо скорее добраться домой, потом подумаем над остальным.

— Я... Когда услышала, что ты ушел в ... Я глупо поступила от ревности. Ты так хорошо относишься ко мне, что, поневоле, я захотела, чтобы ты был только моим...

В бок Эммы вонзился острый локоть, она обернулась и увидела рослую девушку, ярко разодетую с сильно накрашенными щеками, которая наклонилась к ней и громко зашептала:

— Подруга, имей хоть толику самоуважения, нельзя вешаться на шею молодым людям.

Они сами должны ухаживать за тобой.

Тут Урман, почувствовав, что Эмму что-то задерживает, обернулся и насупив брови сказал:

— Я скорее хочу оказаться с сестренкой в доме и уложить ее в кровать.

Рослая девушка достала откуда-то веер, раскрыла его, показав поучительную надпись о том, что следует сдерживать обиды и не сердиться. Переведя взгляд с Эрика на Урмана затем на Эмму, она гневно щелкнула веером и громко заявила:

— Распутница!

Эрик рассмеялся ей вслед, а Эмме сказал на ухо:

— Не бойся сестренка, кроме тебя я никому не нужен.

— Но почему ты не сказал мне правду сразу?

Эмма вспомнила, как Эрик безмолвно принял ее вспышку гнева и ей стало так стыдно, что впору было закопать себя в землю.

— Понятно почему, — прошипел Урман и опять сильно потянул Эмму вперед. Толпа чуть расступилась и им удалось продвинуться на несколько шагов, затем они вновь застряли, плотно прижатые толпой друг к другу. — Даже на суде, когда решалась его судьба, второй брат не сказал ни слова в свою защиту. Он строит из себя благородного героя, достойного в воспевании в балладах. Невинно обвиненного небожителя!

Урман скривился, а Эмма снова принялась искренне просить прощения.

— Эрик, я очень виновата, не знаю, что на меня нашло. Одна из моих близких подруг однажды оказалась в борделе, когда ей срочно нужны были деньги на ребенка. Она растила его одна без всякой помощи. Ее сильно обидели и я до сих пор не могу спокойно говорить о таких местах.

Вера забеременела по ошибке, когда ей было двадцать лет от сокурсника. Ей удалось попасть на бюджетной в Москве. Ее считали светлой головой, как и Эмму. Сокурсник очень испугался, нашел дурацкий предлог, чтобы расстаться с Верой и исчез. Ее родители настаивали на аборте, так как прочили светлое будущее, которое не настанет, если она бросит учебу. Вера же с детства мечтала стать матерью. Жизнь в общежитие, вечная зубрежка подкосили ее, а беременность стала нежданной радостью. Она ушла с учебы, выучилась на парикмахера и успела начать подрабатывать до родов. Ребенок родился чудесный. Вера назвала его Максимом и не могла нарадоваться. К сожалению, он плохо ел, постоянно плакал и не набирал вес. Вера потеряла работу, водила Максима от специалиста к специалисту. Деньги быстро кончились, а Максиму становилось все хуже. Тогда она и решилась, что проституция единственный выход. Эмма все узнала лишь потом, когда зашла проведать Веру и нашла ее в слезах и побоях, подле разрывающегося от крика Максима. Потом Вера уехала обратно к родителям, вышла замуж, родила еще одного ребенка. Ее жизнь внешне наладилась, но Вера никогда не оправилась от потрясения.

Эрик тихонько сжал ладонь Эммы и уверил ее:

— Сестренке не нужно ничего объяснять. Этот брат полностью разделяет ее мнение. Девочкам Ди и правда нужна помощь и поддержка, поэтому этот брат часто заглядывает туда, чтобы немного облегчить их быт. В большом доме всегда что-то ломается, а никто лучше горцев не умеет чинить.

— Вот, чем ты занимался? Чинил?

— Не только, — Эрик смущенно улыбнулся. — Еще мебель переставлял. Обеденный стол очень тяжелый, меня чуть удар не хватил, пока его толкал. Ди как раз потешалась надо этим братом, когда вы появились.

Тут на них зашикали со всех сторон и Эмма обнаружила, что их вытолкнули на огромную площадь. Мощеная мостовая ступеньками уходила вниз, туда где расположилась высокая сцена. По краям площади высились трехэтажные пагоды, каждый этаж разделяли крыши с загнутыми вверх углами, с которых свисали сотни фонариков. На балконах домов теснились нарядно одетые люди сплошной стеной, в основном молодые девушки. Впереди от края до края площадь заполняли сплошным цветным ковром многочисленные зрители. Эмма по привычке прикинула количество человек и у нее вышло более двадцати тысяч.

На сцену вышел молодой молодой человек в халате с широкими рукавами, струящимися по ветру, поклонился, под аплодисменты и крики зрителей. Эмма стояла на самом краю площади. На расстоянии около ста метров его фигурка казалась совсем крохотной, но его отображали на огромных круглых зеркалах, расположенных с двух краев сцены.

Эмма отметила, что артист дорого одет. Нижний халат темно синий, сверху фиолетовый, расшитый золотыми утками-мандаринками. Волосы собраны в высокий пучок на голове, покрытый богатым головным убором, пронзенным длинной спицей, с которой струились тонкие ленточки. Сам молодой человек был красив, впрочем красотой, по которой Эмма научилась отличать заклинателей.

— Спасибо, этот недостойный, Сун Мэймэй, благодарен теплomu приему, — зазвучал приятный мелодичный голос, многократно усиленный магией. — Надеюсь скромное выступление придется по вкусу дорогим гостям.

Тонкая пронзительная нота флейты, и юноша встал в изящную позу — одна ладонь вертикально у лица, другая спрятана за спиной. Над головами зрителей по две стороны площади в ночном воздухе принялись расти из призрачных ростков две колонны высоких деревьев. Юноша закружился по сцене, и деревья рванулись ввысь. Рукава трепетали на ветру, юноша призывно изгибался, пока ветви не потянулись друг к другу, накрыв площадь сплошным куполом. Танцор прыгнул, закружился в воздухе, а на деревьях расцвели нежные розовые цветки. Раздался свист, юноша достал словно из воздуха острый клинок. Теперь движения на сцене стали резкими, сталь порхала в опасной близости от белой кожи танцора. Он нападал на невидимого противника, тяжело дышал, а в это время на зрителей обрушился дождь из призрачных цветов. Эмма затаила дыхание от восторга.

— Опять МэйМэй затягивает, скукота какая, — пожаловалась девушка, прижатая к Эмме слева. — Надеется побольше очков вытянуть.

— Нет-нет, у меня для Айгуо припрятано, никому не отдам! — пылко ответила ее соседка.

— Цветочки ничего так, получше, чем в прошлом году. Переведу ему пять очков, вон как старается, даже халат приоткрыл, — добавила третья девушка.

Она достала вытканый мешочек и оттуда на ладонь выкатились пять перламутровых бусин. Девушка слегка подбросила вверх, те застыли в воздухе, засветились и растаяли с тихим мелодичным звоном. Только сейчас, Эмма заметила, что похожий звон раздавался повсюду, а за спиной танцора вспыхивали радужные огоньки.

Одежда парня и правда пришла в беспорядок, открывая литые мышцы груди. Сейчас мелодия гнала вперед на поединок, он то и дело выделял на сцене невероятные кульбиты с клинком, пронзая невидимого противника. Девушки зевали.

— Хоть на приданое набрал, пусть не жалуется. Сестрички его не обидели.

Деревья состарились и осыпались в труху. Мелодия окончилась, танцор вышел на край сцены и поклонился толпе.

— Дорогие гости были невероятно щедры сегодня, — тяжело дыша, сказал он. — Сун Мэймэй благодарен за ваше внимание.

— Ишь мало ему, аж побледнел от гнева! — отметила соседка Эммы, жуя жирную лепешку с зеленым луком. Эмму обдало манящим ароматом, а в животе заурчало от голода.

— Тихо-тихо, сейчас красавчик выйдет, — шикнула на нее другая.

Эмма почувствовала, что Эрик передал ей в ладонь треугольный сверток. Это был завернутый в лист и обмотанный веревкой клейкий рис с фасолью. Эмма развернула его, откусила половину, остальное поднесла ко рту горца. Тот послушно подобрал лакомство губами. Рис был ароматным и очень мягким, а бобы добавляли сладости.

— А мне сестренка хоть немного оставила? — тут же обиделся Урман. Эрик протянул ему целый сверток.

— Девочки передали лакомство для всех братьев, — примирительно сказал он.

— Сестренка тоже угостит меня, как второго брата? — протягивая Эмме открытый лист с рисом, заискивающе спросил Урман.

Но тут толпа взорвалась криками и улюлюканьем. Отовсюду раздавался звон подброшенных перламутровых бусин, а сцена сверкала и переливалась радужным светом. На

больших экранах по обе стороны сцены высветилось знакомое лицо Адама. Он и так был красив, а сейчас, освещенный ореолом магического свечения, в парадных одеждах и серебряном венце, от него невозможно было отвести глаза. К тому же, искусный макияж еще больше подчеркивал алые губы, а красные стрелки под глазами превращали открытый взгляд заклинателя в чуть лукавый.

Соседки Эммы заорали так, что заложило уши. Они достали из сумочек светящиеся плакаты, принялись суматошно махать ими в воздухе, и прыгать на месте, не заботясь приземляться на землю или на чужие ноги.

Еще когда девушки упомянули “красавчика”, сердце Эммы бухнуло в груди. Бесцеремонная девица в алом, Деви, чтоб ее, намекала же Эмме, что у Адама сонм поклонниц. Черт побери, их больше десятка тысяч и они чокнутые!

— Сегодня, я выступаю тут в последний раз, — сказал Адам и площадь вновь взорвалась невероятным шумом.

Отсюда сверху открывался умопомрачительный вид на целое море разноцветных огней мигающих на площади. Девушки бросали в воздух горсти светящихся жемчужин и они падали за спиной Адама мерцающими светлячками.

Эмма не могла на него смотреть.

— Эта песня посвящается моей любимой. Сердце Айгуо Цзианью принадлежит ей.

Адам взмахнул полами голубого одеяния, взметнулись черные волосы и золотые нижние одежды.

— Он всегда это говорит, так романтично! — дрожащим голосом вздохнула соседка.

Заклинатель плавно опустился на подушку и достал красный футляр, окутанный тесьмой. Медленно открыл его и осторожно устроил на коленях сунми. Изящным жестом надел на длинные пальцы когти-наперсники.

По толпе прокатился восторженный вздох.

Заклинатель провел рукой по струнам, и нота пронзила Эмму в самое сердце.

— А играет как! Так и кажется, что для меня одной, — поддержала ее другая, не отводя глаз от сцены.

Эмма прикрыла глаза. Какой лицемер!

Зазвучала мелодия, которую Эмма никогда не сумеет забыть. Именно она привязала ее душу к этому телу.

Три ха-ха. Эмма вспомнила, как этот обманщик сказал ей, что плохо играет на сунми.

Адам запел, и вновь, как наяву, перед ней появилась прощающаяся пара. Они стояли держась за руки, а под мостом журчала ледяная река, как неумолимое течение времени. Последние мгновения вместе, ибо им не суждено увидеться вновь. Девушка первой размыкает сплетенные руки, уходит в туман, а юноша остается один, смотрит ей вслед, словно на свете не существует ничего иного. Он покорился ее решению, но на самом деле его гложет тревога и ревность. Острое, почти болезненное, одиночество. И все же, главное, что она существует где-то в мире, что она жива. Пусть она будет здорова и счастлива, а ему все равно, что сделается с ним, ведь он оказался недостойным ничтожеством...

Эмма обнаружила, что горько плачет, а рядом с ней рыдала целая толпа на площади. Всеобщие взгляды сосредоточились на Адаме, и в них тоже обозначилось одно — слепое обожание.

Он не использовал ни спецэффекты, ни визуальную магию, но его мелодия и песня рассказывали историю, завораживали, заставляли сопереживать.

И тут прямо в ухе Эммы раздался его тихий шепчущий голос.

“Ты здесь?”

Эмма задержала дыхание, рассматривая играющего на сцене Адама. Он даже не поднял взгляда.

“Зачем ты ушла от меня?”

Эмма горько хмыкнула, сжала ладони горцев и показала им головой, что пора домой. Они тоже были загипнотизированы представлением и пришлось сильно потянуть за руки, чтобы Эрик и Урман очнулись.

“Эмма, по вине этого заклинателя тебя ищут. Скорее, прячься!”

Предупреждение холодной каплей скатилась по позвоночнику. Эмма физически ощутила на себе чужое внимание. Смертельная опасность преследовала ее по пятам, внезапно Эмма осознала, что не в праве впутывать горцев в эту историю.

Поэтому она разжала руки и смешалась с загипнотизированной толпой.

Нельзя подставлять других. Нельзя надеяться на то, что чужачка сможет ускользнуть от местных. Рано или поздно, ее поймают. Все, что Эмма может, это защитить четырех горцев, к которым успела привязаться.

Бастинар тяжело болен. Дагеран громко кричит, но сердце у него доброе. Урман болезненно неуверен в себе. А Эрик... Эрик... Таких как он, не бывает.

Улицы этого города опасны, но на этот раз Эмма готова к любым испытаниям, лишь бы оградить родных людей. Значит ли это, что она стала частью этого мира?

Ей удалось оставить братьев позади и выбраться из толпы. Эмму пропускали как горячий нож сквозь масло. Восторженные девушки не спускали глаз со сцены, где Адам, в освещении тысячи огоньков, заиграл новую пронзительную мелодию.

Как только Эмма протиснулась сквозь последний ряд зрительниц, на нее тут же набросились три юрких торговца и принялись перекрикивать друг друга и совать в руки цветные листки и украшения.

— Очень хорошая цена, два за восемь, три за пятнадцать медных монет!

— Заколка для красавицы, такая как у Айгуо!

— Кулон с изображением Айгуо, очень романтичный!

В освещении развешанных у тележек торговцев фонариков, Эмме удалось разглядеть на картинках изображение Адама в особо удачно ракурсе. Ему наверное нанесли макияж для портрета, потому что он выглядел неприлично красивым. Молочно белая кожа, мягкий взгляд черных глаз в окружении пушистых ресниц, чуть приоткрытые алые губы и словно высеченная линия подбородка. Хотя, что уж душой кривить, даже в домашней одежде, когда они по утрам пили чай на веранде в окружении лекарственных растений, Эмма заглядывалась на заклинателя. Это какая-то жестокая шутка судьбы, видеть его лицо на глянцевых открытках, осознавать, что его желают тысячи девушек... Эмма была бы счастлива забыть Адама и все, что с ним связано.

Эмма почувствовала, как ей что-то суют в руки, застегивают на шее, закалывают в волосы. Она оторопела от подобной бестактности.

— Я очень спешу, — тихо сказала Эмма.

Она попыталась избавиться от открыток и снять бусы, но торговцы наоборот усилили напор, всю расхваливая Адама, свой товар, и обещая Эмме, что той удастся привлечь внимание заклинателя.

Эмма не выдержала и решила сказать нечто, способное разом отвратить любого торговца:

— У меня нет денег.

— Конечно, конечно, — согласно кивнул усатый сухопарый мужичок справа, на его запястьях переливались сотни браслетов. — Красавица может не заморачиваться подобными вопросами. Имени и адреса будет достаточно, этот хозяин готов подождать с оплатой.

— Нет-нет, в этом нет нужды. Мне ничего не нужно.

— Первая покупка вечера! — осуждающе покачал головой пузатый торговец с открытками Адама. — Красавица обязана что-то выбрать, чтобы у этих хозяев задалась продажа. Как насчет хорошей скидки? Три за двенадцать, пойдет?

Эмма принялась сдирать украшения. Плохо... Первая покупка вечера наверное важна для торговцев, ее точно запомнят. Лучше всего было бы купить какую-то мелочь и исчезнуть в ночи, но к сожалению у нее и вправду не было денег, а эти пираньи не оставят ее в покое.

— Если госпоже что-то приглянулось, эти слуги все оплатят, — раздался сзади спокойный голос и двое горцев встали за спиной Эммы.

У Эммы похолодело в груди. Опоздала... Из-за задержки с торговцами Эрик нагнал ее. Теперь затеряться в городе станет сложнее, придется объясниться с ним...

— Не знал, что госпоже по нраву Айгуо, — встрял Урман. — По мнению этого

скромного слуги, его внешность сильно приукрашена, но если госпоже хочется, мы можем купить их ближе к дому, где продают три изображения за десять медных монет.

Торговцы тут же принялись спорить и сбивать цену. Эмма обвела взглядом блестящие безделушки в поисках самой дешевой мелочи, чтобы поскорее отвязаться от них. Выбор пал на открытку, на которой Адам тепло смотрел из под ресниц, играя на суньми. Она поскорее засунула ее за ворот, под внимательные взгляды горцев, Урман немного поторговался и заплатил две монетки. Удачно заключив первую сделку вечера, их наконец отпустили. К счастью, торговцев уже привлекла новая жертва, молодая девица с широко открытыми глазами и вздымающейся грудью, которая сама сметала все с прилавков.

— Уму непостижимо, — выдохнула Эмма. — Самим заклинателям по нраву подобное обожание?

Эрик поддерживал ее за спину и они быстрым шагом удалялись от центральной аллеи.

— Этому брату остается только завидовать Айгуо, раз он приглянулся сестренке, — вздохнул Урман.

— На самом деле Луннам очень удобно получать доход с ранга До подобным способом. Мнением заклинателей никто не интересуется, они всего лишь дорогой инструмент в руках матерей или жен, — объяснил Эрик.

— Разве поклонницы не разбегаются, как только их идол женится?

— Зависит от популярности заклинателя. Девушки не только обогащают кошельки, они преданы, импульсивны и управляемы. Их поддержка дает ощутимое политическое преимущество, поэтому некоторые жены предпочитают, чтобы младшие мужья продолжали выступать. Этот горец не разбирается в сложных отношениях кланов.

— Я думала, что заклинатели умеют преображать Хуа, но не могу понять каким образом Сун МэйМэй из Хуа создал иллюзии, — задумчиво сказала Эмма.

— Это из-за печати, — ответил Эрик. — Заклинатели в Ра на порядок сильнее, чем в других странах. Они не умеют управлять чистыми потоками магии, как Лунны, но у каждого есть свой особый дар. Мы называем его “ароматом”. Интересное умение, на которое затрачивается не слишком много сил. У счастливыхчиков вроде Айгуо или МейМей аромат полезен для привлечения поклонниц.

Они дошли до изогнутого мостика через мелкую речку. Отсюда до дома идти не более десяти минут. Эмма размышляла о том, как лучше всего расстаться с горцами. Эрик слишком хорошо чувствовал ложь, поэтому Эмма решила сказать правду — рядом с ней слишком опасно.

— Кстати, — Эрик наклонился и прошептал так, чтобы третий брат не услышал. — Сестренка и вправду слишком засмотрелась на знаменитого Айгуо. Может он и вправду хорош, но мне кажется, что на сцене был именно тот заклинатель, благодаря которому брату посчастливилось встретить сестренку, не правда ли?

Эмма кивнула и воспользовалась догадливостью Эрика, чтобы поделиться своими планами.

— Как сказала Диэр, меня ищут. Я очень благодарна за помощь, но думаю очень глупо создавать вам лишние трудности. Будет лучше для всех нас расстаться. И, если мы больше не увидимся — спасибо. Я никогда не забуду вашу доброту.

— Что происходит? — всполошился Урман. — Что ты там прошептал ей? Чем обидел?

— Куда сестренка направится? — тихо спросил Эрик. — У кого будет просить помощи?

— Ты виноват! Ты прогнал ее! — продолжил возмущаться Урман.

Эмма встала между Урманом и Эриком и подняла руки в защитном жесте. Ей было тяжело подобрать слова, чтобы объяснить свой поступок. Что она могла сказать? Ваш мир ужасен, меня хотят поймать и, скорей всего, убить?

— Урман, давай называть вещи своими именами. Вам вовсе необязательно меня защищать. Я не принадлежу к вашему народу. Ты ведь очень умен и с первого взгляда разобрался, что я чужачка.

Урман сложил руки на груди и уставился на нее исподлобья.

— Конечно, этот брат давно понял, что сестренка на самом деле небожительница, которая мало разбирается в мирских делах. Кто, вообще, решает, кто принадлежит к какому народу? Сестренка страдает из-за того, что другие принимают ее за горянку, этого достаточно, чтобы брат хотел ее защитить.

— Это очень трогательно, — невольно смягчилась Эмма. — Но я не готова рисковать вашей безопасностью.

Эрик положил руку на ее плечо и подождал, пока Эмма развернулась и подняла к нему лицо. На мосту было довольно темно, можно было различить только плечистый силуэт, но Эмме отметила, что обычно спокойный горец сжал руки в кулаки.

— Сестренка наверное наслышана о том, что по вине этого брата пострадал город. В ту зиму многие потеряли жизни, включая младшего брата этого недостойного. Каждый день, я сожалею о своей ошибке и скорблю о мертвых. Цель моего существования — искупление. Как думает сестренка, что станет с этим братом, если он позволит хоть волосинке упасть с ее головы?

Эмма растерянно взяла ладонь горца в руки и помассировала сжатые в кулак пальцы. Она не могла противостоять подобному напору. Наверное судьба сжалилась над ней в тот момент, когда Эрик спас ее от стражников.

— А что думают Дагеран и Бастинар?

— П-ф-ф-ф, — встрял Урман. — Мы давно обо всем договорились.

Он потянул Эмму вперед за рукав и она поддалась. Эрик шел сзади. Эмма чувствовала, что ему требуется время вернуться к своей обычной беззаботности. Дорога была темной. Лунный свет отражался в бульжниках, многие окна закрывали ставни, но некоторые отсвечивали теплым желтым светом. Пустые дощатые прилавки ютились подле стен.

— В Ра появляются все больше и больше светловолосых Лунн, — тихо на ухо прошептал Урман. — Эти собаки из Ра крадут наших девочек, наше будущее. Будет справедливо, если мы сможем спасти тебя из их лап.

Эмму провели домой через задний двор, чтобы не привлекать внимание соседей. Увидев спереди знакомое прямоугольное здание с покатой крышей, справа мастерскую с печью и навесом, Эмма невольно улыбнулась. Все такое знакомое, домашнее.

Дагеран выбежал навстречу и тут же принялся приглушенно распекать младших братьев.

— Где вы застряли, собачьи хвосты? Я себе в животе дырку проел от беспокойства! Говорят, стражники ходят по горцам, пересчитывают их. А вдруг бы пришли, а вас нет? Ладно второй брат, у него мозгов нету, но ты, Урман?

Бастинар стоял, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, холодно наблюдая за вспышкой недовольства брата.

— Лучше подумайте, куда спрятать сестренку, когда они нагрянут, а это произойдет совсем скоро — бесстрастно сказал он и добавил: — И палочка для благовоний догореть не успеет.

Урман и Эрик переглянулись и оба потащили Эмму вперед, под злобное шипение первого брата:

— Свиные мозги, черепаши яйца! — шепотом ругался Дагеран.

Они зашли в общую комнату с жаровней и круглым столом. За время пребывания Эммы с братьями тут стало ощутимо уютней и чище. Переглянувшись, братья потащили Эмму в сторону спальни Эрика.

Тут у стены стояла добротная кровать из тяжелого черного дерева, с вырезанными узорами. Раньше Эмма не придавала дизайну особого значения, но тут мимолетно подумала, что этот предмет мебели слишком роскошен для бедняков. Хотя, учитывая мастерство горцев, скорее всего они сами сколотили и украсили кровать.

Эрик с Дагераном совместными усилиями стащили на пол матрас. Урман нажал на изголовье незаметную завитушку. Послышался щелчок и на сплошной дощатой поверхности появился прямоугольник. Урман осторожно поднял его, открыв вместительный ящик, уставленный мешочками.

— Что смотрите, доставайте скорее! — прорычал первый брат.

Горцы принялись за работу, Эрик доставал мешки, передавал Урману, тот кидал Бастинару или Дагерану, которые бегали по дому, открывали различные тайники в местах, о которых Эмма даже не подумала бы — в стенах, выше человеческого роста, в двойном дне старой щербатой чашки, позади всякой рухляди в подсобном помещении. Мешочки подозрительно звенели, Эмма не выдержала и подобрала один из них. Пузатые бока были доверху заполнены медными монетами.

— Все никак не можем передать домой в горы, — пожал плечами Эрик. — На таможене волнения, наших подкупленных чиновников перевели в другие отделения, с новыми пока не наладили отношения.

— Вы богаты? — задумчиво переспросила Эмма.

— Это не наши деньги, — равнодушно сказал Бастинар, сметая невидимую пылинку с плеча. — Этому брату доверили средства на покупку зерна на зиму.

— Бастинар — первый среди отверженных, — с ухмылкой отметил Урман, балансируя на лестнице, чтобы спрятать мешок в выдолбленное отверстие в потолочной балке.

— Теперь сестренке придется хранить секреты этих братьев, — подмигнул ей Эрик.

Освободившийся ящик в кровати оказался в человеческого роста в длину и ширину, довольно глубокий, но так хитро врезан, что если заглянуть под кровать со стороны тяжелой резной царги, то просматривалось лишь пустое пространство. Эрик показал Эмме систему зеркал, которые в темноте превращали ящик в почти невидимый.

— В стенках прорезаны оконца для вентиляции, сестренка не задохнется, — заботливо сказал Эрик.

— Вы хотите, чтобы я спряталась в ящике? — с сомнением спросила Эмма.

— Вдруг сестренке будет тесно? — забеспокоился Урман.

— Да нет, даже этот брат спокойно помещается, — ответил Эрик.

Чтобы не тратить зря слова, он решил продемонстрировать. Эрик споро залез в ящик, который оказался точно по его размеру, еще осталось пространство сверху, так как врезан он был довольно глубоко. Он широко улыбнулся и помахал Эмме, показывая, что все в порядке.

Сама Эмма не слишком любила закрытые пространства. Перспектива оказаться в заколоченном темном ящике пугала, но она не хотела беспокоить братьев своими переживаниями.

И тут раздались громкие удары в дверь, будто ее хотели разнести в щепки. Бастинар и Дагеран переглянулись, первый брат поднял Эмму как пушинку и зашвырнул в ящик прямо на грудь Эрику. Тут же захлопнулась доска над ними, пространство погрузилось в темноту. Эмма ощутила на шее тяжелое дыхание горца, еще не разобравшегося в происшедшем. Наверху зашуршал матрас, который водрузили на место, и послышались торопливые шаги и перешептывания братьев. На все ушло не более десяти секунд, но стук в дверь стал и вовсе громогласным.

— Стража! Открыть немедленно!

Эмма оказалась плотно прижатой к груди Эрика, ее бедра расположились у него между ног. Сердце бешено билось от испуга, а совокупность закрытого пространства, темноты, острого запаха горца с ноткой железа привели к тому, что Эмма очень остро ощущала близость мужчины.

Послышались звуки открываемой двери, звон металла, торопливые чужие шаги. Слабые словно просящие прощения голоса горцев и зычные стражников.

Эмма вся сжалась, спрятала лицо в ложбинку шеи Эрика, а тот обнял ее за талию и погладил, успокаивающим жестом, но тут же напрягся и попытался отодвинуться. Эмма понятливо приподнялась на коленях, ощущая низом живота причину смущения Эрика. Для них обоих подобная близость оказалась слишком.

— Лучше я буду сверху, — тихим шепотом попросил Эрик.

Эмма кивнула и повернулась спиной к стенке. Горец в кромешной темноте тоже переместился на бок, теперь они оказались еще плотнее прижаты друг к другу. Эмма грудью ощущала поджарое натренированное тело Эрика, его обжигающее дыхание на шее, и, как бы он ни старался отодвинуться, свидетельство его возбуждения между бедер.

Заскрипела открываемая дверь, по половицам громогласной дробью прошагали чужие шаги, и Эмма с Эриком тут же замерли в черном узком пространстве накрепко прижатые друг к другу, боясь даже дышать. Эмме ужасно захотелось высунуть язык и попробовать Эрика на вкус. Опасность, страх, близость желанного человека смешались в крови,

подогревая острую необходимость стать еще ближе к горцу. Эмма изо всех сил держалась, так как хорошо помнила, как Эрик остановил ее порыв. Она не собиралась навязываться, как бы ни сладко в нее толкалось его твердая плоть сквозь одежду, и как бы не бешено стучало его сердце под прижатыми к груди горца ладонями. Эмма все еще была дитя другого мира, где для близости нужно данное с энтузиазмом согласие. У Эрика есть свои причины держаться на расстоянии, и Эмма решила до конца уважать их, как сильно бы ей не хотелось найти его губы своими губами.

— Обыскать тут все, — послышался властный голос прямо над их головой.

Послышался жалобный звук удара металла о доски. Это звенели любовно выставленные на полки механизмы Эрика, над которыми он провел множество часов. Эмма услышала, как он тихо втянул воздух сквозь зубы. Знать, что его тщательно откалиброванные изобретения ломает чья-то безжалостная рука и лишь наблюдать это не в силах ничего предпринять... Какая жестокая пытка! У Эммы разрывалось сердце от жалости.

— Подать ли господам стражникам чай?

Эмма с трудом узнала в заискивающем голосе зычный баритон Дагерана.

— Чтобы я взял что-то в рот в доме грязных горцев? Иди лучше найди овцу!

Плоскую шутку встретил громогласный натужный хохот. Всюду слышался шум, грохот, пока в вещах горцев рылись, не заботясь о сохранности. Со стороны братьев не было ни единого протеста, лишь вопросы о том, как сделать обыск более приятным для господ стражников.

— Так, по документам, тут должно быть четыре овцелюба, по углам ошиваются только три. Где недостающий?

— Господин стражник, пройдемте с этим недостойным, я покажу вам нечто интересное и расскажу о том, где находится второй брат, — предложил Дагеран.

Эмма поняла, что тот собирается дать взятку главному, чтобы не слишком усердствовал в поисках.

— Уж не в бордель ли подался? — подозрительно спросил стражник.

— Нет-нет! Эти недостойные не могут даже смотреть да женщин, нам нельзя.

Довольный успехом своей первой шутки, стражник опять принялся слагать на все лады горцев с овцами, под одобрительные выкрики более низких по рангу. Они ушли обыскивать другие комнаты, и в спальне стало тихо.

Только гневно вздымающаяся грудь Эрика и хруст сжатых в кулаки ладоней. Эмма успокаивающе погладила его по предплечью. Они вновь принялись пытаться поменяться местами. Эмма переместилась на дно ящика, а Эрик завис над нею, упираясь на локти. Их дыхания смешивались.

И тут, к великому стыду Эммы, так как они были закрыты в тесном ящике, как бы она не сжимала ноги, все равно почувствовала собственный запах женского возбуждения. Она бы могла успокоить себя тем, что Эрик ничего не заметил, но тот резко втянул ноздрями воздух и то, что прижималось к ее бедру вздрогнуло и затвердело. Эмма закрыла ладонями лицо от стыда и как могла постаралась отодвинуться. Тут, из соседней комнаты послышался жуткий грохот. Эрик инстинктивно вжался в Эмму, чтобы оградить ее. Она сильнее соединила ноги, по ошибке сжимая между ними то, что горец пытался скрыть. От стимуляции, Эрик глухо застонал, его член запульсировал и Эмма почувствовала, что ее платье стало мокрым спереди.

Эрик резко зашипел, уперся коленями, прогнулся спиной и поднял доску, закрывающую ящик. Яркий свет ламп ослепил Эмму. Горец одним движением выскочил наружу, вернул доску на место, оставляя Эмму совершенно одну в темном ящике с кислым чуть рыбным запахом.

Послышался скрип ставен и в комнату вбежали стражники.

— Кто тут? А это четвертый вернулся, лезет через окно. А ну узнайте, где ошивался что

делал.

У Эммы сжалось сердце от звуков тела, которое швырнули на пол и невольного стопа Эрика.

— Начальник, у него штаны мокрые, он что описался от страха?

Раздался топот чужих ног, и Эмма поняла, что вокруг Эрика собралась целая толпа стражников, которые споро разобрались в происхождении пятна и с удовольствием гиен, обнаруживших больного буйвола, принялись унижать горца.

— Грязные горцы даже младшего брата приласкать не умеют!

— Небось сидел в кустах и глазел на твою задницу, ха-ха-ха.

Оскорбленный стражник вместо того, чтобы ответить товарищу, пнул Эрика. Другой принял насмехаться, что тот даже ударить не умеет как следует, уж он-то покажет как надо. Вскоре, звуки глухих ударов последовали один за другим.

Эмма лежала в ящике с широко раскрытыми глазами. От каждого невыносимого звука, она вздрагивала и закрывала рот. Во рту стоял кислый вкус железа, наверное, она прикусила щеку, стараясь оставаться полностью бесшумной.

Горцы не вступились за Эрика, но когда стражникам надоела лежащая жертва, они принялись избивать и других братьев. До Эммы доносились стоны и крики, перемежаемые с азартными восклицаниями стражников. Кажется, они отыскали один из мешков с монетами, и принялись избивать горцев с еще большим рвением, то и дело выпытывая, где спрятаны остальные сокровища.

Урман стонал, что у них есть документы на эти деньги, что это из выручка за последний год, но это еще больше разозлило стражников. Они отыскали бумаги, и демонстративно сожгли их перед носом третьего брата. Деньги распределили между собой, а Урмана еще долго учили, как правильно отвечать представителям власти.

— Это подарок в знак уважения, ясно? Подарок, о котором никому не рассказывают, понял?

— Да он тупица, начальник! Только силой можно внедрить в свиную голову хоть одну мысль.

Дебош, шум, избиения продолжались до поздней ночи, пока стражники не поняли, что больше ничего не найдут. В какой-то момент запахло гарью и Эмма с большим трудом подавила порыв выбраться из убежища. Она боялась, что задохнется от дыма или сгорит заживо. У Эммы задервенела спина и ягодицы, но она боялась шелохнуться.

После того как голоса стражников замолкли, наступило каменное молчание, которое чуть не свело Эмму с ума. Она смиренно лежала, отсчитывая секунды, прислушиваясь к хоть малейшему звуку в доме. Она мысленно молилась здешним богам, чтобы братья были живы. Эмма не могла дышать от мысли о том, что в доме тишина, потому что горцы валяются в луже собственной крови.

Эмма не хотела выдать свое убежище, чтобы не навлечь на горцев еще больший гнев стражников, но если пока она пряталась их безжалостно убили, то она... То она...

Она ничтожество, жалкое бесполезное нерешительная размазня. Если бы тогда на мосту она не дала бы Эрику уговорить себя... Если бы она ушла, как намеревалась то... Горцы бы не перепрыгали мешки, их тайник остался бы не найденным, все могло повернуться по другому.

Секунды сливались в минуты, тянулись бесконечным потоком. Эмма чувствовала, будто ее похоронили заживо. Страх душил, а стенки ящика давили на грудь. Ей казалось, что она задыхается, но Эмма боялась выдать себя, если в ночи притаился чужак. Только оставленный на ней запах Эрика, помогал не потерять связь с реальностью. Эмма поднесла юбку к носу, и старалась мерно дышать. Когда, послышалось звяканье и чьи-то осторожные шаги, Эмма чуть не потеряла сознание от страха.

Крышка ящика отодвинулась. Рядом с кроватью стоял Бастинар. На бледном лице синяк под глазом выглядел просто ужасающе. Обычно аккуратно затянутые волосы в высокий хвост на макушке теперь превратились в воронье гнездо. Рукав рубашки был порван, на синей ткани проступали багровые пятна.

У Эммы дрожали губы, она смогла только шепотом спросить:

— Дагеран, Эрихмантур, Урман... Они живы?

Бастинар кивнул и поднес палец к губам. Эмма с облегчением закрыла глаза и выдохнула.

Горец протянул ей руку, помог выбраться из убежища. Комната оказалась полностью разгромлена. На полу чернели следы сапогов. Стражники обмазали грязью и кровью постель и одежду. Матрас из бамбука разорвали на части, подушки изрезали. Механизмы Эрика валялись покореженные, словно кто-то получал удовольствие уродуя красоту. С полок смели на пол все содержимое. На стенах вывели чем-то коричневым обидные надписи. Эмма отметила, что в написании имени племени горцев, содержался иероглиф четвероногого животного, и отчего-то именно это укололо страшной обидой.

— Уже поздно. Этот брат поможет сестренке застелить кровать, чтобы она могла заснуть, — устало сказал Бастинар. — Сестренке лучше не выходить за пределы этой комнаты.

Эмма чуть не заплакала от заботы четвертого брата, но ее сердце вновь сжалось от тревоги. Неужели случилось нечто страшное, чего ей лучше не видеть?

— Пожалуйста... Я хочу помочь... Простите... — бессвязно сказала она.

Бастинар тяжело вздохнул, и махнул рукой, потом безмолвно открыл дверь на кухню.

Дагеран с трудом поднимал опрокинутый стол, уцелевший только из-за своей массивности. Урман сидел среди осколков посуды с распухшей щекой и окровавленными губами. Он был весь покрыт гарью, рубаха на плече обгорела, открывая покрасневшую кожу. На полу возле жаровни были раскиданы угли, черная копоть покрывала стену, драконьим языком лизнув потолок. Табуреты валялись по всему помещению с поломанными ножками. Урман беззвучно плакал, обняв колени.

Эмма подбежала к нему, уселась на корточки, заглянула в лицо.

— Урман, где болит, чем помочь? — хрипло спросила.

Горец перестал плакать, поднял взгляд на Эмму и криво усмехнулся, открывая черноту выбитого переднего зуба.

— Неужели этот брат наконец заслужил доброе слово сестренки? Всего лишь понадобилось получить парочку тумачков. Поцелуй же меня, сразу станет легче!

Эмма тут же послушно наклонилась вперед и прижалась губами к светловолосой макушке. Потом, прежде чем руки Урмана сомкнулись на ее талии, вскочила и схватила стол с противоположной стороны, чтобы помочь Дагерану. Тот поднял брови в протесте, но капитулировал перед жалобным взглядом Эммы и они вместе вернули стол на место.

Она ужасно хотела спросить об Эрике, но никак не могла набраться смелости. Бастинар сказал, что он в порядке и этого должно быть достаточно. Она не может надоедать братьям в такое время.

Урман с показным стоном поднялся на ноги и присоединился к Эмме и Дагерану. Они молча приводили в порядок дом, поднимали черепки, оттирали стены и пол.

В очередном мятом покрытом гарью куске металла Эмма узнала часы работы Урмана и не выдержала:

— Сами они злобные твари! Ненавижу!

Бастинар обернулся, прищурился и бесстрастно заметил:

— Нелегко быть проигравшей стороной, сестренка. Учит смирению. Горы Баолян не выдержат очередной войны, им бы перезимовать без потерь. Если бы один из нас оказал сопротивление, это сразу бы раздули в провокацию и новое нападение. Поэтому мы должны уметь терпеть.

Эмма судорожно вздохнула, вытерла выступившие слезы.

— Я тут подумала... Если вы все равно не можете передать деньги на север в ближайшее время... Будет ли возможным одолжить их на месяц? Тогда мы сможем намного быстрее наладить производство... Я хотела сказать... Не могу подобрать слова...

Бастинар мягко улыбнулся. На его вечно скучающем лице эта улыбка выглядела как свежий распутившийся цветок. Дагеран тоже невольно заулыбался в ответ.

— Сестренка, я никому не могу доверить эти деньги. Никому, кроме тебя. Распоряжайся ими, как считаешь нужным. Этот брат тебе полностью доверяет.

Эмма ахнула и закусила губу. Если добротой можно убить, кажется, только что Бастинару это удалось.

— Эти сволочи еще желчью изойдут от зависти к вам! — пробормотала она, любовно поглаживая мятый бок побитых часов.

Раз Эмма нашла силы заговорить, то она задала мучивший ее вопрос:

— А где... Где же Эрик? То есть, второй брат.

Урман нервно дернул головой:

— Сестренка дала ему имя? Вот дурацкий счастливчик... Придумай же имя и мне!

Эмма с укоризной покачала головой. Только в себя пришел и опять за старое. Она взяла в руки метлу и принялась подметать пол.

Дагеран дернул в смущении плечами и сделал жест Урману замолчать.

— Сестренка, второй брат потерял лицо. Ему требуется немного времени провести в одиночестве.

— У него что-то с лицом? — испугалась Эмма. — Где он?

Братья тихо беззлобно засмеялись над ее реакцией. Эмма смутилась, но все равно подошла к двери в задний двор и украдкой выглянула наружу в темноту. Она помнила о том, что отныне не стоит рисковать и выходить. Этот мир что-то навсегда сломал в ней. Кажется, раньше ей казалось, что жизнь — безопасна.

Видимо, Эмма выглядела очень жалостливо с вытянутой шеей, цепляющаяся за метлу до белых костяшек. Вскоре послышался тихий голос Эрика из-за кустов во дворе.

— Скоро рассвет, сестренке лучше отдохнуть. Вы приготовили ей кровать?

Из открытой двери пахло ночной свежестью и Эмма не выдержала.

— Эрик ты прячешься? — удивленно спросила Эмма. — Там холодно! — Эмма обернулась к братьям и спросила, не в силах скрыть беспокойство. — Он ранен? Ему нужна помощь?

Дагеран отвернулся, Урман опустил голову и даже Бастинар отвел глаза. Эмма вся сжалась от догадки, ей стало невыносимо стыдно.

— Это из-за меня, да? Эрик, эта сестра уйдет, я сделаю все, что пожелаешь. Только пожалуйста, побереги себя, — ее голос сел и она закончила почти шепотом. — Прошу тебя...

Эмма вручила метлу Бастинару и удалилась в разгромленную комнату Эрика. Руки требовали занятости, и она принялась приводить в порядок валяющиеся шестеренки, болты, детали и складывать в аккуратные кучки. Она корила себя за то, что не спросила сразу об отсутствии Эрика. Эмма остро чувствовала, что горец хотел избежать встречи с нею. Но по какой причине? Что она сделала не так?

Слишком чужая, слишком глупая. Эмма чувствовала, что любой поступок оборачивается против нее.

На самом деле, схожее чувство потери сковало ее в первые дни в Нью-Йорке, когда не нашлось места в общежитии и она оказалась на улице с двумя чемоданами и копейками в карманах. В дешевом хостеле, где Эмма остановилась на ночь, украли один чемодан с теплой одеждой и документы. На вторую ночь, Эмма решила заночевать в выделенном для нее офисе в отделении прикладной математики. Ее нашла напуганная уборщица. Видимо, она сообщила начальству, потому что ее вызвали, долго расспрашивали о семейных обстоятельствах и о склонности к принятию наркотических веществ. Эмму чуть не выкинули с докторской степени, но научная руководитель вступилась, а уборщица, мучимая угрызениями совести помогла найти комнату в Чайна-тауне и первую работу.

Вот и сейчас, Эмма выдохнула сквозь зубы и решила не паниковать, а поговорить с Эриком напрямую о своих тревогах. Он не откажет в столь малой просьбе.

Только сначала, Эмма решила быть немного полезной и вернуть комнате жилой вид. Собравшись с духом, она первым делом атаковала надпись на стене и не успокоилась, пока от нее не осталось и следа. Затем привычные к уборке руки навели внешний порядок.

Она постелила на кровать несколько тряпок. К сожалению от матраса остались одни ошметки. Среди раскиданных по полу обрезков одежды не было ни единого женского платья. Видимо, Бастинар и Дагеран сумели загодя спрятать все следы ее пребывания. Как хорошо, что горцы обладали смекалкой!

За окном забрезжил серый рассвет, но в дверь так никто не постучал. Эмма все подсознательно ждала Эрика. Она привыкла засыпать вместе с ним, слышать его мерное дыхание, греться в его тепле.

— Не найдет ли второй брат минутки поговорить с этой сестрой? — выпалила она, открыв дверь в кухню.

Эрик обернулся, застигнутый врасплох посреди уборки. Эмма ожидала увидеть, что он пострадал от побоев, но все равно, невольно поднесла руку ко рту при виде любимого красивого лица, опухшего до неузнаваемости. Одна рука Эрика висела плетью, кровь бурным

пятном застыла у виска и покрывала часть запутавшихся волос, к тому же он сильно хромал.

— Сестренка еще не спит? Неужели, этот брат помешал?

— Пожалуйста...

Эрик захромал к ней и Эмма отступила в глубь комнаты, мысленно проговаривая то, что она желала сказать ему. Горец присел на кровать, с тихим стоном.

— Сестренка, не знает, — опередил ее Эрик. — Но у нашего народа есть некрасивое слово для таких, как этот брат. Для тех, кто использует телесные отношения, чтобы заслужить милость Лунны. У сестренки нет никаких обязательств перед этим недостойным братом...

Он остановился посреди пламенной речи, так как его взгляд задержался на платье Эммы, а точнее на пятне у бедер. Щеки горца окрасил густой румянец и он спрятал лицо в ладонях.

— Какой позор, — выдохнул он. — Этот брат думал, что ниже ему не опуститься, но видимо такой мусор как я не должен существовать.

— Эрик! — Эмма закусила губу. — Ничего не случилось, это естественная реакция тела! Не могу поверить, что мы обсуждаем такую мелочь, когда сегодня ночью вы пострадали по моей вине. Ладно, если хочешь знать... Не буду скрывать, я была бы рада, если бы ты желал близких отношений, но уважу любое решение. Я не могу видеть твоих страданий. Хочешь, мы забудем об этом, как будто ничего не случилось?

— Сестренка слишком снисходительна, подобное не прощается.

— Ты попросил меня остаться, помнишь? Я тоже чувствую себя виноватой за ваше несчастье. Ты был слишком добр ко мне, это я навлекла на вас беду.

Эрик взмахнул действующей рукой и принялся уверять Эмму, что это далеко не так. Она только криво усмехнулась.

— Я не могу понять и принять логику вашего мира. Ты считаешь себя ущербным, а ведь я не встречала никого лучше тебя, Эрик. Если не желаешь становиться моим мужем, поверь, я не собираюсь навязываться. Только прошу, пожалуйста, не отдаляйся, будь моим любимым старшим братом. Хорошо?

Иногда, двое говорят на одном языке, но не в силах понять друг друга. Иногда, наоборот, один взгляд приоткрывает слишком многое. А сейчас все было настолько запутанно в одном клубке, что Эмма была не в силах разобрать на составляющие стыд, боль, влечение, чувство вины, желание защитить. Все это плескалось во взгляде Эрика. Словно она была сияющей звездой, до которой он не имел права дотронуться.

— Этот брат будет счастлив, — сдался он. — Этот брат достоин милости сестренки...

— Если бы ты отпустил меня тогда на мосту, то твоя жизнь была бы намного легче. Теперь же, я твоя обуза. Эта сестренка не может заснуть без тебя, — твердо сказала Эмма.

Горец встал, чтобы затушить лампы и вдруг заметил наведенный порядок. Он прижал здоровую руку к сердцу и бросил еще один пламенный взгляд искоса на Эмму.

— Сестренка не должна чувствовать вину за происшедшее сегодня. Эти горцы не в первый раз проходят проверку стражников. На самом деле никто из нас не пострадал серьезно, а гордость, как и родной дом остались в горах Баолян. Только раньше, — тихо продолжил он и затих, хромая от окна к кровати.

Эрик потушил лампу и закрыл ставни. Комната погрузилась в темноту и завораживающий голос Эрика проникнул в самое сердце Эммы.

— Раньше, никто не заботился о ранах этого брата. Я привык к одиночеству и только появление сестренки напомнило о том, как чудесно быть кому-то нужным. Сестренка послана мне небожителями. Будь благословлен Айгуо Цзианью из семьи Йи за то, что призвал в этот мир сестренку. Пусть он не держит зла на этого брата, который каждый день возносит благодарность богам за то, что заклинатель не смог удержать сестренку подле себя.

Прошлой ночью, когда Эмма лежала в закрытом ящике и прислушивалась к тишине, ее терзала дикая ярость на собственную бесполезность. Она думала вновь и вновь о том, как может бесправная попаданка предотвратить повторение случившегося? Единственный выход, который виделся Эмме это заработать как можно больше местных денег за кратчайшие сроки.

Некоторые вещи невозможно купить, но богатство делает нас чуть менее беззащитными.

Вчера, (неужели только вчера?) она уже поделилась общими идеями с братьями. Вопреки показной уверенности с которой она наобещала Бастинару успех, Эмма не могла с точностью сказать, какое из начинаний принесет наибольшую прибыль. Поэтому она решила попробовать многое одновременно. Что не пойдет, сразу же прекращать и расширять то, что получится.

Эмма педантично записала все на бумагу и вышла на кухню. Братья за рекордные сроки привели в порядок дом: побелили обугленную стену, достали новую посуду, починили табуретки. Урман зажег жаровню и приготовил на завтрак жареные булочки с соевым молоком. Выставил вареные яйца и легкий бульон с лапшой. Удивительно, но жизнь вернулась в прежнюю колею, и только покоящаяся в повязке рука Эрика, да опухшие лица братьев напоминали о ночных побоях.

— Сестренке нечего переживать, на заклинателях все быстро заживает, — подмигнул ей Эрик и с аппетитом вгрызся в булочку.

— Кстати, хорошие новости! — прогремел Дагеран. — Третий брат может вернуться на базар. Главному понравился звон наших монет.

— А вот второму брату лучше остаться дома и подлечиться, а то он всех покупателей распугает.

Горцы быстро позавтракали и засобирались на базар, словно не было бессонной беспокойной ночи. Им не терпелось выставить на продажу овощерезки.

Эмма вспомнила, как видела в одном из торговых центров, как показывали похожие приборы, и предложила взять с собой мешок редьки демонстрировать покупателям.

Урман скривился, но послушно закивал. Ему претила мысль устраивать представление на потеху публике. На пороге он остановился и обернулся к Эмме, словно ожидая, что она подойдет обнять его на прощание, но Дагеран и Бастинар утянули его на улицу.

Эрика оставили присмотреть за Эммой, и они провели утро за обсуждением подробного плана действий на ближайшие дни. Затем Эрик достал новые плетеные бамбуковые подстилки, и показал способ быстро спрятаться в ящик при малейшем шуме. Эмма чувствовала себя очень неудобно, но Эрик был столь обходителен, что она сумела справиться со страхом. После тренировки, они не заметили, как заснули в обнимку. Их разбудил смех вернувшихся с базара братьев.

Первый оглушительный успех. Овощерезки смели с прилавков, оставили кучу заказов и ощутимую прибыль. Урман был звездой базара, о чем с гордостью рассказал Эмме. На нее смотрели как на оракула.

Эмма поделилась своими опасениями о том, что не стоит привлекать лишнее внимание. Если товар пришелся по нраву, следует наладить производство и продавать посредникам.

В последующие дни так и поступили. Никто из братьев больше не ходил на базар. Им требовались продавцы, поэтому Эрик задействовал свои знакомства в борделе и переманил трех девочек с благословения Диэр. Они держали в секрете своих поставщиков и прекрасно общались с покупателями. Братья освободили все свое время для того, чтобы строгать овощерезки, но вскоре спрос вырос настолько, что четырех пар рук стало недостаточно.

Эмма требовала подробных отчетов и методично все записывала. Сколько единиц продано с каждого прилавка, где они были расположены, у какого продавца. Она посоветовала немного изменить дизайн и покрасить ручки в разные цвета, потом отслеживала результаты, чтобы понять, какой из них пришелся по душе жителям Яншо.

Эмма понимала, что успех овощерезки скорее всего краткосрочен. Братья объяснили, что в домах заклинателей домашняя работа выполнялась с помощью предметов обихода, созданных из Хуа. Люди ранга До стремились подражать высшему классу и очень любили разные технологические новинки, но подделка никогда не заменит настоящего, поэтому спрос на различные механизмы постоянно менялся.

Следующим шагом, они решили выпустить чайник с клапаном, который пищал, при закипании. Чайники в Ра производили вручную по секретной технологии из особой глины, которая не меняла вкус чая. Чайной церемонии придавалось большое значение, в тонкостях которых ни Эмма ни горцы не разбирались. В горах принято пить настой из трав, помогающих при недомогании от поднятия на высоту. Горцы были уверены, что их жестяной чайник не сравнится с традиционным, зато его можно было ставить прямоком на жаровню, да и цена производства оказалась намного ниже обычных. Эмма предложила выпустить две отличные партии: одну простую по дешевой цене, и другую с завитушками и украшениями, идущую в комплекте шестеркой подходящих чашечек.

Постепенно, горцы перестали справляться с работой. Пришлось снимать помещения под фабрику и нанимать рабочих. Может, Эмма была слишком осторожна, но под ее руководством никто из посторонних не был осведомлен о всех стадиях производства. В каждом цехе, расположенном в разных концах Яншо, производили отдельную деталь. Горцы наблюдали за сборкой и проверяли качество. Вся информация стекалась к Эмме, как к пауку посреди сотканной паутины.

Она не покидала четырех стен крошечной комнаты. Ее единственное окошко занавесили так, чтобы ни один любопытный взгляд не мог проникнуть внутрь. Значки на бумаге, стали единственной связью с окружающим миром.

Раньше, к горцам заживали соседи и друзья, но после появления Эммы, те закрыли двери дома. Сперва отговаривались сломанной рукой Эрика, затем пошатнувшимся здоровьем Бастинара, а потом знакомые сами поняли намек. Некоторые, не оставляли попыток сблизиться. Особенно усердствовал сосед по имени Яран, который украл дизайн часов. Он подозревал, что братья что-то скрывают, раз не появляются на базаре. Посоветовавшись, они и вправду решили, что лучше всего не привлекать к себе внимания и нанялись посыльными на свои же фабрики.

Жестяные чайники с завитушками, так и остались пылиться на складе, отвергнутые богатыми горожанками. Их окрестили безвкусицей. Зато, обычные свистящие чайники пошли на ура. Их очень любили самые бедные слои населения за то, что вода закипала быстро, а интересный звук привлекал внимание соседей и таким образом, почти каждая семья возжелала для каждодневного обихода певучую новинку.

Деньги текли полноводной рекой. Что интересно, горцы ни разу не усомнились в финансовых решениях Эммы, несмотря на то, что почти ничего не оставалось в карманах. Она без остановки покупала новые здания, проводила ремонт, заказывала сырье, частенько

сидя допоздна над планами города и различными документами. Вернее, горцы как угорелые носились по поручениям Эммы в застиранной одежде с утра до ночи. Так как они не имели права совершать покупки, вскоре бывшие ночные бабочки стали владеть недвижимостью почти в каждом районе.

У каждого города, кроме официальной власти имеется и теневая сторона. Эмма отставила в сторону часть бюджета, чтобы договориться и умаслить преступную сторону. У горцев появился свой символ лотоса, рисуемый алой краской на балке над входом, который узнавали покупатели и не трогала “крыша”. Постепенно, это клеймо начало ставиться на каждый предмет их производства.

Получилось даже запустить систему покупок в рассрочку. Братьям не слишком нравилось отдавать дорогую и сложную в производстве жаровню за смехотворный мешочек медных монет и расписку, но они доверились суждению Эммы. Поначалу, некоторые покупатели не очень-то желали вносить вовремя платежи, но Дагеран создал довольно таки жесткую систему, где после двух напоминаний, жаровню забирали. Теперь каждый месяц тек стабильный поток доходов, позволявший планировать большие закупки.

Следующим пунктом в плане Эммы следовало исполнить мечту Урмана об эксклюзивном магазине, где будут продавать его любимые часы и другие диковинки. Проблема в том, что у дорогого заведения должно быть соответствующее лицо, а в их распоряжении в качестве продавцов были лишь бывшие проститутки да разнорабочие. У горцев никто из уважающих себя богачей или заклинателей ничего не покупал.

Тут, как по заказу, Урману попался несчастный голодный заклинатель по имени Гу Сьяо. После смерти матери, его притесняли домашние, а потом и вовсе выгнал на улицу первый отец, после уличении в краже и интриг против старшего брата. Гу Сьяо не выделялся способностями к управлению Хуа, его каллиграфия не отличалась изящностью, он отвратительно играл на суньми и не умел обращаться с мечом. В общем, он не обладал ни одним из талантов, которыми должен владеть заклинатель. Его детство было сытым и безоблачным под крылом третьего мужа матери, потакавшего любым прихотям Гу Сьяо. Таким образом он вырос совершенно бесполезным, с двумя страстями — первое, он обожал свой маленький садик с редкими растениями и экзотическими приправами, второе — еду во всех ее проявлениях, особенно — готовку.

Если бы Гу Сьяо не был заклинателем, то выглядел бы милым толстячком, так как служил главным дегустатором своих блюд. Магически одаренные невольно корректируют свою внешность при каждом взгляде в зеркало, поэтому небольшая пухлость осталась только в щеках Гу Сьяо. Он был невысокого роста, хорошо сложен, с чуть выющимися волосами.

К сожалению, его погубило то, что он стал любимцем матери и она намеревалась оставить ему поместье в столице вместе с садом, выделив мужьям и старшему сыну загородную усадьбу. Мать стремилась оградить непутевого сына, но вышло совсем иначе — старший муж уничтожил завещание и затаил обиду на любимчика. Гу Сьяо проворонил то, что его нагло ограбили. Он слишком горевал по матери и третьему папе, которые не вернулись из увеселительной поездки.

Обычно второго ребенка отдают на воспитание второму мужу, но в их семье Арлань и мать не сильно ладили, поэтому второй отец тоже не слишком жаловал Гу Сьяо и во всех ссорах вставал на сторону старшего сына.

Так и получилось, что сначала Гу Сьяо потерял свой сад и положение в доме, а потом, когда старшего сына помолвили с Лунной, обвинили в краже заколки и попытки соблазнения невесты.

Непригодный ни к какой работе Гу Сьяо сильно страдал от голода и ночевки под открытым небом. Он даже подумывал жениться на богатой девушке ранга До, но заклинатели упустившие магию быстро теряют привлекательную внешность. Он не хотел вновь оказаться никому не нужным.

Урман нашел его когда возвращался домой с одного из поручений Эммы. Смазливый заклинатель выделялся на фоне обычных бродяг. Урман привел его к воротам дома горцев, накормил досыта и сделал предложение, от которого Гу Сьяо не мог отказаться.

Теперь, у них появился свой лапочка-заклинатель, который сам по себе не слишком хорошо умел думать, но старательно выполнял любую просьбу Урмана. В рекордные сроки они сняли помещения подле центра Яншо, богато и со вкусом украсили, провели шикарный праздник в честь открытия.

— Сестренка, если бы ты видела! Столы ломились под грузом блюд. Жареная баранина на шампурах, запеченная в соли рыба, побеги бамбука под кисло сладким соусом. Сьяо готовит как небожитель!

“Если бы ты видела” — повторялось бесчисленное количество раз каждый день. Эмма ничего не видела и не слышала. Она сидела в четырех стенах и чувствовала, что задыхается. Только дикое желание выполнить задуманное позволяло сохранить ясность мысли. Это, и успокаивающее присутствие Эрика.

Эрик помогал вести учетные книги, разбираться в местных законах, чертить новые изобретения и просто... В мире Ра часто употребляли выражение “сопутствовать”. Это означало, что двое проходят вместе жизнь по всем ее поворотам, подъемам и спускам. Эрик тонко чувствовал тихое отчаяние Эммы от того, что она вынуждена скрываться в узком пространстве. Поэтому, чем бы он не занимался Эрик старался составить компанию Эммы. И ей становилось чуточку легче.

Через три месяца такой жизни, когда летняя жара сменилась осенними ливнями, братья пришли к Эмме, и в первый раз воспротивились очередной ступеньке ее плана — открытию банка.

— Сестренка должна попробовать суп с рыбными шариками, приготовленный Гу Сьяо! — Урман поставил поднос с дымящейся тарелкой, до краев полной ароматным супом, и заискивающе улыбнулся.

Под мышкой третий брат держал свиток, привлечший внимание Эммы.

— Мы тут поискали и нашли... — застенчиво начал Дагеран.

Братья никогда не перечили Эмме, поэтому даже решительному Дагерану нужно было набраться смелости, чтобы обосновать решение, принятое без ее участия.

— Вот план поместья, — нетерпеливо расстелил свиток Урман. — Прощая владелица разорилась, ее наследники долго не могли договориться о продаже и дом стоял пустым. Стены очень высокие и в хорошем состоянии, защищают от посторонних глаз. Четвертый брат заметил интересную особенность — у главного крыла очень высокая крыша. Мы построили закрытый второй этаж специально для сестренки. У нее будет намного больше места и свои окошки. Там очень уютно, правда!

— Какой дом? Когда вы успели? — расстроилась Эмма. — Мы же планировали отправить караван в горы в этом месяце!

В последней войне горы Баолян проиграли плодородные поля у подножий и теперь зависели от импорта зерна из Ра или из империи драконов. Ра задирали цены, стремясь выжать максимум полезных ресурсов из гор. Драконы же с одной стороны не желали открыто злить Ра, с другой помогали Баолян контрабандой.

Когда-то процветающий народ ныне переживал страшный упадок. Смекалистые горцы пытались срочно развить сельское хозяйство: строили террасы и засыпали плодородной землей, но к сожалению, мало какие культуры хорошо росли на высоте четырех-пяти тысяч метров, где располагалось большинство городов горцев.

Параллельно развитию сети магазинов и фабрик, горцы планировали дерзкую операцию по переправке провизии в Баолян. Для этого требовалось не только найти достаточно телег и охранников, но проложить безопасный маршрут, заплатить пограничникам и местным бандитам, координировать, чтобы караван встретили и провели с другой стороны. Все это требовало бездну средств.

Власти отслеживали продажи зерна и риса, так как старались перехватить контрабанду, поэтому Эмма предложила консервы, как способ переправы провизии. Горцы с энтузиазмом провели эксперименты и ныне на складах ждали консервные банки с тушенкой, бобами, рыбой и овощами.

— Сестренке не следует беспокоиться, поместье стоило совсем недорого, так как

находится вдалеке от центра. Эти братья хотели сделать подарок сестренке и приложили немного усилий, чтобы позволить ей жить более комфортно.

Эмма подняла рукав дорогого платья из ледяного шелка. На запястье сверкал созданный из Хуа золотой браслет, переливающийся крупными бриллиантами любимого голубого оттенка. Ее и так баловали сверх меры!

В глубине души Эмме не хотелось сопротивляться подарку. Новый дом означал небольшую отсрочку. Дело в том, что вместе с караваном в горы Баолян планировали переправить и Эмму.

Братья, конечно же, хотели для нее лучшей доли. Они подробно с любовью рассказывали о красоте гор, о бескрайнем звездном небе над головой, об обычае благодарить мать землю пролив несколько капель, прежде чем отпить глоток пива.

Подразумевалось, что Эмме найдут женихов и она заживет как коренная уроженка Баолян. Одна мысль об этом вызывала у нее невольную дрожь.

Когда привычная жизнь рушится и нужно начинать с нуля в новом мире, то человек вынужден встретиться лицом к лицу с неудобными вопросами о том, кто он на самом деле и чего добивается. Эмма раньше жила ради одобрения родителей, поначалу, стараясь получить лучшие оценки, потом карьеру, а после аварии матери стала одержима мыслью о том, как содержать семью. Она никогда не думала о том, чего хочется ей самой. Эмма всегда считала себя ничем не примечательной серостью.

Оказывается, ей нравилось строить с нуля нечто, приносящее пользу. Бросить все это ради того, чтобы жить в горах среди чужаков? Нет уж, спасибо. За прошедшие месяцы у нее было много времени, чтобы придумать совсем другой план. Оставалось попросить об одолжении человека, которому она доверяла больше остальных.

— Раз братья все решили, эта сестра не будет противиться, — ответила Эмма.

Братья оживились, будто только и ждали ее одобрения. Дагеран достал откуда то из-за спины вместительный мешок для риса и призывно приоткрыл его с абсолютно серьезным выражением лица.

Эрик и Урман начали препираться о том, что грубая ткань поранит белую кожу Эммы. Та закатила глаза, так как не считала себя нежным цветком, и быстро полезла в мешок. Дагеран одним движением закинул ее на плечо, послышался шум открываемой двери,

В мешке пахло рисом и мышами. В носу засвербило и Эмма зажала рот, чтобы не чихнуть.

Ее бережно положили на нечто твердое. Послышался любопытный голос соседа Ярана. В последнее время нельзя было никуда выйти без его внимания.

— Куда направляется первый брат с лотком в такую темень? Этот сосед думал, вы больше не появляетесь на базаре.

— Сосед очень приметлив, — едко заметил Урман. — Эти братья направляются продать лоток за ненадобностью.

— Отчего же не продать родным людям, землякам? Этот сосед не против купить и ходить никуда не надо.

— К сожалению, мы уже договорились с покупателем, — равнодушным голосом отметил Бастинар. — Честь горцев не позволит обмануть его. Доброй ночи, Яран.

Повозка дернулась и Эмма почувствовала, что ее куда-то везут.

— Вы совсем забыли этого соседа! — донесся сзади высокий голос Ярана. — Урман, нельзя быть столь злопамятным. Отринь обиды, этот сосед разорился из-за магазина проклятого заклинателя Гу Сяю! Горцы должны помогать друг-другу.

Ответа не последовало, но Эмма услышала довольное фырканье третьего брата. Он

наверное на седьмом небе от счастья. Очередь на настенные часы расписана до следующего года. На фабрике их не соберешь, так как вещь чрезвычайно сложная и красивая. Говорят, даже заклинатели пытались скопировать механизм из Хуа, но у них не получилось. Не поняли принцип действия.

— Да чтоб вы провалились, все равно через центр не пройдете. Там опять столпотворение. Не будет ждать ваш покупатель!

— Это еще почему? — спросил Урман.

Видимо братья были заняты с покупкой поместья и пропустили последние новости.

— Да дуры эти из ранга До своего заклинателя защищают. Императрица его казнить хотела, но они такой шум подняли. Сегодня утром объявили, вы не слышали?

Эмма прикусила щеку. Ей были знакомы всего два заклинателя, и если ради Гу Сьяо никакая толпа не соберется, то вполне возможно, что речь шла об Адаме. Чем он мог разозлить императрицу? Неужели, нечто связанное с Эммой?

У нее похолодело сердце. С тех пор, как она появилось в этом мире ее самые худшие предположения исполнялись. Это точно он! Как бы ей хотелось самой все увидеть! Как надоело скрываться мышью в норе.

— Может, вернемся? — предложил Бастинар.

Дагеран обычно во всем соглашался с Бастинаром, но тут с досадой прошептал.

— Т-ч, Яран, собака, следит за каждым шагом, чтоб его. Если вернемся затребует лоток, а как его продавать вместе с сестренкой?

— Тогда, я полезу прятаться внутрь, чтобы если что отвлечь на себя внимание, — предложил Эрик.

Он как всегда чувствовал, что Эмма боится темноты и закрытого пространства, а от его присутствия ей станет немного легче.

— Этот брат тоже может помочь сестренке! — возмутился Урман, но на него тут же шикнул Дагеран.

Широкая мужская рука легко коснулась бедра в успокаивающем жесте, затем Эрик улегся рядом. После конфуза в ящике, второй брат избегал излишней близости с Эммой. Даже когда они спали в одной кровати ночью, Эрик ложил подушку между ними. Сейчас они вновь оказались в тесном пространстве и оба невольно вспомнили прошлый раз. Эмма задышала чаще, а Эрик прошептал:

— Сестренка беспокоится об Айгуо, не правда ли? Этот брат узнает и расскажет ей.

Эмма даже не удивилась. Они проводили много времени вместе за последние месяцы и Эрик подмечал малейшее изменение ее настроения. И вправду, будто мысли читал.

Она так боялась привлечь внимание, что ничего не ответила. Эрик тихонько погладил ее по плечу, показывая, что он все понял.

Повозка покатила дальше, покачиваясь и подпрыгивая на камнях.

— Где Гу Сьяо запропастился? — забеспокоился Дагеран. — Вечно он опаздывает, обещал же проводить нас.

— Зато он умеет мило извиняться. Луннам нравится, они частенько заглядывают только, чтобы пообщаться с ним и отведать выпечки. Верно, сейчас задерживается, потому что хочет нас угостить, — ответил Урман.

— Не вовремя, — отрезал Бастинар.

— Стойте! — послышался мягкий голос сзади.

— Ну наконец то! — прогремел Дагеран.

— Этот заклинатель не принял во внимания, что из-за прохладных вечеров тесто плохо поднимается. Булочки с зеленым луком и чесноком, отведайте, пожалуйста!

Гу Сьяо теперь жил, на зависть родственникам, в красивом доме. И пусть его работа не считалась престижной, она позволяла ему посвящать время тому, к чему на самом деле стремилось его сердце! Иными словами, заставить Гу Сьяо не жующим было сложно.

Заклинатель умел быть благодарным, и выражал свои чувства единственным доступным способом, закармливая горцев до упаду. Впрочем, они не сопротивлялись.

Эмма слышала, как с Гу Сьяо то и дело здоровались прохожие, а он отвечал очень приветливо, будто встречал старых друзей.

— Ты тоже направляешься на главную площадь? — спросил женский голос с легкой ленцой.

— Этот заклинатель сперва должен доставить заказ, — жизнерадостно ответил Гу Сьяо.

— Тебе было бы поучительно посмотреть, что случается с теми, кто слишком распутен.

— Этот заклинатель не смеет! Этот заклинатель чтит память матушки!

— Этой Лунне по нраву послушные мальчики. Загляну на днях, посмотрю, что новенького привезли в магазине.

— Уважаемая Лу Фуджоу, этот заклинатель всегда рад видеть вас!

— Маленький льстец, уверена, ты столь же приветлив со всеми покупательницами.

Гу Сьяо принялся уверять, что далеко не так, но Эмма своими ушами слышала, что заклинатель, как бездомная собака, вилял хвостом перед каждым встречным.

И тут она услышала другой разговор женскими голосами. Они тоже обсуждали происходящее на главной площади.

— Как же так, его печать разрушена? Я думала он всю жизнь любил одну Йи Пейжи, ей посвящал каждое выступление. Когда она предпочла старшего брата, его сердце было разбито. Все на самом деле ложь? — пожаловался обиженный тонкий голос.

— Как будто нам скажут правду! Вчера он был на вершине, сегодня упал в пропасть, и каждый проходящий может плюнуть сверху. Уверена, он невиновен. Я готова убить за Айгуо! Говорят, во всем виновата та девица в одном исподнем, что стучалась в его дверь. Она демон из преисподней, которая привязалась к нашему красавчику! С тех пор у Лунн рождаются одни мальчики! — с придыханием ответила другая.

— Это только слухи! Я слышала, на самом деле, что он влюбился в простую поклонницу и готов был отказаться от Ши ради любви! — встрял в разговор третий голос.

— Пф-ф-ф, что тут гадать! Красавчику конец, хоть полюбуюсь в последний раз. Его разденут до исподнего, вот праздник для глаз!

— Чтоб у тебя язык отсох! Не дам в обиду красавчика. Говорят, южанка собирает средства для спасения Айгуо, вместо того, чтобы молоть языком раскошелились бы!

— Правда в одном исподнем? Вот бы разглядеть, что у него под одеждой. Моя подруга клялась, что сумела по очертаниям определить один интересный размер.

— Да ты что? Покажи-ка, покажи, скорее!

Эмма зажала уши и закрыла глаза. Слышать этих девиц и вправду невыносимо. Бесстыдницы, разве так можно — человек в беде, а они обсуждают размеры интимных частей тела!

Хотя, следует признать, Адам и вправду щедро одарен природой.

Эмма с силой сжала зубы. Оказалось, все ее плохие предчувствия подтвердились. Она во всем виновата. Адам говорил, что ее появление повлияло на магические потоки. Связано ли переселение души с тем, что перестали рождаться девочки? Не по этой ли причине ее ищут?

Как бы то ни было, Эмма услышала очень важную информацию и поняла, что действовать надо быстро.

— Пожалуйста, Эрик, — прошептала она. — Найди южанку по имени Деви. Передай ей сто серебряных слитков для заклинателя. А потом, отдельно, через уличного мальчишку, записку от меня. Убедись своими глазами, что она получила в руки. Только будь осторожен!

Письмо было написано и запечатано уже месяц назад, но никаких новостей о местоположении Деви не приходило. До поры до времени, Эмма не желала, чтобы братья знали, что в нем написано, поэтому прятала в рукаве, а сейчас достала и поднесла к горловине мешка. Горячие пальцы Эрика мимолетно коснулись, принимая бумаго.

— Этот брат понял, — шепотом ответил он. — Будет сделано.

Перед тем, как покинуть повозку, Эрик прошептал:

— Сестрёнка оценила жизнь заклинателя в сто слитков, весьма щедро. За меня бы не дали и медной монетки.

На сто серебряных слитков семья могла прожить целый год. В распоряжении Эммы была сумма в сотни раз больше, но разве могла она использовать ради Адама деньги предназначенные на караван, и тем самым рисковать голодной смертью жителей Баолян?

За Адама готова вступить целая армия девиц, а кому нужны несчастные горцы?

Теснота лотка, душная темнота и тревога сводили Эмму с ума. Она считала дыхания и с ужасом вслушивалась в происходящее на улице.

— Какие новости? — то и дело спрашивали прохожие друг у друга.

— Красавчик вступил в распутные отношения до свадьбы. Он отказывается назвать ее имя!

Эмма провела с заклинателем одну единственную ночь. Тот раз был для него первым. Эмма вспомнила, как подозревала Адама в том, что тот призвал ее ради намерения затащить в постель. Выходит, все иначе? Он сейчас в беде, потому что помог Эмме привязать душу к новому телу? Но почему? Как единственный раз привел к таким страшным последствиям.

— Какой позор! — истошно закричала другая. — Наш красавчик... Не верю! Он так постоянен в своей любви.

— Даже владелица борделя, Золотая Бабочка, свидетельствовала, что красавчик приходил каждую ночь. Что ты скажешь на это! Я говорю — тьфу на него! Чтоб он у него отсохло! Строил из себя такого чистенького, а на самом деле обманул нас!

— Не может быть!

Эмма уже один раз попала в эту ловушку и была не намерена поддаваться опять. Заклинатели не имеют права вступить в отношения с девушкой ранга До, тогда их магия уйдет водой в песок. Диэр и вправду упоминала, что один из заклинателей приходил

смотреть на девушек... Выходит, это был Адам? Но зачем? Ведь он был девственником когда встретился с Эммой? Что он делал в борделе?

— Императрица приговорила красавчика к смерти за распутство! — слышалось со всех сторон и снаружи поднялся страшный шум.

Смертная казнь? Этот мир слишком жесток!

Эмма чувствовала, что задыхается. Сердце болело за Адама. Вновь дорогой ей человек в опасности, а она должна оставаться безмолвным свидетелем.

— О нет! Бежим скорее. Говорят, южанка будет выступать в его защиту.

— Вот уж и глупо! Я уж точно не дам за его жизнь и гроша!

Эмма похолодела от страха. Она вспомнила, что поручила Эрику передать сто серебряных слитков на спасения Адама. А что если этого ничтожно мало?

Повозка тем временем миновала шумные улицы, свернула к тихим усадьбам. Послышался шум открываемых ворот, затем Дагеран осторожно взвалил ее на плечо и понес куда-то. Эмма слышала шум листвы и журчание ручейка.

Наконец она смогла выбраться из душной мешковины. Эмма тут же нашла глазами Бастинара и схватила его за рукав.

— Пожалуйста, братец! Отправляйся-ка на главную площадь, отнеси тысячу слитков на спасение Айгуо!

Урман в это время встал с другой стороны и пытался привлечь внимание Эммы, но та лишь отмахивалась от него. Она думала, как уговорить Бастинара, если тот не согласится.

— Сестренке не стоит так волноваться, — спокойно произнес он. — Этот брат все сделает.

— На улице темно и ветренно, — нахмурился Дагеран. — У четвертого брата слабое здоровье. Если сестренка не против, этот брат выполнит ее просьбу.

Эмма согласно кивнула, а Бастинар прошептал что-то на ухо Дагерану.

Урман не выдержал и взорвался:

— У сестренки опять лишь красавчик на уме, она даже не осмотрелась, а ведь этот брат так старался ее порадовать!

Эмма постаралась сосредоточиться на словах Урмана, но слезы застилали глаза. Все ее мысли были о происходящем на площади. Если Адама казнят, она не сможет простить себя... Что же делать?

Урман держался за ее рукав и имел вид побитой собаки. С трудом сдерживая раздражение, Эмма осмотрелась.

Просторная комната, размером с весь их прошлый дом, была обставлена элегантно и со вкусом. Резная мебель из черного дерева покрытая шелковыми подушками, низкий столик с дорогим набором для чая, внутренний дворик с белой галькой, посеребренной лунными лучами. А еще пионы, сотни пионов, расставленных в тяжелых расписных вазах в каждом закоулке, наполняющих воздух сладким ароматом.

Эмма и вправду упомянула, что это ее любимые цветы, но ведь сейчас глубокая осень, не сезон! Пионы стоят целое состояние. Не лучше ли потратить эти деньги на спасение Адама? Какое расточительство...

Вслух, конечно же, Эмма не высказала недовольства. Братья горцы из кожи вон лезут ради нее. Даже Урман не хотел ничего плохого, только угодить.

— Большое спасибо, цветы очень красивы.

Воцарилось неловкое молчание. Урман отпустил ее рукав и встал рядом, беспомощно заглядывая в лицо Эммы. Они готовили новое поместье больше месяца, что же сделали не так?

Эмма между тем думала о том, уместно ли спросить о том, возможно ли продать пионы пока те не увяли, или же это оскорбит чувства горца? Посмотрев на несчастное выражение лица третьего брата, Эмма решила промолчать. В голубых глазах мерцали непролитые слезы, пухлая нижняя губа подрагивала. Он выглядел, словно его смертельно обидели.

Дагеран и Бастинар вышли, оставив их наедине. Эмма мяла летучую ткань ледяного шелка на колене, думая о судьбе заклинателя.

— Этот брат давно желал переговорить с сестренкой наедине, какая насмешка, что он не удостоен даже ее взгляда!

Эмма сглотнула и посмотрела прямо на Урмана.

— Если сестренке по нраву голос красавчика, этот брат обучен искусствам, и может развлечь сестренку песней, игрой или даже танцем.

Эмма отрицательно покачала головой. Даже в своем мире, она не слишком увлекалась музыкой, предпочитая точные науки. Урман опять все неправильно понял, но у нее не было сил объяснить его ошибку.

— По правде говоря, этот брат не знает, чем привлечь внимание сестренки. Скоро Эмма отправится на север и забудет про нас. Пусть ей встретятся более достойные, но ни один из них не будет столь предан сестренке, как Урман.

— Я не хочу никуда ехать...

— Этот брат не слеп. Я вижу, что сестра не сводит глаз со второго брата и давно хотел поговорить начистоту. Правда в том, что Эрихмантур уже обещан другой невесте. Они помолвлены с детства, а сестренка ведь понимает, что нет крепче подобных уз. Эта девушка лунным светом освещает душу второго брата.

— Что? — Эмма поневоле вынырнула из кокона безразличия.

Эрик никогда не упоминал никакую невесту.

Еще одна уловка Урмана чтобы привлечь внимание? Или он говорит правду?

— Ее зовут Эльмара, дочь градоправительницы из семьи выше по статусу, богатству и уважению, чем семья Эрихмантура. Красива как небожительница, умна и решительна, подобна чистому жадеиту. Вопреки сплетням, Эльмара благосклонно относилась ко второму брату, а тот старался изо всех сил соответствовать. У нас в горах человек меряется по отношению соотечественников. Второй брат хотел заслужить уважение поэтому старался помогать во всех тяжелых работах, не жалея сил. Говорили, все чего он касался, получалось на славу. Постепенно, он стал вхож в городской совет и даже почтенные лунны прислушивались к его мнению. От рассвета до темной ночи второй брат трудился, чтобы стать достойным невесты. Первый на охоте, первый в чтении работ мудрецов, первый в состязаниях по механизмам! Сколько надежд было возложено на него! Сколько людей прочили светлое будущее молодым! Эльмара не смотрела на других достойных женихов, один Эрихмантур был в ее глазах. Но второй брат ненадежен, я много раз говорил тебе сестренка. Он своими руками разрушил все, что построил.

— Ты говоришь о суде?

Эмма никогда не забывала о преступлении второго брата, но до сих пор о том давнем деле не говорили прямо, а по намекам ей не удавалось создать полную картину.

— Разведчики привели голодного мальчишку родом из равнин. Лунны в совете подозревали, что он шпион, но Эрихмантур пожалел оборванца и взял его под поручительство. Мальчишка приклеился к нему как репей, а тот и был рад. Знай водил его везде и показывал все секреты горцев. Известно, что самым большим сокровищем ныне являются вовсе не залежи руды и не хитрые поделки, а запасы продовольствия на зиму. Второму брату по статусу были доверены ключи, их-то и украл мальчишка, пробрался в амбары, окатил все горючей жидкостью и поджег. Полыхало так, что сгорело полгорода, погибло девять человек в попытках потушить. Зима настала суровой, старики и дети не пережили голода, включая младшего брата Эрихмантура. Второго брата судили за халатность и предательство, ведь он поручился за малолетнего шпиона из Ра. Кстати, тот сбежал в суматохе. На суде второй брат не промолвил ни слова в свою защиту, даже когда Эльмара отказалась от помолвки. В него кидали протухшей едой, его даже пришлось посадить в клетку, чтобы защитить от людской ярости. Говорят, перед тем, как быть сосланным с гор, он просил Эльмару взять его младшим наложником, если сможет искупить вину. Он до сих пор надеется к ней вернуться, сестренка.

Эмма тяжело вздохнула. Что тут сказать, если Эрик поплатился за свою доверчивость? Притом, он совершенно не изменился, и при первой же возможности бросился спасать неизвестную бродяжку от стражников. Он повторил ошибку, за которую горько расплатился. Она обязана его доброте жизнью.

— Вот так сестренка, — продолжал Урман. — Не лучше ли перенести свое внимание на того, чье сердце свободно? На того, кто готов довольствоваться и толикой чувств?

— Нет, — покачала она головой. — Ты достоин большего, Урман и прилагаешь усилия попусту. Эта сестра никогда не примет ваших обычаев. Я не сумею быть хорошей женой... Если бы ты знал, как фальшиво звучат твои признания! Если бы ты видел меня раньше в моем собственном теле, то не обратил бы внимания. Только потому, что по воле случая у меня появились магические силы. Без них я бы продолжала быть пустым местом. Нет,

Урман, поверь, будет лучше, если мы просто останемся братом и сестрой. А по поводу Эрика... Ты был честен со мной, поэтому откроюсь тебе — со вторым братом у нас был похожий разговор. Его сердце занято, и эта сестра отступила.

— Ты не собираешься брать его в мужья? — обрадовался Урман.

— Нет. Он этого не хочет, — честно призналась Эмма.

После разговора Урман заметно оживился. С щек ушел лихорадочный румянец, уголки губ чуть приподнялись. Он мог по праву занимать место самого красивого из братьев, с самыми тонкими чертами лица и большими голубыми глазами. По правде говоря, он вовсе был не плох. Со сложным характером и излишне мнителен, но кто идеален?

В комнату вернулся молчаливый и бледный Бастинар. С тех пор, как появились деньги, Эмма не раз предлагала ему визит к лекарю, но четвертый брат отвечал, что его болезнь наследственная и не поддается лечению.

— Сестренка все еще тут? Ее могут увидеть, — отметил Бастинар безжизненным голосом.

Четвертый брат был прав. Полукруглые окна выходили на внутренний дворик, откуда помещение легко просматривалось. Последние месяцы она провела в тесной маленькой комнатухе, при любых посторонних скрываясь в ящике. На единственном окне ставни всегда были полузакрыты, погружая помещение в полумрак. Она в первый раз оказалась в просторной комнате и чувствовала себя неуютно.

Урман указал на потолок, состоявший из тонких реек. Тут и там висели декоративные перегородки из бамбука с нарисованным распустившимся лотосом.

— Там что-то не так? Ничего не вижу, — пробормотала Эмма.

— Ага! — радостно воскликнул Урман. — Этот брат усердствовал над потолком. Смотри сюда, сестренка.

Откинув светлую прядь со лба, Урман вскочил на ноги и ловко достал из-за ширмы узкую лестницу. Затем ткнул в одну из перекладин и она сдвинулась в сторону, открывая круглый лаз, совершенно не заметный прежде из-за плотно пригнанных реек.

Эмма залезла первой и ахнула от восхищения.

В ее распоряжении был целый чердак, незаметный снизу, размером с целую квартиру. Во всем чувствовалось внимательность братьев — стол для работы был выше обычных, точно, как она мечтала, чтобы сидеть за стулом привычной высоты. Широкая кровать, стол, этажерка для многочисленных документов. И мерцание звезд за окном, как она соскучилась за внешним миром!

Эмма подошла к окну, всмотрелась в даль. Тут и там россыпь сверкающих звезд закрывали черные очертания деревьев и изогнутые линии крыш. Эмме хотелось пронзить взглядом темноту до самой центральной площади, где решалась судьба Адама. Сердце пронзило острое сожаление о том, как мала сумма на его спасение. Эмма прикоснулась лбом к рейке и взмолилась местным богам, чтобы те пожалели жизнь заклинателя. Ей показалось, что ветер донес рев встревоженной толпы и все внутри сжалось от нехорошего предчувствия.

Урман устал ждал похвалы за тщательно и с любовью собранный стол. Он подошел и захлопнул ставню перед носом Эммы.

— Ночью дует холодный ветер, сестренке нужно поостеречься.

Эмма, так погрузилась в переживания, что вздрогнула от испуга.

Она вновь напомнила себе, что третий брат не желал плохого, всего лишь притягивал к

себе немного внимания, но что-то в ней сломалась и Эмма осела на пол, горько разрыдавшись.

— Я ничтожество, полное ничтожество, — горько повторяла она.

Урман замер рядом, не зная, чем помочь. В редком приступе озарения, ему удалось правильно угадать причину слез.

— Сестренка переживает из-за смазливового заклинателя?

И тут же вновь ляпнул совершенно черствое:

— Лучше забыть о нем. Поклонницы больше всего любят губить прошлых кумиров.

Эмма спрятала лицо в ладони и повернулась спиной к Урману.

Рядом на пол мягко опустился Бастинар. Он безмолвно протянул белый шелковый платок, который Эмма приняла с благодарностью. Четвертый брат сухо сказал:

— Ничего еще не решилось, следует ждать новостей. Сестренке нужно набраться терпения. Третий брат, принеси персиковых пирожных с розовыми лепестками. Ты лучше печешь, чем владеешь словами.

Эмма глубоко вздохнула и понятливо кивнула, показывая Бастинару, что услышала его доводы.

Урман в ответ упрекнул Бастинара в том, что тот не прикрыл ставни перед тем, как подниматься наверх к Эмме. Им необходимо быть осторожными и охранять безопасность сестры. Эмме следует привыкнуть поднимать бамбуковую лестницу и держать лаз на второй этаж закрытым и невидимым снизу.

Таким образом третий брат выражал свое сожаление тем, что довел ее до слез.

На первом этаже послышались громкие топающие шаги. Эмма хорошо различала походки братьев, это вернулся Дагеран. Эмма встрепенулась, и зашарила руками по полу, в поисках щели, чтобы убедиться своими глазами. Бастинар показал Эмме хитро спрятанные оконца, позволяющие видеть все, что происходит внизу. Дагеран стоял внизу задрвав голову, рассматривая потолок с взволнованным лицом.

— Скорей! — Эмма метнулась к лестнице. — Какие новости?

Дагеран взлетел вверх, все еще задыхаясь от бега.

— Этот брат исполнил поручение сестренки, еще добавив сверху десять тысяч от меня и четвертого брата. Если сестренке важно спасти этого заклинателя так и будет! Его чуть не растерзали, но в последнее мгновение удалось заменить вердикт на заточение. Он жив!

— Жив? — переспросила Эмма, и прошептала как заклинание: — Он жив.

Урман поднялся следом, держа в одной руке поднос с пирожными.

— О нас сестренка будет так же переживать?

Эмма тут же испугалась:

— У нас же нет такой суммы, все вложено в фабрики и магазины! Как тебе удалось достать столько серебра?

Дагеран лишь пожал плечами.

— Я договорился с Гу Сьяо, он заложил магазин за слитки.

— Что? — вскричали одновременно Урман и Эмма.

Эмма вцепилась в волосы, Урман застонал, как раненный зверь. Третий брат не смел противостоять первому, поэтому шепотом запричитал, перечисляя свои обиды. Магазин считался его личным детищем, он каждый день утром днем и вечером навещал его и томно заглядывал через окна и задний двор, не смея войти внутрь и потревожить покупателей присутствием горца.

Не смотря на то, что они жили вместе уже несколько месяцев, Эмма все еще попадала в ситуации, когда ей с трудом удавалось подобрать слова.

— Но как же... — пробормотала она, с недоверием глядя на Дагерана. — Почему? Вы рискуете своими соотечественниками ради чужака? Не понимаю.

— У нас говорят, что одна жизнь это целый мир. Кто мы такие, чтобы назначать цену?

Раз сестренке важен этот человек, то наша честь диктует сделать все возможная.

— Только не моя честь! — вставил Урман.

Эмма накрыла ладонью рот. Глаза вновь наполнились слезами. Она порывисто выпрямилась и обвила руками мощную шею Дагерана. Тот осторожно похлопал ее по спине.

Если бы ситуация была обратной, проявили бы жители Ра подобное благородство по отношению к горцам?

— Где второй брат? — чуть успокоившись, Эмма тут же встревожилась об Эрике. — Эта сестра послала его со схожим поручением, но тот еще не вернулся.

— Первый брат виноват, — пробасил Дагеран. — Он не разглядел в толпе Эрихмантура. Там нынче драка между девицами ранга До. Крик страшный стоит, вцепились в волосы друг друга, стражники боятся подступиться.

Бастинар легко дотронулся до плеча первого брата.

— На улице холодно, идем, этот брат налил горячий суп.

Они спустились вниз, захватив с собой Урмана, и Эмма осталась в тишине. Она открыла ставни и с тоской взглянула на звездное небо, позволив ночному ветерку приласкать щеки.

Она думала об Адаме. Теперь, через несколько месяцев в этом мире, она стала лучше понимать его жителей и история с заклинателем представилась ей совсем в другом свете. Эмма вспомнила подсмотренную сценку во внутреннем дворике, и осознала, что поняла ее превратно. Что с того, что Адам принял приказ жениться на белокурой двойнице? Разве мог он отказать? Имел ли право проявить непокорность?

В отличие от заклинателей, у горцев браки заключались по любви. Мужчины пользовались относительной свободой, без всякой печати. Даже разведенные, подобно Урману, могли искать новую жену.

И все же, какими бы свободолюбивыми и гордыми не считали бы себя горцы, в их культуре положение магически одаренной женщины неизмеримо выше. Допроси Эмма прямо жениться, даже Эрик не посмел бы отказать. Как бы не хранил светлый образ прежней любви в своем сердце.

Эмма на мгновение захотелось отдать подобный приказ и сделать Эрика своим, но она тут же подавила этот порыв.

Конечно Адам должен был изобразить радость от подобной чести перед золовкой! Он не мог поступить иначе, особенно если хотел защитить Эмму.

Теперь Эмма знала, что у заклинателей в Ра принято накладывать на мальчиков при рождении особую печать. Эта традиция началась во время великой войны, а потом стала частью традиций. Способность к магии многократно усиливалась, но и плата была не малой. На самом деле, заклинатели становились накрепко привязанными к женам, и даже смерть супруги не могла освободить их, ведь после наложения печати заклинатель не мог быть близок ни с кем другим, кроме той, с которой провел первую ночь.

Поэтому заклинатели блюли девственность почище средневековых дворянок. Бывало, Лунна победнее соблазняла заклинателя из хорошей семьи, и тогда заключался поспешный брак. А если несчастного бросали после первой ночи, то ему оставалось идти на платонический брак, в котором его ожидала судьба слуги на побегушках.

Адам отдал Эмме девственность, тем самым подписав себе приговор.

Эмма горько усмехнулась, вспомнив, что ей казалось, что наоборот, Адам специально старался влезть в ее постель...

Раньше она считала себя жертвой заклинателя, и хранила обиду в своем сердце. Что же

ей оставалось теперь? Жалеть его? Злиться на себя за импульсивное решение сбежать? Если бы она осталась в его домике, если бы дождалась, то может быть его бы не судили сегодня на площади. Иногда один импульсивный порыв приводит к непоправимым последствиям. Но тогда бы в ее жизни не было бы горца...

Мысли Эммы вернулись, как всегда, к Эрику и она тоскливо вздохнула. Сердце сжалось от предчувствия беды. Само ее присутствие навлекло на Адама катастрофу, что же будет с горцами? Адам был богат, любим и знаменит, но одна ошибка привела к полному краху. А что защитит братьев?

Она подумала о письме, которое долгие недели жгло кожу под одеждой. Теперь оно в руках Эрика. Смог ли он передать его по адресату? Будет ли ответ тем, что она надеется, или это очередной просчет с ее стороны?

Минуты тянулись в темноте и горькие мысли окутали Эмму сплошным липким коконом. Ее лоб покрылся холодным потом, а сердце лихорадочно стучало. За стеной усадьбы прошел человек с колотушкой, огласивший окончание часа крысы и начало часа быка. По привычному времени перевалило за час ночи. Она прикусила щеку и положила голову на локоть, не сводя глаз с силуэтов кустарников внизу.

Только в три часа ночи, она заметила шевеление, а потом знакомые быстрые шаги внизу, отозвавшиеся ликованием в груди. Эмма открыла круглый люк и спустила вниз лестницу. Сильные пальцы ухватили перекладину, затем показалась светлая голова. Когда Эрик уперся коленом в пол ее чердака, Эмма не выдержала и крепко обняла его, вдыхая знакомый запах кузницы и мускуса, к которому сейчас примешалась изрядная доля пыли.

— Этот брат так и знал, что сестренка будет волноваться. Это моя вина, прости, пожалуйста, но я не мог вернуться раньше. За мной следили... Ай-йя, сестренка, что с тобой? Тебе было так плохо, а братья-дураки бросили тебя одну? Я третьему уши оторву. Эмма, посмотри на меня! Эмма!

Она виновато подняла лицо.

— Сестренка, что же ты? Этот недостойный жив и в твоём распоряжении. Твое поручение выполнено наилучшим образом. Сейчас все расскажу... Нет, ты расстроена чем-то другим. Что тебя мучает?

Эмма спряталась у него на груди, стараясь скрыть хлынувшие слезы.

— Этот брат понял в чем дело. Айгуо... Сестренка, послушай, если будешь брать на себя вину за несправедливость мира, хребет надломится. Заклинатель не смог бы защитить тебя, ты поступила правильно убежав тогда. Подумай сама, раз тебя ищут, то расследовали твоё появление в этом мире. Может императрица была в курсе экспериментов и желала знать о результатах... Она послала ищеек, а те разузнали столько деталей — и твою внешности, и то, что заклинатель пытался укрыть тебя. Разве было бы лучше, если бы ты попала в их лапы?

Как всегда Эрик прочитал ее словно раскрытую книгу и сумел подобрать утешающие слова.

— Может у него был план, — хрипло сказала Эмма. — А я подвела его.

Эмма обвила руками тонкую талию Эрика и еще плотнее прижалась щекой к крепкой груди. Горец опустил руку на ее макушку.

— Тогда я не повстречал бы тебя, — повторил он ее мысли.

Они оба замолчали. Эмма почувствовала, как в присутствии Эрика нервный ком в животе рассеялся, и в голове потихоньку прояснилось. Доводы Эрика показались разумными, может быть и вправду ей удалось ускользнуть от худшей участи?

— Кстати, сестренка... Почему ты не сказала, что желаешь обменяться телами с девушкой из Оду? Эта Деви, получив твоё письмо, чуть с ума не сошла, набросилась на меня с вопросами, а этот брат выставил себя полным посмешищем. Хотя так даже лучше, меня посчитали дурачком и мне удалось убежать из под слежки.

— Я не знаю никого умнее тебя, — буркнула Эмма.

И это было правда. У Эрика был невероятно пытливый ум и ему нравилась математика. За несколько месяцев их знакомства, он выучил материала за три года высшего образования и даже подал несколько идей по открытым вопросам в области симплектической геометрии.

— Деви готова хоть сегодня забрать тебя в Оду и там провести ритуал, но я попросил месяц отсрочки. Подумал, что сестренка не захочет бросать начатые дела, но если этот брат слишком дерзок, чтобы решать за тебя, то...

— Уже через месяц? — Эмма покачала головой. — Так быстро? Дагеран заложил магазин, у нас долг в десять тысяч, а караван не собран. Как я могу уехать? Это была глупая

идея.

Она по привычке вцепилась в рубашку Эрика и спрятала лицо у его плеча, стремясь укрыться от острого чувства вины. Ей хотелось, чтобы он отговорил ее безумного поступка, но Эрик лишь тихо прошептал у ее уха.

— Если сестренка желает оказаться в новом теле, ей не придется больше скрываться.

Именно в этом заключалось дикое желание Эммы. Оказаться на свободе. Вновь наслаждаться солнечным светом, ходить по улицам, самой заботиться о себе. Ее мучило лишь то, что своим эгоистичным желанием она рисковала благосостоянием горцев.

— Только... — продолжил Эрик. — Этот брат желает быть уверенным, что сестренка понимает намерения южанки. Уже много лет всей столице известно, что Деви страстно влюблена в Айгуо. С тех пор как она в первый раз появилась сопровождая отца, и услышала пение Айгуо, то в ее глазах был только он. Говорят, что в ту ночь она не сдвинулась с места, словно пораженная молнией. Потом осыпала его и богатыми дарами, и караулила возле ворот поместья и пользовалась влиянием племени, чтобы добиться и мимолетной встречи. Твой заклинатель непоколебимо оставался верным Лунне Йи Пейджи.

— Он не мой, — покачала головой Эмма.

— Если Деви обменяется с тобой телами, она сможет наконец заполучить Айгуо. Теперь, когда он потерял честь и оказался в тюрьме, его жизнь больше не имеет особого значения для императрицы.

Эмма поняла, что имел в виду Эрик. Из-за действия печати Адам теперь привязан узами к Эмме и может быть близок только с ней. Но если Деви заполучит ее тело, то сможет наконец вкусить сладость губ заклинателя.

Южанка получит заклинателя, а Эмма свободу.

Горец немного отстранил Эмму, чтобы заглянуть ей в глаза при призрачном свете звезд. Ей показалось, или он искал отклик ревности?

— Главное, пусть будет жив, — заключила Эмма.

Словно высшие силы услышали о финансовых затруднениях горцев и решили оказать посильную помощь. Столицу захлестнула мода на продукцию горцев. Фабрики срочно достраивались и работали чуть ли не круглосуточно. Работников добирали и обучали сотнями. Появились и первые подделки кухонных приборов, но конкуренты не справлялись с количеством заказов и большинство прибыли все равно текло в карманы Эммы.

Всего этого богатства было недостаточно, чтобы перекрыть рваную дыру в бюджете, оставленную спасением Адама. Осень подходила к концу, погода портилась, а в с первыми заморозками пути в горы становились непроходимы для караванов. Время утекало сквозь пальцы, Эмма зарылась в гору бумаг и контролировала бесчисленные перебои и проблемы возникающие в многочисленных фабриках. Эрик разрабатывал новые модели, Урман занимался персоналом, Дагеран следил за производством, а Бастинар отслеживал счетовые книги.

Деви чуть ли не каждый день передавала записки через подставных лиц и старалась отследить горцев. Эрик заперся вместе с Эммой на втором этаже и не казал носа на улицу. Может они были слишком осторожны, но в воздухе витало предчувствие беды, которое сопутствует любому стремительному успеху.

Две недели пролетели как один день, но тут сопровождающие караван наемники затребовали внушительный задаток. Патруль границ усилился и вырос риск, следовательно и вознаграждение должно возрасти, но у горцев не было на руках достаточно наличных. Бастинара послали уговорить наемников немного подождать, обещали заплатить с процентами, но те накрепко стояли на своем и грозились отменить сделку. Товар застоялся на складах, в любой момент ревизоры могли обнаружить консервы и припасы. Горцы старались не паниковать, но Эмма чувствовала, что на нее обращены их надежды.

И тут, как гром посреди ясного неба, поступил щедрый государственный заказ с астрономической суммой вознаграждения. Только задаток не только спонсировал бы два каравана в горы, но и помог бы отстроить огромную текстильную фабрику. По подсчетам Эммы, доходы позволят содержать небольшую горную провинцию.

Была лишь одна проблема — заказ был на военную форму. Горцам предлагали одевать армию, которая в будущем собиралась захватить их собственные дома. Ныне между соседями царил шаткий мир, но Ра не желала останавливаться на недавно отвоеванных пригорьях. Правительство поощряло ненависть к горцам и драконьей империи.

Дагеран проголосовал против заказа. Обычно его решение как старшего означало конец переговоров, но тут неожиданно вмешался Бастинар.

— Ткань не оружие. Не вижу причин отказываться от золота Ра, если его можно потратить на горы Баолянь.

— Если глупцы готовы платить, почему бы не опорожнить их карманы? — поддержал Урман.

— Они кто угодно, но не глупцы! — вмешался Эрик. — Если мы вовремя предоставим форму, то будем ответственны за нападение на родину. Кто мы будем, если не предатели?

— А если сорвем заказ, то сами будем идиотами. Военная верхушка те еще мрази. Прежде чем вздернуть, они заставят пожалеть о том, что появились на свет, — прогудел Дагеран.

— И все же, — мягко проговорил Бастинар, положив бледную ладонь с длинными пальцами на предплечье Дагерана. — Есть неочевидные способы испротить форму. Мы знаем горы лучше всех. Это наш шанс защитить их.

— Что думает сестренка? — поднял глаза на Эмму Дагеран.

За последние месяцы братья все больше и больше доверяли ее суждению.

— Образцы будут проверять на качество, — хмыкнула она.

— В горах дует пронзительный ветер, — вкрадчиво сказал Бастинар. — Есть теплые на вид ткани, которые не защитят от морозов.

Все замолчали, обдумывая предложения Бастинара.

— Это может сработать, — заключил Дагеран.

Братья поднялись, чтобы разойтись, но Эмма жестом попросила присесть обратно. Последние дни выпали суматошными и она никак не могла подорать время, чтобы посвятить братьев в свои планы. Ей было тяжело подобрать слова и рассказать о том, что она собирается на юг обрести новое тело.

Бастинар легко кивнул и согласился с доводами Эммы.

— Прошло уже столько времени, а сестренку все еще ищет стража. Будет лучше спрятаться под чужой личиной.

Глаза Урмана заблестели от непролитых слез.

— Сестренка так красива, наверное, ее сердце болит от подобной жертвы!

Дагеран же, сжал руку в кулак и ударил о колено.

— Этот брат будет сопровождать сестренку!

— Нет, нет! — возразила Эмма. — Первый брат нужен тут для надзора над заказом. Без Дагерана все рухнет.

Урман принялся беззастенчиво продвигать себя в сопровождающие Эммы, но он тоже оказался незаменим в производстве. У него был отличный глаз в наборе кадров, и наблюдении за работниками. Кандидатуру Бастинара никто не рассматривал, так как его здоровье было слишком слабым для длинного путешествия. Эрик молча смотрел на Эмму, а она на него. С тех пор, как они встретились, й то ни одну ночь не провели раздельно.

— С Эммой поеду я, — сказал он.

Эмма отвернулась, чтобы скрыть румянец на щеках. Ее захлестнула горячая волна от звука собственного имени во рту Эрика и от того, как твердо он заявил о своих намерениях.

Так и получилось, что через две недели в полночь Эмму перевезли к месту встречи спрятанную в лотке. Подле неприметного дома стояла закрытая повозка. Ее охраняли военные со смуглой кожей. Их головы покрывали тюрбаны, в поведении чудилась южная гордость. Эмме удалось перехватить оценивающий взгляд одного из них, когда она забралась внутрь. Эрик последовал неразлучной тенью прямо за нею.

Деви ждала внутри, покручивая на пальцах тяжелые кольца. За последние месяцы она чуть похудела, скулы резко обозначились на красивом лице. Она все так же красила губы в ярко красный цвет и вся звенела от обилия золота и заколок. Эмма почувствовала на себе ее оценивающий взгляд. Деви осталась довольна увиденным.

— Променяла красавчика на горца? — спросила южанка и тут же ответила. — Отвратительный вкус.

Эмма проглотила укол и подавила порыв выпрыгнуть прочь. Рука Эрика нашла ее потную ладонь и крепко сжала, выражая поддержку. У них не было выбора.

На прошлой неделе Гу Сьяо женился на той самой рослой Лунне, которая встретила им по дороге в день суда над Адамом. Гу Сьяо стал почетным вторым мужем и, пусть не светился счастьем, но был доволен подобной судьбой. На самом деле, он не осмелился противиться настойчивым ухаживаниям. Проблема заключалась в том, что новая женушка рассчитывала на богатое приданное. На бумаге магазин был записан на Гу Сьяо, а она теперь считалась его хозяйкой, следовательно желала и долю доходов.

Мягкотелый заклинитель умел вкусно готовить и привечать покупателей, но не мог противостоять жене.

— Мне очень жаль, — только и сказал он разгневанному Урману, прижимая к животу корзинку с пышущими жаром булочками.

Урман бросил мясные пирожки в лицо заклинателю и зарыдал.

Не только магазин, на имя Гу Сьяо было записано множество лавочек и фабрик. Его новая жена как овчарка шла по следам документов, желая присвоить как можно больше из имущества горцев. Дело времени, пока она обнаружит государственный заказ и выдерет с мясом добычу.

Это был крах только затеплившихся надежд.

Проклинать Гу Сьяо не имело смысла. Он и так имел жалкий вид и просил у всех прощения.

Единственный выход — занять нового заклинателя.

Невозможно в столь короткий срок найти надежного человека.

Вся надежда была на Эмму и ее авантюру.

Она собиралась променять свое тело, а под новой личиной стать законопослушной Лунной и принести присягу императрице. Потом, записать на себя все, что построили тяжелым трудом горцы. Пусть новая жена Гу Сьяо подавиться тем, что отобрала. В конце концов, можно открыть новый магазин — старый ведь ничего не стоит без работ загадочного отшельника, которым являлся Урман.

Ради горцев ей нужно все вытерпеть и успеть вырнуться вовремя. Эмма открыла рот, чтобы узнать, когда сможет вернуться, но вместо этого сказала совсем другое.

— Как он? — спросила она Деви.

Южанка захлебнулась словами и неодобрительно уставилась на переплетенные с Эриком пальцы. Потом отвернулась к занавешенному оконцу повозки и равнодушно произнесла.

— Он жив моими стараниями.

Они мало разговаривали после этого. Деви, поразившая Эмму говорливостью в первую встречу, захлопнулась словно устрица. На вопросы не отвечала, лишь когда Эмма с тревогой сообщила о том, что ее ищут по всей столице, отмахнулась и сказала, что обо всем позаботится.

Повозку оставили в первом же городке за пределами столицы. Деви путешествовала с диким количеством багажа и сопровождающих, поэтому они остановились на ночь ждать остальные телеги со скарбом. Эмму переночевала в одном обитых железом сундуков. Деви было намекнула, что для подобных предостережений нет нужды, но потом лишь махнула рукой и позволила Эрику поступать, как считает нужным.

Эрик же трясся над Эммой, как над сокровищем. Его насторожило поведение Деви, не говоря уж о непокорном нраве охранников. У каждого из них был магический дар, но они не проявляли к Эмме должного (по мнению Эрика) уважения. Эмма же наоборот не видела ничего превратного в том, что один из стражников отозвался о ней как о девчонке.

— Ничего, — сказала Деви. — После ритуала ты станешь одной из нас и к тебе будут обращаться по имени.

Они погрузились в безумно дорогой магический экипаж с шестью механическими конечностями. Деви сказала, что он способен домчать их до южной границы за двое суток. Южанка и раньше отличалась расточительностью, особенно, когда отец отзывал ее домой, поэтому подобная роскошь не привлекла особого внимания.

Огромный вагон с шестью ножками вместил в себя все многочисленные сундуки и коробки Деви, а также дюжину охранников и четыре служанки. На самом деле, Эмма не смогла установить статус пожилых женщин, которые наблюдали за ней с Эриком, затем перешептывались и хихикали в ладошки.

В какой то момент старушки, ведущие себя как девочки подобрались к Эмме и принялись, подобно Деви в первую встречу, перебирать ее волосы и пробовать кожу на упругость. Эрик напрягся, но не посмел вмешиваться, так как все четыре являлись луннами и не причиняли Эмме прямого вреда.

— Наша Деви близка к земле-матушке, раз ее молитвы были услышаны, — с придыханием сказала морщинистая сгорбленная бабушка.

— Нам очень повезло ш-шнискать на ш-шебя милость Деви, — поддакнула беззубая подружка, приняюхиваясь к Эмме.

Деви подошла к Эмме и бесцеремонно отбросила сухие ручки старушек.

— Даже не думайте! — заявила она. — Никому, кроме горца не позволено приближаться к ней ни на шаг.

— Конечно, Деви, — поклонилась одна из них.

— Смилуйся, Деви, — кокетливо дернув алую юбку, попросила другая.

Даже охранники мигмом пристыженно отвели взгляды и больше не смели пересмеиваться между собой.

Послышался скрежет, вагон качнулся и поднялся вверх, вытягиваясь на лапах. Эмме ужасно хотелось выглянуть в окно, но она подавила любопытство, лишь крепче прижалась к Эрику. Деви наоборот, встала и подошла к полукруглому оконцу у узкого края вагона.

Она вытянула руку и из ладони прямо в стенки полился нестерпимо яркий жгучий свет.

Сидя на другом конце, Эмма чувствовала потоки магической силы, в тысячи раз сильнее тех, что использовала в преображении Хуа. По мере впитывания энергии в металл, вагон набирал скорость. Слышалась тяжелая поступь металлических лап, но само помещение лишь чуть покачивалось.

— Что это? — спросила Эмма шепотом у Эрика.

— Это великая сила Лунн, сестренка, — вздохнул Эрик. — Этим Лунны и отличаются от заклинателей, они умеют управлять чистой Ши.

Эмма поднесла руку ко рту, чувствуя себя глубоко обманутой. Все это время взаперти, чувствуя себя совершенно беспомощной, она могла делать так?

Старушки-служанки упали на колени, в глубоком поклоне в сторону Деви. Охранники тоже склонили голову вниз в знак уважения.

— Нравится? — громко спросила южанка. — Ни одна из жалких Лунн Ра не сравнится с силой Оду. Скоро и ты станешь одной из нас. Твой горец чувствует, что грядет период хаоса. Только в Оду можно найти убежище.

Служанки согласно закивали, а Эмма поежилась от нехорошего предчувствия. Ей показалось важным прояснить все детали, прежде чем ввязаться в обмен тел.

— Деви, позволь узнать, смогу ли я покинуть Оду после ритуала?

Деви фыркнула и откинула назад густую копну волос, наполняя пространство мелодичным перезвоном от маленьких бубенцов в волосах. На смуглом лице появилось выражение жалости смешанное с превосходством.

— Зачем тебе жизнь, полная страданий? Обещаю, Эмма, — Деви выделила последнее слово, а при звуке ее имени старушки ахнули. — Дарующие тела живут припеваючи. Даже те, кто понесли наказания, удостоиваются места подле дарующих жизнь.

Старушки согласно закивали и принялись поддакивать и наперебой хвастаться, как им привольно, сладко и тепло живется.

И тут до Эммы с ужасом дошло, что эти женщины находятся в чужом теле!

Ей тут же захотелось поговорить с каждой из них наедине, узнать, кем они были до этого и по какой причине обменялись телами. По рассказам Деви, ритуал нельзя провести против воли, но кто согласится по собственному желанию стать глубоким стариком?

— Я должна вернуться в Ра, — упрямо сказала Эмма.

Деви взмахнула рукой, всколыхнув газовые алые одежды, увешанные золотыми цепочками.

— Мне нет дела до того, что ты будешь делать после. Хоть голову в пасть дракона засовывай.

Железный короб весь день семенил по дороге на одном заряде из руки Деви. Длинные механические конечности легко перешагивали через едущие навстречу телеги и караваны. Эрик обследовал строение короба и настроил примерную схему.

— Десять заклинателей должны пять лет собирать Хуа для подобной махины. Чтобы преобразовать необходима цепочка из пяти преобразователей, да еще мысли должны находиться в полной гармонии. Невероятное творение! — с восхищением поделился своими мыслями с Эммой.

Старушки по дороге переплетали волосы Деви и красили ее ногти. Казалось, весь смысл их существования сосредоточился на ее персоне.

Эмме было довольно занятно и странно наблюдать за ними. Ей довелось на своем веку повидать обслуживающий персонал. Она работала официанткой и убиралась в богатых домах. По ее опыту, слуги не уважали своих нанимателей. Ей частенько удавалось слушать пересуды наемного персонала, которые перемывали косточки богачам.

Но эти странные старушки-не-старушки и вправду боготворили Деви и спешили удовлетворить любую ее прихоть. И это при том, что сама она относилась к ним как пустому месту или как к предметам обихода.

Эмме очень хотелось поделиться наблюдениями с Эриком, но она прекрасно осознавала, что за каждым движением пристально следят.

Вечером перед закатом, их повозка на ногах отошла от дороги в лес, и там на широкой поляне со скрипом опустилась вниз.

Первыми наружу вышли охранники, чтобы проверить на безопасность. Затем окликнули служанок, те захватили ковры, подушки, мешки со снедью, и заковыляли вон, не переставая перебрасываться фразочками и хихикать. Следующей, величественно и неспеша, вышла Деви. Только после того, как все удостоверились, что в ближайшем окружении нет ни одной живой души, позвали гостей.

Эмма не могла сдержать улыбки, когда ступила на жухлую траву. Тут было заметно теплее, чем в столице, и на деревьях не успела облететь листва. Эмма залюбовалась алым, багрянцем и лимонно-желтым цветом в лучах заходящего солнца. Прозрачный воздух, тишина, нарушаемая лишь негромкими голосами, запах леса после дождя... В груди разлилось ощущение тихого счастья, особенно, когда Эрик молчаливо встал рядом так близко, что Эмма не смогла противостоять искушению опереться спиной на его грудь.

Деви опустилась на колени на расстеленном коврике, лицом к заходящему солнцу. Служанки встали на колени, по две с каждой стороны. Охранники образовали полукольцо, оставив пространство напротив Деви свободным.

Один из них шикнул на Эмму, и та, опешив, тоже опустилась на колени. Это удовлетворило охранника и тот ободряюще подмигнул ей.

Деви запела грудным, очень красивым завораживающим голосом. Глаза служанок остекленели, они погрузились в приятную полудрему с улыбкой на лице. Напев вплетался в осенний вечер, как золотой узор на бархатной ткани, расвечивая и дополняя его. Казалось, что вокруг посветлело, пожухлая трава приподнялась, а цвета стали ярче, словно стерся невидимый слой пыли.

Эмма почувствовала умиротворение и расслабленность. Впасть в транс подобный служанкам ей мешала одна мысль. Эмма внезапно поняла, каким образом южанка влюбилась в Адама.

Ей представилась одинокая юная девушка в чужой стране, которая подобно ей забрела на центральную площадь, где пел заклинатель. Их песни роднились тем, что были пропитаны эмоциями и заставляли слушателей уноситься далеко от действительности. Может быть, Деви удалось увидеть в душе Адама нечто, скрытое от остальных, но понятное близким по духу людям.

Деви боготворили в клане и у нее не было причин сомневаться в собственной привлекательности. Возможно, тогда она в первый раз в жизни столкнулась с отказом... и от этого лишь сильнее захотела близости с заклинателем.

Первая любовь — самая сильная.

Деви готова отказаться от собственного тела, согласиться на жизнь в другой стране, и все это ради Адама...

Эмма вспомнила, как очнулась на алтаре. Вежливые манеры заклинателя казались изошренным издевательством, а за каждым словом мерещилась ложь. Каким фальшивым прозвучало признание в любви в первый же день знакомства! Если бы Деви была на ее месте, она бы взорвалась от счастья, но Эмма тогда лишь досадливо отмахнулась. Ей стало стыдно за то, что не оценила искренность чувств.

А может, все к лучшему, может, справедливость восстановится, если Адам воссоединится с Деви? В конце-концов сама Эмма влюблена в другого и не может ответить взаимностью заклинателю. Как это представить — любить двоих? Эмма дитя другого мира и других традиций. Для нее будет один единственный, и она желает Эрика...

Глупые мысли, нужно думать совсем о другом. Им бы добраться на юг без приключений, затем каким-то образом попасть назад и успеть оформить бумаги, прежде чем жена Гу Сяо доведет их до банкротства.

— Сестренка, смотри! — тихо окликнул ее Эрик.

Вокруг Деви из земли росли прозрачные слезинки Хуа. Вместо того, чтобы созреть в круглую сферу, они взрывались снопами света, озаряя все вокруг голубыми искрами. Высвобожденная энергия Ши текла к жителям Оду, а оттуда протягивалась к Деви, как к драгоценному камню посреди плетеного колье. Деви получала энергию из самой земли и от своих соотечественников. Неудивительно, что она хвасталась магической мощью Оду.

Теперь Эмме стало понятно благоговение старушек. Они не обслуживали богатую хозяйку, о нет! Они холили священную жрицу, близкую к божеству.

Эмме вспомнилось, что еще в самом начале Деви упоминала, что у них в Оду, когда принимают в клан, человек обретает семью. Имела ли она ввиду то странное единение, что ныне происходило на поляне?

Когда они обменяются телами, должна ли будет Эмма так же обслуживать жрицу и делиться энергией Ши?

Деви закончила петь и открыла глаза. Служанки тут же всполошились, принялись разжигать костер, резать овощи на ужин и обустроить палатки для ночлега. Охранники тоже разделались, кто-то отправился за водой, другие заняли тост, третьи расположились отдыхать на подушках.

Эмма подошла помочь одной из служанок, перехватила тяжелую вязанку дров из рук. Старушка с благодарностью улыбнулась, придерживая спину.

— Как тебя зовут? — спросила Эмма.

— Амин, но тебе нельзя звать меня по имени, ты не из нашего клана. Зови меня, избранной.

“Даже так?” — подумала Эмма, приподняв бровь.

— Хорошо, избранная, скажи, как тебе помочь.

На нее с радостью перебросили самую тяжелую и грязную работу. Эмма надеялась перебраться парой слов с Амин и начать наводить мосты, но вместо этого обнаружила, что несет к речке вонючие ночные горшки на помывку.

“Как ни крутись, все равно вернешься к истокам”, — хмыкнула Эмма, вспоминая подработку по уборке в штатах.

Только, на сей раз рядом шел высокий светловолосый мужчина, который забрал тяжелые горшки из рук Эммы.

— Приветливость сестренки не оценили? — с улыбкой спросил он. — Ничего страшного, этот брат уверен, что им не устоять.

— Что ты думаешь обо всем этом? — Эмма сделала расплывчатый жест рукой, рассчитывая, что Эрик схватит на лету ее растерянность по поводу увиденного.

Эрик оглянулся по сторонам, нагнулся прямо к уху Эмме и прошептал:

— Сестренка, этот брат бесполезен. Я ничего не знаю о южных странах. Их мужчины ведут себя по отношению к луннам бесстыже, лунны же не проявляют уважения к старости, а обычаи повергают в ступор. Им нельзя доверять. Еще не поздно повернуть назад.

Эмма тихонько вздохнула.

— Когда я только пришла в этот мир, вы все казались мне непонятными и чужими существами. Мы все люди, Эрик. Я научилась понимать тебя, попробуй и ты сначала увидеть в чем вы с жителями Оду схожи, а потом и различия не покажутся столь огромными.

— Сестренка, позволь спросить, почему ты упорствуешь с этой затеей по обмену тел, а?

Они дошли до полноводного прозрачного ручейка, где текла кристально чистая прозрачная вода. Эрик сначала опорожнил и протер горшки листвою и лишь потом протер мыльным раствором и прополоскал в ручье. Горцы старались не загрязнять источники и уважать природу. В горах очень важно хранить экосистему.

— Эрик, это тело никогда не было моим. Я терпеть не могу смотреть в зеркало, вижу абсолютно чуждое лицо. К тому же по вине этого тела на меня объявили охоту и я была заперта в клетке. Лишь благодаря твоей доброте удалось выжить. Какой у меня выход? Повезло, что в вашем мире существует подобная магия, а Деви заинтересована в моей внешности.

— Я знаю, что сестренке тяжело зависеть от других людей, но этот брат не устанет повторять — мы уже стали одной семьей и зависим друг от друга. Если сестренка и чувствовала себя обязанной, она давно оплатила долг. Мы рады и дальше заботиться о сестренке.

Эмма забрала у него из рук чистые горшки.

— Раз я привязана к этому миру, то хочу жить, а не скрываться в камерке под потолком.

Эрик только покачал головой. Эмма знала, что он поддержит любое ее решение. От этого она любила его еще больше. Есть нечто притягательное в силе, которая выбирает путь нежности. Эрик был в сто раз сильнее ее и мог настоять на своем мнении, но всегда уважал ее выбор.

— Вот ты где, — раздался сзади голос Деви и послышался звон колокольчиков,

сопровождающих каждое движение южанки. — Я уж подумала ты сбежала. Ах, и твой любовник тут. Надо сказать, мне обидно за красавчика. Как ты могла разбить его сердце и сбежать с подобной серостью?

Эрик и правда выглядел неприметно, так как носил цепочку из красного камня, но для Эммы это не имело никакого значения. Она еле замечала, когда на Эрике амулет, а когда он устраивается рядом во всей своей ангельской красоте. Для нее он был недостижим и от этого еще более притягателен.

— Адам... Айгуо... Беспокоился обо мне? — нерешительно спросила Эмма.

— Ты еще спрашиваешь? — усмехнулась Деви. — Он не ел, не пил, не спал, весь посерел от беспокойства. Не мог никому рассказать о твоей пропаже, только мне доверился, а я как дура искала тебя по всей столице. Ничего не помогло, как я и предсказывала, затея скрыть твое появление полностью провалилась. Эти хищницы ранга Лу пронюхали о том, что Адаму удалось вселить дух в тело и они тут же набросились на него, желая вечной жизни. Будто они достойны! Пф-ф-ф, они могут мечтать целовать ноги моего отца, да живет от десять тысяч лет!

— Для этого Адам проводил эксперименты? — осторожно спросила Эмма.

— Нет, ему нравилось шататься по борделям и рассматривать женские тела! — закатила глаза Деви.

Эмма бросила быстрый взгляд на Эрика, решая про себя, серьезна ли южанка или это вид сарказма. С каких пор смотреть на голых женщин считается тяжелыми трудовыми буднями?

— Будто не знаешь, что для него это страшное унижение? Заклинателям важнее всего нравственная чистота, а Адаму приходилось под покровом ночи прокрадываться в подобные заведения, и смотреть на самые срамные места, чтобы сотворить тебя со всеми нужными частями. Эмма поневоле положила руку у бедра и густо покраснела. В затылке закололо от острого желания избавиться от этого тела как можно скорее любым способом. Ее как будто измазали в чем-то липком. — Ты прекрасно осведомлена о его делах... — сухо сказала Эмма. — Разве он может кому-то доверять? Даже его брат теперь полностью под каблуком Йи Пейджи, а другие Лунны только и хотят, что выдрать друг у друга хоть ошметок власти. Для них всех красавчик лишь кусок мяса. Эмму передернуло, но тут Эрик пришел к ней на помощь. — Деви, — сказал он. — Этот недостойный желает поблагодарить великую жрицу за оказанную сестренке помощь. Деви скривилась от звука голоса Эрика, но не смогла пересилить собственного любопытства и спросила его: — Отчего ты липнешь к ней, как банный лист? Мои охранники сказали, что для того, чтобы уйти от слежки ты забежал прямо в горящий дом. Что в ней такого особенного, что ты и красавчик потеряли голову? — Этот брат просто отдает долг, — заверил ее горец. — На мне клеймо преступника, мне нужно творить добрые дела, вот и все. Деви недовольно поджала губы, но промолчала. Даже Эмма понимала, что Эрик соврал. Он ведь сам недавно признался, что они уже стали одной семьей. Они молча вернулись в становище, где уже в воздухе плыли заманчивые запахи горячих лепешек, печеных на камнях и ароматного острого супа, булькающего над костром. Деви усадили на мягкое ложе из подушек. Жрица ленивым голосом сообщила, что следующий человек, который отдаст Эмме приказ не будет упомянут в утренней молитве. — Она неприкосновенна. Амин втянула седую голову с реденькими волосами в плечи и бросила на Эмму обиженный взгляд, будто та предала ее доверие. Эмма поневоле задвинула за спину чистые горшки. Эрик тут же выхватил их из рук, незаметно оказался подле служанки и наклонился сказать: — Этот недостойный будет рад помочь избранной. Деви не будет на меня в обиде. Амин поначалу нахмурилась, но потом они с Эриком о чем-то разговорились и Эмма даже увидела, как ему дали первую пробу ароматного супа. Она с облегчением выдохнула. Будет отлично, если Эрик сумеет разговорить окружение Деви. Между тем, та сделала знак Эмме подойти. — Уже завтра вечером мы приедем к границам Оду. Скорей всего отец приедет нас встречать. Ты должна знать, от его мнения зависит... Зависит абсолютно все. Он наше солнце. — Как мне вести себя? — понятиливо спросила Эмма, но Деви, как всегда, проигнорировала ее и продолжила говорить. — Отец будет против этого обмена. В нашей традиции жрецы должны жить в самом красивом и здоровом теле. Никто в своем уме не будет меняться с чужаком. Эх-х, — вздохнула Деви. — Знаю, ты не понимаешь о чем я, но мою мать убили когда я была еще девочкой. Это стало трагедией, шрамом перечеркнувшим историю клана, ведь мы думали, что защита солнца делает нас непобедимыми. Справедливость восторжествовала, поклонники крокодила до сих пор зализывают раны, но отец так и не оправился. Он не женился вновь, поэтому главной жрицей стала я. Сама понимаешь, как в клане относятся к моим поездкам в Ра, но они не смеют и слова сказать против. Лишь отец давно упрашивает меня вернуться, но ты же знаешь, я не могу бросить красавчика одного. Его просто съедят, и как мне жить дальше? Поэтому, слушай внимательно, ни слова, ни одного слова. Не поднимай взгляда от земли и

постоянно кланяйся. И чтобы твоего белобрысого любовника не было рядом. Отлепи его, поняла? Эмма послушно кивнула, поджав губы. Она вновь чувствовала себя дезориентированной. На юге царили совсем другие традиции и ей опять не хватало информации. Деви отослала ее прочь жестом, как собаку. Эмма сжала зубы, но послушно присела на свою циновку. Весь вечер Эрик помогал служанкам с приготовлением еды, а потом с уборкой. Подле Эммы он оказался только чтобы подать тарелку с ее любимым блюдом. Хорошо прожаренная курица с чесноком и травами напоминала о доме, который она потеряла навсегда. После ужина Деви подозвала Эмму к вагону. Механические ноги сложились в подобие ступенек. Внутри зажгли десятки маленьких свечей, а посреди помещения установили объемистую бадью. На поверхности источающей пар воды плескались лепестки роз и цветы лаванды. Сладко пахло благовониями. Две старушки держали подносы с тряпочками и склянками. Деви повернулась к Эмме и принялась сдирать верхний халат с плеч. Эмма ухватилась за ворот, и отступила назад. — Перед ритуалом нам обоим следует поддерживать чистоту тела! — недовольно заявила Деви. — К тому же тебе следует привыкнуть к моему запаху, иначе... В общем, просто слушай меня и не задавай лишних вопросов! Эмма поймала себя на мысли о том, что Деви и так не дает ей сказать ни слова. Южанка права, к чему излишняя скромность, если они и вправду окажутся одна в теле другой. Эмма разделась, под изучающим взглядом жрицы, затем не отвела взгляда в сторону, пока Деви избавлялась от одежды. Обе остались довольны увиденным.

Южанка была выше миниатюрной Эммы, с более пышными формами и густой копной черных волос. Ее кожа была смуглой, уста алыми, и она привлекала внимание гордой красотой, но не это пришлось по душе Эмме. Она отметила, что левая грудь Деви, крупнее правой. Над бровью виднелся маленький шрам от ветрянки. Крутые бедра темными полосками расчеркивали растяжки.

Деви была неидеальной живой женщиной.

Эмма же находилась в кукольном големе, созданном заклинателем. Как портрет руки великого художника украшает женщину, скульптура красивее оригинала, так и тело Эммы не имело изнана. Она до глубины души желала от него избавиться.

Обе залезли в ванную и Деви наклонилась к шее Эммы, вдохнуть ее запах. Их ноги соприкоснулись в теплой воде. Эмма невольно вздрогнула, ведь ситуация была слишком интимной с человеком, которому она совершенно не доверяла.

Деви приятно пахла. Как горячая южная ночь. Она права, в новом теле, постоянно в окружении чужого аромата... Если бы Эмма не могла терпеть ее запах, жизнь превратилась бы в мучение.

— С этого момента, не отходи от меня ни на шаг. Мы будем есть с одной тарелки, спать на одной подушке, касаться друг-друга кожа с кожей. Если наши души смешаются, отец не посмеет прервать ритуала.

— Ты уверена, Деви? — не выдержала Эмма. — Я только выигрываю от нашего обмена, а ты? Зачем тебе мое тело?

— Ты еще спрашиваешь? — с ненавистью прошипела южанка и вцепилась в предплечье Эммы. — Ты букашка, укрывшая солнце! Каждое мгновение как клеймо на памяти о том, что ты раскрыла его печать. Ты знаешь вкус его губ, стон его наслаждения, запах его страсти! Ты, а не я!

— Я понимаю, Деви, ты одержима им, — Эмма попыталась отодвинуться, но в тесной бадье от жрицы было некуда деться, их коленки плотно соприкасались. — Но как тебе поможет это тело, а?

— Пщ-щ, не твоего ума дело. Мы в Оду знатоки связи между душой, телом и потоками Шу. Я перенесу печать на себя, уж будь уверена. Можешь забыть о красавчике. Впрочем, какая разница, ты и так променяла его на горца. А теперь иди ко мне поближе и замолчи наконец.

Деви плотно прижала к себе Эмму и запела низким звучным голосом песню, от которой в груди стало жарко, а щеки покраснели. Голова закружилась и Эмма закрыла глаза, уцепившись за край бадьи. Деви вплетала в напев потоки Ши, дурманившие сознание.

После ванны служанки помогли им одеться, затем подвели к ложу, устроенному внутри вагона. Деви связала их руки шелковой лентой, чтобы даже во сне они продолжали касаться друг друга.

Эмма чувствовала себя как в тумане, словно под действием алкоголя. Ее немного мутило, она очень хотела вдохнуть свежего воздуха и спрятать лицо на груди Эрика, но тот остался ночевать за пределами вагона.

Весь следующий день она провела держа за руку Деви, сопровождая ее во время утренней и вечерней молитвы. Она чувствовала, как мощные потоки магии собираются в

теле жрицы, а затем приводят в действие механизм вагона. Она чувствовала биение сердце Деви и ритм ее дыхания. А еще, к ужасу Эммы, ее непрерывно жгла ненависть южной жрицы.

Эрика к ней больше не подпускали.

Они могли только обмениваться взглядами с разных концов полутемного вагона. Если бы Деви знала, как много Эмма сумела прочесть по этому взгляду! За месяцы подле горца Эмма научилась свободно понимать его без слов и без труда прочитала послание: Эрику удалось вывести у служанок нечто, что Деви хотела скрыть

Второй день путешествия близился к концу, когда со страшным скрежетом вагон содрогнулся, затем острые шипы сплошным частоколом пробили потолок и пол. Одного из охранников пронзило насквозь, запахло кровью, уши заложило от дикого крика. Эрик перекинул старушек назад на мягкие тюки. Деви сложила руки перед собой и раскрыла ладони, потянув Эмму за запястье так, что чуть не вывихнула той плечо, и ударила потоком Ши невиданной силы прямо в стену вагона, проделав в металле неровную круглую дыру.

Вагон замотало в воздухе. Эмме удалось разглядеть промелькнувшие части зеленого пупырчатого тела огромного монстра, вонзившего зубы в их транспорт. Челюсти сжимались, металл корежился и морщился словно бумажный лист. Деви рванула к дыре и выпрыгнула наружу, потащив за собой Эмму как тряпичную куклу.

— Проклятые крокодилы! — прошипела она и на ходу залепила в монстра сплошным огненно-горячим потоком чистой силы.

Теперь Эмма ясно видела, что на них напало существо ростом с трехэтажный дом, с головой крокодила и человеческим телом, покрытым зеленой кожей с наростами по хребту. От боли мутант выронил вагон и развернулся к Деви, сверкая желтыми глазищами.

В то же время из-за кустов выпрыгнули воины с бритыми головами и обнаженными торсами, потрясая изогнутыми серпами и кинулись прямо на Деви.

Та закричала страшным голосом и выставила руку, окатывая тех, что оказались ближе всего струей чистого Ши. Плоть зашипела и обуглилась, запахло палеными волосами и зажаренным мясом, но за первой волной нападающих тут же показалась вторая.

Деви достала из под юбки нож и одним движением перерезала связывающие их путы. Эмма свалилась от неожиданности, тут же подле уха нечто просвистело. В ствол дерева над головой вонзилась стрела. Эмма не успела испугаться, как из кустов показался высокий мужчина со шлемом в виде головы крокодила на голове. Он ринулся к ней держа острый серп наперевес.

Мелькнула светловолосая тень, по земле покатился воин и Эрик, вцепившийся тому в горло. После недолгой борьбы горцу удалось завладеть серпом и вонзить противнику в грудь.

— Сзади! — закричала Эмма и тут же поняла, что Эрик не успеет развернуться к новому врагу.

Она сжала зубы от досады на собственную беспомощность и выставила руки вперед, стараясь повторить движение ладоней, которое уловила у Деви. Эмма была физически связана со жрицей и чувствовала движение потоков Ши. Она вспомнила, как когда-то Адам учил ее преобразовывать Хуа. То была работа, требующая точности и концентрации. Тут же требовалось всего лишь отпустить на свободу чистую энергию, как повернуть кран.

Ее тело прошил электрический разряд, раздирающий жилы. Эмму отбросило взрывной волной и она ударилась затылком о камень до искр в глазах. В воздухе запахло паленым. Эмма протерла глаза и с удивлением увидела, что ее ногти обуглены.

— Эрик? — закричала она.

Вокруг царил хаос. Деви жгла монстра с головой крокодила, охранники сражались с многочисленными бритоголовыми врагами. На месте противника Эрика дымились обугленные останки. Самого горца поток Ши не задел, лишь откинул в сторону. Он успел очнуться и повернул голову в поисках Эммы.

Она с трудом поднялась и заковыляла к нему, оглядываясь по сторонам. Вдруг раздался страшный крик и прямо перед ней спрыгнул на землю еще один мужчина с вытаращенными глазами и клинком наперевес. Эмма тут же выставила руки и призвала энергию Ши.

Ее вновь подбросило от страшной боли, пронизывающей все тело начиная от ступней и до кончиков пальцев. В мужчину ударило жгучим пламенем, в мгновение превратив в горстку пепла.

Эмма лежала на земле, уставившись в небо. Голова гудела, все тело ломило от дикой усталости. Она перевернулась на живот, в попытке встать на ноги. Ее тут же подхватили сильные руки, помогая подняться.

— Сестренка, — прошептал Эрик. — Как ты?

Эмма заметила в стороне резкое движение и повернула голову. Крокодил изловчился схватить Деви в охапку, зажав руки в кулаках и поднес в зубастой окровавленной пасти.

“Слишком далеко”, — подумала Эмма, но все равно оттолкнула Эрика в сторону, выставила руки вперед и вновь призвала поток энергии Ши.

Дробящая кости боль выбила воздух из легких. Кончики пальцев дымились, глаза застилала слезы.

Крокодил замотал головой, жутко выглядящей на человеческом теле. Желтые глаза зажглись в поиске нового источника опасности. Повинуясь движению жуткой пасти, к Эмме бросился десяток воинов сразу с трех сторон.

И тут в лесу стало невероятно светло, словно настал зенит в пустыне. Эмма лежала на животе, уставившись вперед, каждая травинка отбрасывала четкую тень. Яркие цвета растворились в ослепительном свете, превратив мир в черно-белый. Нападающие испуганно заозирались, и тут же принялись отползать кто-куда, стараясь спрятаться в тенях.

Напротив Эммы уверенно ступал высокий широкоплечий мужчина ростом с три метра, обнаженный по пояс. Его бедра плотно охватывала золотая ткань, верх груди прикрывал воротник из золотых пластин. В правой руке он нес шест, в левой изогнутый железный знак. Источник нестерпимо яркого света сиял над головой этого существа.

Эрик был красив, Адам привлекал взгляд, но этот мужчина выглядел не просто ослепительно, а как сошедшее с небес божество. Идеально симметричное лицо с волевым подбородком. Большие глаза, подведенные угольным карандашом и от того, казалось, заглядывающие в самую душу, ровный нос, идеально очерченные пухлые губы. Если Эмма не ошибалась, то это был отец Деви, но почему он ростом с дерево?

Крокодил бережно отпустил Деви и повернулся к кустам в попытке скрыться.

— Стой! — прозвучал грозный голос, от которого задрожала земля.

Нападающие разбежались подальше от поля боя как тараканы.

Божество шествовало в сопровождении целого отряда обнаженных по пояс воинов, вооруженного короткими копьями и изогнутыми мечами. Головы покрывали золотые платки. Часть кинулись в сторону неподвижно лежащей на траве Деви, другие побежали

вдогонку бритоголовым нападающим. Трехметровый гигант мельком взглянул в сторону Эммы и сделал небольшой жест левой рукой, в которой был зажато железо. После этого никто из новоприбывших к Эмме не приблизился, словно она была невидимой.

Вокруг началась бойня. Слышался звон стали и пронзительные стоны раненых.

Эмма бросила взгляд на Эрика. Один из воинов с золотой повязкой наставил на горца древко копья. Действуя на инстинкте, Эмма кинулась вперед и закрыла Эрика спиной, плотно обняв его за талию и прижав к стволу дерева. Раз ее не тронули, нужно попытаться защитить того, кто дорог. Расчет Эммы оказался верным. Воин бросил взгляд в сторону божества и отступил назад на шаг, нерешительно опустив копье. Подошел один из охранников Деви и жестом показал оставить их в покое. Эмма с облегчением выдохнула и спрятала лицо на груди Эрика.

— Сестренка, твои руки... — обеспокоенно спросил горец.

— Я в порядке, — быстро ответила Эмма. — Как ты?

— Не беспокойся, — заверил ее горец и тут же быстро зашептал, наклонившись к самому уху Эммы и щекоча шею горячим дыханием. — Сестренка, послушай, тебе предложат войти в клан — откажись. Они все...

Он хотел сказать что-то еще, но Эмму схватили за талию и силой оттащили от горца. Злой шепот Деви раздался над ухом:

— Говорила же, держись подальше от своего любовничка. Отец все видел!

Деви продолжала плотно прижимать Эмму к себе за талию и тащить в сторону трехметрового гиганта. Кстати, фигура мужчины уменьшалась на глазах. Ослепительно яркий шар над его головой потух, превратившись в пепел и осыпавшись на землю. Вокруг него на траве образовалось кольцо из черной рассыпчатой пыли. В похожий прах разваливалось Хуа, если Эмма плохо передавала мысленные образы. То есть тело этого божества создано наполовину из Хуа, как и ее тело?

Высший жрец солнца переступил через кучку земли и досадливо потер переносицу.

— Дочь, в этот раз крокодилу вновь удалось уйти от кары. Остайся, и с твоей помощью солнце одолеет ящерицу.

— Отец, — сказала Деви мягким голосом и сладко улыбнулась. — Не обременяй чело думами о мести. Если желаешь порадовать дочь, всего лишь согласишься на маленькую прихоть. Смотри с кем я желаю обменять сосуд.

Жрец досадливо потер переносицу, внимательно, как вещь, оглядев Эмму. Он не забыл бросить взгляд за спину, в сторону Эрика, а Деви мстительно резко ударила Эмму в бок локтем, туда, где уже цвели оставленные ею раньше синяки. Эмма даже не поморщилась, она понимала, что сейчас решается судьба задуманной авантюры.

— Кто это существо? — спросил жрец, а Эмма внутренне напряглась.

— Отцу не стоит беспокоиться по этому поводу, — беспечно отмахнулась Деви.

В любом мире избалованные дети хамят родителям, кто бы те не были по статусу.

— Она уже раз сменила тело и ее связь с сосудом нарушена. Ничего, с чем мы бы не справились, но дочь... Разве разумно менять драгоценный камень на стекло?

Они еще долго пререкались, жрец даже привел ослепительно красивую девушку, смущенную настолько, что та дрожала как мокрый котенок. Деви твердо стояла на своем, хватко держась за Эмму как за любимую игрушку. Мол не желает она никакого другого тела, кроме этого. Словно речь о новой машине, а не о человеческих судьбах.

Тем более разговор звучал дико, потому что вокруг стонали раненные. Мертвых врагов

стаскивали в единую кучу, а своих оборачивали в белые простыни.

Эмма послушно молчала, только молилась про себя, чтобы все побыстрее закончилась. Ей безумно хотелось оказаться дома, и она с удивлением поняла, что домом стал чердак и уютные посиделки с горцами за ужином. Там к ней хотя бы относились, как к человеку и прислушивались к мнению. Поэтому Эмма очень удивилась, когда жрец задал ей прямой вопрос:

— Почему ты согласилась на обмен сосудов?

Мямлить было нельзя, тянуть время тоже, поэтому Эмма ответила первое, что пришло ей в голову.

— Деви попросила.

Жрец улыбнулся и довольно кивнул. Оказывается, невольно, Эмма отыскала правильный ответ.

— Я видел, как ты отважно защищала дочь от мерзкой ящерицы. Мы будем рады принять тебя в клан. Дочь сделала верный выбор. Обмен пройдет хорошо.

Жрец повернулся к собравшейся свите из ослепительно красивых женщин и воинов.

— Собираемся домой. Чужака не трогать, пусть вернется откуда приехал сам.

Деви, предвидев реакцию Эммы зашипела той на ухо:

— Чужакам на землю клана вход заказан. Ты сама его притащила, я тебя предупреждала. Скажи спасибо, что угодила отцу и он не нанизал любовничка на копье! Нам запрещается привязываться к кому бы то ни было вне клана!

Эмме тут же захотелось напомнить Деви, к кому сама она привязана, но она тут же поняла тщетность подобных обвинений. То, что разрешено богам простым смертным не положено.

— Если с ним что-то случится, я не соглашусь на обмен! Ты не сможешь против моей воли, — твердо сказала Эмма, вырывая руку из цепкой хватки Деви.

— Ладно-ладно, — согласилась Деви и подозвала Эрика вместе с окружавшими его воинами. — Проследите, чтобы у него было достаточно денег для дороги домой, и дайте охранный знак клана.

Взгляд Эрика сказал Эмме.

“Я никуда не уйду. Я дождусь тебя.”

Эмма кивнула в ответ.

“Будь осторожен, храни себя.”

Эмма все время оборачивалась к Эрику, пока ее уводили в неизвестность. Ее не оставляло чувство, что она опять делает ошибку.

Голова раскальвалась, мышцы дрожали от напряжения, в горле першило будто она наглоталась пыли, но все чувства ощущались приглушенно, как через фильтр. Эмма упрямо шла вперед, опираясь на выданный Деви на прощание высокий посох. Там, где-то впереди, ждал Эрик, но Эмма старалась не думать о том, что возможно уже два дня без передыха на сон и еду, она бредет в неправильном направлении, вновь совершенно одна в абсолютно чужом ужасном мире.

Нет, поначалу, конечно, Деви и ее клан чуть ли не на руках носили Эмму, предлагая лучшие лакомства и умасливая тело. Теперь-то, она понимала, что ее просто готовили для ужасной пытки, именуемой ритуалом по обмену сосудами. После того, как Деви заполучила желаемое тело, отношение к Эмме резко поменялось, а после того, как она отказалась вступить в клан ее и вовсе выкинули вон без припасов, лишь махнув в сторону границы, где отбывали караваны на север в Ра.

Погода на юге была кошмарной. Сейчас зимою, дождь шел и днем и ночью, земля превратилась в топкую грязь вперемешку с острыми суками и камнями. Ноги Эммы были изранены, но раны не воспалялись. Насекомые, в обилии жужжащие вокруг, тоже не проявляли к ней интереса, что можно было принять за хорошую новость, если бы Эмма не подозревала совсем другое — это тело постепенно умирало.

Она не могла пить и есть, ноги плохо слушались ее и с каждым днем становилось все хуже. Звуки потихоньку гасли, краски выцветали, даже боль ощущалась не так остро.

Ее обманули.

Она не сможет жить долго и счастливо в теле Деви. Жрец намекал, что отказ от вступления в клан по сути смертный приговор, но Эмма доверилась совету Эрика и упрямо стояла на своем. В любом случае она бы никогда не согласилась остаться в том жутком месте.

Жаль, что обман ударит не только по ней, но и по горцам. Только бы успеть добраться до столицы, тогда существует шанс хоть немного облегчить участь Эрика и братьев перед тем, как ее сердце остановится. Ей нужно идти вперед. Только передвигать ноги. Только надеяться, что она идет в правильную сторону, а горец все еще ждет ее.

Наконец Эмма выбралась из плотных зарослей, где блуждала последние два дня к руслу широкой мутной реки, где на затопленных берегах рос какой-то злак. Солнце нещадно палило и оглушительно трещали цикады. Эмме не мешала ни жара, ни липкая жижа под ногами, но она все равно повязала на голову тряпку, оторвав от подола верхней юбки, чтобы защититься от солнечных лучей. Ей нужно протянуть в этом теле как можно дольше.

Эмма перебралась через затопленное поле к пыльной тропинке, ведущей вперед меж холмов. Из груди вырвался вздох облегчения. Это уже можно считать удачей — дороги ведут к поселению, а у людей можно расспросить про Эрика.

Эмме удалось найти оросительный канал, по которому текла прозрачная вода. Она умылась как могла и привела себя в порядок. Она даже попыталась выпить немного, но тут же тело сотряс рвотный позыв.

Ей стало невероятно дурно, она осела на землю, и, не сдержавшись, расплакалась. Эмма вновь корила себя за то, что доверилась Деви. Она же знала, что та ненавидит ее, но все равно не смогла уберечься от мести. Хотя, был ли у Эммы другой выбор? Разве жизнь в

клетке на чердаке — это жизнь? Понятно, они шли на риск, а если играешь в игру по чужим правилам, то не реви коль проиграл.

На лоб Эммы опустилась чья-то прохладная ладонь, и она оказалась прижата к крепкому телу, окутанная знакомым запахом.

— Как чувствовал, что сестренка рядом! Бежал все утро, сам не зная куда, — сердце Эрика гулко билось в груди. — Дай посмотреть на себя?

Эрик на мгновение отстранился, окинуть Эмму взглядом и она вся сжалась, увидев его расстроенный взгляд.

— Ноги сестренки исполосаны в кровь, — растерянно сказал он. — Кожа бледна, губы растрескались, одежда вся изорвана.

Эмма инстинктивно поправила бывшее когда-то белым платье, в которое ее облачили после ритуала.

— Я знаю, — Эмма сглотнула, поборов еще один приступ дурноты. — Выгляжу, как оживший мертвец. Это тело умирает вокруг меня, Эрик. Говори уж пез прикрас, что страшна как призрак, лучше слышать правду.

Эрик осторожно поднес руку к ее лицу и ласково погладил щеку, заправил непослушный локон за ухо и положил ладонь на плечо.

— Что прежде, что теперь, для этого брата нет никого в мире, красивее сестренки, — тихо сказал он, и грустно улыбнулся.

Эмма замерла, не позволяя себе надеяться. Он раз за разом отталкивал ее и Эмма уважала его границы. Она не будет навязываться. Какие-то крупинцы гордости у нее все же остались, ведь так?

Прикрыв веки, Эмма напряженно думала, вспоминая о том, как они оказались заперты в темном потайном отсеке кровати. Тогда она убедилась в том, что не противна ему, но горец вел себя, как будто между ними ничего не было и Эмма не настаивала.

Теперь же, что ей терять?

— Нам нужно вернуться в Яншо как можно скорее, — попросила она.

— Этот брат все подготовил. Нас ждет отдельный фургон в караване, который готов выступить, как только ты вернешься. Можно я возьму сестренку на руки? Ты достаточно натерпелась, дай брату позаботиться о тебе. По правде, этот брат не ожидал, что южане будут настолько жестоки, что позволят сестренке блуждать в одиночестве.

Эмма оказалась в объятиях горца и по привычке спрятала лицо у того на плече. Руки Эрика на ее талии на мгновение сжались и Эмма поняла, что тот в бешенстве.

— Что ты делал все это время? — спросила Эмма.

— Тут на юге, люди не столь предубеждены против горцев, — мягко сказал он. — Этого брата приютила зажиточная семья. Я починил их плуг, потом наладил чадящую печь, потом... Скажи, сестренка, что ты имела ввиду, когда сказала, что это тело умирает?

В объятиях Эрика было уютно и Эмма почувствовала, что засыпает. Это было непривычно, ведь последние два дня она не могла сомкнуть глаз.

— Это тело не работает, — прошептала Эмма. — Я не могу ни пить, ни есть, ни спать. Раны не заживают, насекомые не жалят. То ли меня отравили, то ли заколдовали.

— Сестренка... — глухо позвал Эрик, но Эмма уже крепко спала уткнувшись носом в шею.

Она проснулась совсем ненадолго, ощутив теплые губы на своих губах. Она приоткрыла рот и почувствовала живительный глоток воды. Это повторялось вновь и вновь, пока она не утолила жажду. Эмма потянулась за еще одним поцелуем, но губы коснулись ее лба и знакомый голос настоятельно приказал спать дальше. Она послушно погрузилась в дрему, удивившись тому, что боль в теле немного утихла.

Ей снился Адам. Заклинатель протягивал к ней руку через озеро во внутреннем дворике ее усадьбы и пел жалобную песню о тяжести расставания. Он плакал и Эмма тоже не удержалась от слез. Ей хотелось попросить прощения, но когда она открыла рот, то не смогла произнести ни слова. Адам побежал к ней навстречу, но наткнулся на невидимую стену. Так они и провели остаток сна в безуспешных попытках достучаться друг до друга.

Когда Эмма открыла глаза они ехали вместе в темном фургоне. Она все еще полулежала в объятиях Эрика, но теперь на ней была свежая одежда, а исполосованные ноги аккуратно забинтованы. Эмме не хотелось двигаться, ей давно не было так хорошо.

Хватит тянуть время. Надо набраться смелости.

— Эрик, — тихо позвала она, и немного отодвинулась, чтобы заглянуть тому в глаза.

— Сестренка, — ответил он.

На Эрике был надет амулет, поэтому его черты выглядели невыразительно, а Эмме сейчас было важно отметить каждую эмоцию в его лице. Она подняла руки и сняла цепочку

с алым камнем. Эрик наклонил голову, позволяя ей столь интимный жест и сердце Эммы сжалось от волнения.

— Я... — она сглотнула, и вдруг вспомнила как он поил ее с губ. Ее руки задрожали. — Я уже давно, глубоко и бесповоротно люблю тебя, Эрик. С того самого момента, когда ты подобрал меня на улице и привел домой, и с тех пор, с каждым днем, с каждым мгновением, все сильнее.

— Не надо, сестренка... — тут же перебил он ее, отворачиваясь.

Эмма отметила заалевшие щеки горца, и перехватила его ладонь, прижав к своей груди.

— Я не буду больше молчать, Эрик. Я была глупа, забыла, что оказалась в совсем другом мире и тут надо играть по местным правилам. Я больше не буду просить тебя. Я приказываю, Эрик. Возьми меня в жены, пожалуйста. Хорошо?

— Не могу, сестренка, — он вырвал руку и спрятал лицо в ладонях.

— Все знаю, выучила твои отговорки наизусть. Отбываешь наказание за преступление, слышала, и не раз. Я не приказываю, Эрик, я умоляю. Стою перед тобой на коленях, видишь?

Эмма и правда повернулась, склонившись лицом к пыльным доскам, но Эрик тут же подхватил ее, расстроено воскликнув:

— Твои раны, не надо!

— Будь моим мужем, Эрик. Я не хочу никого другого, мне не нужен никто другой, только ты. Послушай, я не буду просить многого, мне достаточно быть рядом с тобой. На самом деле... На самом деле смотри на наш брак, как на вынужденный, хорошо? Во-первых, я смогу принести присягу императрице и легально вести дела наших фабрик. Мы весной отправим пять караванов в горы, обещаю. Это будет очень выгодный брак. Во-вторых, став моим мужем ты опять спасешь меня от смерти.

Находящийся в ступоре Эрик, услышав последние слова Эммы вскинул глаза и горько переспросил:

— Спасу?

— Мне снился Адам сегодня, и я поняла почему обмен тел провалился. Деви желала моей смерти и у нее почти получилось. Вернее, получится, но ты можешь предотвратить это, Эрик.

Эмма, кусала губы, ей было стыдно за шантаж. Она никогда прежде не открывалась так мужчине.

— Когда я очнулась на алтаре в этом мире, то испытала нечто похожее, будто тело не принадлежит мне. Адам сказал, причина в том, что моя душа не прошла привязанность к телу, но он знал способ с этим справиться. Мне пришлось испытать боль, усталость, танцевать, пробовать разные вкусы и даже... Хм-м-м, то, что обычно происходит между мужем и женой. За последние два дня страданий я испытала достаточно, но остальное не слишком сложно повторить, правда?

Эрик внимательно смотрел на нее, но при последних словах густо покраснев, и переменял позу, сев от Эммы наискосок, согнув колено.

— Я подумала... Может Деви специально скрыла от меня этот секрет, понадеявшись, что я умру и исчезну с ее дороги?

Эрик грустно усмехнулся, устало потер лоб, затем Эмма заметила, как в его глазах заблестели слезы.

Он откинулся назад, закрыв лицо ладонями и беспомощно признался:

— Все моя вина, Эмма. Это я должен был блюсти традиции и отказаться, когда ты назвала меня именем “Эрик”. Все началось с того самого момента, когда ты в первый раз посмотрела мне в глаза, и, требовательно спросила, шепелявя, как меня зовут. Ты ослепила меня доверчивостью. Мне захотелось купаться в твоей доброте. Я все время успокаивал совесть тем, что ты из другого мира и абсолютно недоступна. Теперь уж поздно отнекиваться. Между нами прочная магическая связь и потоки Ши связали наши судьбы. Как бы я отыскал тебя по другому посреди безлюдного поля? Естественно, тебе передается отклик моих чувств, которые ты не отличишь от своих. Я могу притворяться, но ведь ты знаешь правду, Эмма. Я полностью твой, с самой первой нашей встречи. Я пытался быть тебе преданным братом, не смел навязываться, подобно Урману, но это все глупо и жалко выглядит. Если бы я правда желал тебе добра, то отправил сразу же в горы Баолян, там где есть мужчины достойнее меня. Теперь что уж отрицать? Я желаю стать твоим мужем больше всего на свете. Тебе не надо приказывать или умолять, Эмма, ты правда, слишком хороша для этого мира. Ты ничего не видела, и не знаешь, но...

Эмма решила, что слышала достаточно и прервала изливания Эрика глубоким и сладким поцелуем. Потом, она скажет ему, как глупо считать ее чувства навеянными какой-то магией. Она любит его всем сердцем, он ведь совершенно невероятный.

А еще, только когда Эмма поцеловала его, то почувствовала себя живой. Она даже забыла о том, что находится в чужом теле, которое еле слушается, как деревянное.

Губы Эрика были мягкими, он глухо дышал и трогательно прикрыл глаза. Светлые волосы рассыпались по плечам, сильные руки то ли прижимали Эмму к широкой груди, то ли пытались оттолкнуть.

Эмма обняла его ладонями за шею и углубила поцелуй. Эрик издал жалобный стон, затем все же нашел в себе силы, чтобы приподнять Эмму чуть над собой и тихо произнести:

— Только не проси быть тебе единственным мужем. Там, откуда ты пришла так принято, но тут потоки Ши не простят подобной вольности. Ты сама скоро поймешь, не нужно будет ничего объяснять, Эмма. Я не потяну подобной ответственности. Тебе нужно будет выбрать второго и третьего мужа как можно скорее.

Эмма только отмахнулась и опять закрыла рот горца своим. Ей хотелось показать, как

сильно любит его, чтобы прогнать сомнения из его сердца.

Она оставила мокрый поцелуй на его шее, затем приоткрыла ворот рубашки и поцеловала белую кожу у ключиц, опустилась вниз дальше, к животу, но тут ладони Эрика судорожно сжались на ее плечах и он испуганно спросил:

— Что ты делаешь?

— Просто расслабься, — посоветовала Эмма, и ухватилась за узел на поясе.

Густо пунцовый Эрик перехватил ее ладонь и замотал головой.

— Нет!

— Нет? — переспросила она.

— Только после свадьбы! — окончательно вынес вердикт горец, и поднес ее ладонь к своим губам. Продолжил он уже намного мягче. — Оставь мне хоть толику гордости, Эмма. В горах Баолянь на заклинателей не ставят печать, тем не менее нам важно, чтобы близость случилась после заключения клятв, а не до. Мы будем в столице через десять дней. Всего лишь десять дней, пожалуйста, Эмма.

— Адам настаивал, что близость это важная часть ритуала привязки души к телу... — возразила Эмма, а потом решила, что не будет противиться его просьбе. — Ладно, мы ведь все равно вместе, правда? Если мне станет хуже, ты всегда сможешь меня спасти.

Эрик улыбнулся.

— Ты так это называешь? Спасением? Эмма, ты и вправду небожительница.

Она радостно вздохнула.

— Я так счастлива слышать, как ты говоришь мое имя. А то “сестренка”, да “сестренка”.

— У нас, — прошептал Эрик, — между мужем и женой принято говорить особые, неизвестные никому другому имена. Мое сердце так-же сладко сжимается, когда ты зовешь меня “Эрик”.

Теперь пришла очередь Эммы прятать лицо в ладони. Ей было стыдно. Она вспомнила, как при первой встрече назвала Айгуо — Адамом, а тот широко улыбнулся и был подозрительно доволен. Выходит, она по невежеству муженьком его поприветствовала, а тот был и рад согласиться. А все потому, что нельзя людям имена давать при первой встрече. Это ведь так невежливо, Эмма это понимала теперь, но тогда она совсем потерялась от того, что ее выдернули из привычной жизни.

Эрик почувствовал перемену в настроении, и заключил ее в объятия. Поцеловал горячими губами в висок, а Эмма тут же подняла лицо навстречу для настоящего поцелуя. Ее наполнило ощущение чистого и безбрежного счастья. Она так долго сдерживала себя подле Эрика, и вот, наконец-то он в ее распоряжении. Можно обнимать, трогать, залезать под одежду.

Какая же у него гладкая приятная кожа, под которой перекачиваются литые мышцы. Фигура настоящего кузнеца. Эмма тесно прижалась к Эрику и вдохнула его запах. Ей нравилось в нем абсолютно все, то, как его глаза подернулись дымкой, как только она прижалась теснее, то, как он чаще задышал, когда она чуть прикусила мочку уха, то как осторожно сжались ладони на ее талии, стоило лизнуть место укуса.

— Это неправильно, — глухо прошептал он на ухо Эмме. — Мне не должно быть так хорошо. Я отбываю наказание, Эмма.

За окном фургона смеркалось. Скрипели колеса и слышалось, как перекрикиваются охранники, договариваясь об остановке на ночь, но тут в полусумраке они словно оказались в собственном, недоступном никому мире.

Эмма хмыкнула и чуть приподнялась на локтях, погладила шершавую щеку Эрика, пропустила пальцы сквозь светлые волосы.

— Думаешь, я ничего не знаю о чувстве вины? — горько спросила она. — Когда мне было пятнадцать лет я шла по улице и слушала музыку в наушниках, я тебе показывала похожее устройство в прошлом месяце. В это время моя мама возвращалась из магазина с тяжелыми сумками. Она увидела меня со спины и окликнула, но я не повернулась, так как в ушах гремела песня. Мама крикнула во второй раз, опять без ответа. Она испугалась, что со мной что-то случилось и бросилась прямо через дорогу. Она не увидела, что поменялся светофор и машина ехала со всей скоростью в нашу сторону. Водитель не успел затормозить. Маму подбросило в воздух, когда я повернулась она лежала на тротуаре в осколках стекла от банок в пакетах, с ногами вывернутыми под невероятным углом. Мама осталась жива, но с тех пор она больше не могла ходить. Вся наша жизнь переменялась.

— Мне жаль...

Эрик погладил Эмму по спине, но та остановила его утешение.

— А теперь, выслушай сокровенную постыдную правду: на самом деле, я слышала, как мама меня зовет. Мне просто было пятнадцать лет и я стыдилась ее суетливости. Мне хотелось чувствовать себя взрослой и независимой. Если бы ты знал, Эрик, как сильно я ненавидела себя. Как быстро повзрослела, когда мне стало необходимо купать ее и менять за ней пеленки. Мама была сильной и энергичной женщиной, я все это отняла у нее, заставила стать слабой и зависимой от меня с папой. Эрик, любимый, я тоже считаю себя недостойной счастья.

Горец открыл рот, чтобы ответить, Эмма поспешно приложила палец к его губам.

— Дело вот в чем, любимый. В жизни нет белого и черного. Кто может измерить мою вину и назначить искупление? Если я буду наказана, разве маме станет от этого легче? Поверь, я долго и тяжело переживала собственный проступок. Вот, что я решила. Буду жить так, чтобы успокоить совесть. Стараться помогать другим людям и не повторять ошибок прошлого. Чтобы в мире было чуть больше доброты. Никому не нужно мое несчастье, понимаешь?

Эрик глубоко вздохнул, затем крепко прижал Эмму к себе. Они обнимались, не говоря ни слова, но в этой тишине прозвучало очень многое. Эмма безмолвно заплакала от тоски по родителям. Ее плечо стало мокрым от слез Эрика.

— В ту зиму, — хрипло сказал он. — Меня проклял второй отец. Мой младший брат был больше всего похож на него, так же легко смеялся и гневался. Он нашел в горах падшего козленка, и из-за голода тут же вгрызся в мясо, обглодав все косточки. В тот же вечер у него случился жар и скрутило живот. Он сгорел за три дня. В день его похорон, меня заперли в кузнице, не дали проводить последний путь. В ушах до сих пор звучат слова второго отца о том, что я должен был сдохнуть вместо него. Это было бы справедливо, Эмма, ведь это я поручился за шпиона из Ра, который спалил наши запасы. Я жив, хотя мои друзья детства больше никогда не увидят рассвета. Если второму отцу будет легче знать, что я страдаю, то я готов перенести любые лишения, понимаешь? Как я могу наслаждаться в твоих объятиях?

Эмма видела в глазах Эрика, как тому важно услышать ее суждение. Сейчас решалась судьба их отношений. Как сильно бы ей не хотелось уверить его, что свадьба — лучшее решение, интересы Эрика были важнее. Она понимала, что пока он не искупит вину, то не сможет с чистой совестью вступить в отношения.

Она собралась с мыслями для ответа, но тут Эрик вдруг резко качнул головой и решительно поцеловал Эмму, словно скрепляя печатью свое решение.

— Этот брат виновен и недостоин, но потоки Ши связали нас. У нас в горах судьбу доверяют высшим силам. Я буду делать все от меня зависящее, чтобы заботиться о тебе. Этот горец боится, что приносит несчастье близким...

— Тогда мы два сапога пара, — закрыла его рот ладонью Эмма. — Из-за меня арестовали заклинателя, помнишь? Я тоже боюсь, очень боюсь, причинить тебе вред. Но я постараюсь быть смелой.

Они еще долго лежали в обнимку, наслаждаясь близостью. Эмма положила голову на грудь Эрика и слушала биение его сердца, пока тот пропускал ее волосы сквозь пальцы.

Именно в это мгновение тишины, Эмма осознала, что бесповоротно стала частью нового мира. Теперь у нее есть ниточка, за которую сердце привязали к новой земле. Она больше не гостья, наблюдающая со стороны за странными порядками хозяев.

Снаружи караван остановился на вечерний постой. Слышалось ржание лошадей, стук молотков о колышки при установке палаток, переругивание охранников.

— Этот брат принесет ужин, — вздохнул Эрик, нехотя разрывая переплетенные пальцы.

— Мы прошли через столько испытаний ради нового тела, — возразила Эмма. — Почему бы не испытать его в деле? Пойдем вместе.

Только сейчас Эмма заметила, что фургон был плотно забит многочисленными сундуками и тюками. Заметив ее взгляд, Эрик широко развел руки и улыбнулся.

— С Деви на границе не берут пошлин, этот брат узнавал. Как не воспользоваться?

В одном из сундуков хранились алые наряды, столь любимые Деви. Как объяснил Эрик, часть он выкупил у прислужниц, а остальные заказал, пока ждал Эмму на границе.

Эрик помог Эмме одеться, так как она все еще покачивалась от слабости и не могла самостоятельно стоять. Он тактично закрыл глаза и отвернулся, пока она надела сначала облегающую белую рубашку, затем красное платье из плотной ткани. Сверху две летящие прозрачные накидки и широкое кольцо из золотых бусин и кристаллов. Деви не носила сережек, вместо этого в волосах закреплялись многочисленные цепочки и колокольчики, которые звенели при повороте головы.

Эмме нерешительно посмотрела в сторону Эрика и подняла руку потрогать уложенные волосы. Ее очень тронуло, что он продумал все детали нового облика, в то время, как она совершенно забыла об этом.

— Эмма, — гулко сказал горец. — Тебе на людях надо держаться уверенней и быть строже со мной.

Она понятливо кивнула и постаралась держать прямо спину. Ее тут же накрыла волна дурноты.

— Если что, прикроюсь моей болезнью.

Эрик приоткрыл дверцу фургона. К удивлению Эммы, караван остановились вовсе не на

пустыре, а на окраине оживленного городка. Местные жители в выставили лотки со снедью и различными поделками, всюду были развешаны бумажные фонарики, в воздухе плыли ароматы жареного мяса. Бульжники вымощенной центральной улицы города празднично поблескивали. Разодетые мужчины и женщины гуляли, закусывая сладостями на палочках. Подле фургонов развели высокие костры, охранники и купцы удобно развалились на подушках, ужинали и болтали.

Эмма спустилась по ступенькам и к ней тут же бросился бедно одетый мальчишка.

— Госпоже Лунне нужен провожатый?

Эрик вежливо отказался вместо нее, пока Эмма жадно вбирала каждую деталь оживленной улицы.

С ней здоровались, уважительно кланяясь, в то время, как горца совершенно игнорировали.

У первого лотка Эмма купила свежую паровую булочку с начинкой из грибов и зелени. Продавец вручил ей в подарок бумажную хризантему с нежно-розовыми лепестками.

Эмма опешила от подобной учтивости, но это было только началом. Каждый хозяин подманивал ее к себе, а потом начинал кричать, что его товар любим Луннами.

— Как они знают, что я — Лунна? — спросила Эмма.

— Луннам позволено собирать волосы заколками, но дело не только в этом. Понимаешь, для людей ранга До, не одаренных магией, потоки Ши выглядят как тусклое свечение, исходящее от заклинателей и Лунн. При свете дня не разглядишь, но сейчас — ночь.

Эмма вгляделась в Эрика, но ничего особенного не заметила.

— Во-первых на мне амулет, который скрывает внешность и магию, не забывай. Во-вторых, мы чувствуем потоки Ши сердцем, а не глазами.

Эмма разорвала булочку на две части и поделилась с горцем. Они ели улыбаясь, глядя друг другу в глаза. Тесто таяло во рту, а грибы были идеально поджаренными и сочными.

На одном из лотков продавали запеченные кроличьи головы в острых специях. Эмма не решилась попробовать, а продавец очень обиделся.

— Тут в Туджоу очень любят кроликов. Есть даже поговорка, что ни одному кролику из Туджоу живьем не скрыться. Попробуйте мягкое мясо, красавица-лунна, не пожалее!

— Лучше посмотрите сюда, несравненная Лунна! Засахаренные ягоды на палочках. Свежие и ароматные.

Они гуляли по освещенной улице, то и дело пробуя новые яства — сладкие, соленые, острые, и горькие.

Для последнего вкуса им пришлось зайти в аптеку, где бородатый лекарь согласился сварить для Эммы одну порцию тонизирующего напитка.

— Возвращайтесь через час! — прогудел он, поглаживая длинные седые усы. — Для порядка, лекарству требуется кипеть четыре часа, но уважаемая Лунна спешит.

Ноги Эммы гудели от усталости, но она вправду чувствовала себя намного лучше, словно невидимая пленка между ней и новым телом немного истончилась.

Она как раз вспоминала проведенный Адамом ритуал и подыскивала место, где можно было провести следующую по порядку часть ритуала. Им посчастливилось наткнуться на ярко освещенную лодку, готовую отчалить по неширокой реке, текущей посреди города.

Нарядно одетый в голубой халат чисто выбритый мужчина, с длинными черными волосами и веером в руках заметил Эмму и подозвал ее:

— О, небожительница, не снизойдете ли вы до недостойных, подсластить вечер вашим присутствием?

Эрик наклонился и шепнул на ухо:

— Это увеселительная лодка. На ней проводят время богатые бездельники.

Эмма услышала звуки музыки и решительно потянула Эрика за собой.

Смазливый зазывала тут же заулыбался и приказал служанке поднести Эмме чашечку с вином.

— Что будет угодно хозяйке моего сердца? — заискивающе спросил он, пряча лицо за веером и тут же стреляя в Эмму ослепительной улыбкой.

— Есть ли у вас отдельная комната и лучший музыкант? — попросила Эмма.

— Столь скромная просьба? — довольный зазывала показал путь по ступенькам к закрытому павильону. — Несравненная Лунна не будет разочарована. Может ли недостойный узнать имя госпожи?

— Деви, — ответила Эмма и поднесла ладонь к виску.

Вино у этого заведения было довольно крепким, следовало проявить осторожность.

— Именно сегодня на суньми играет талантливый музыкант, жемчужина Гуджоу, — продолжал нахваливать зазывала. — Увидев госпожу, он тут же потеряет разум и сердце от любви!

Эмма посмотрела в сторону Эрика. Тот шел чуть позади не поднимая взгляд, поддерживая ее под локоть. Видно, что он не понимал ее затеи, но и не собирался препятствовать.

— Можно ли попросить другой инструмент? — поморщилась Эмма. Ей не хотелось напоминаний о заклинателе.

— Может небожительница предпочитает нежную дудочку?

— Не имеет значения, — отмахнулась Эмма.

Их привели в роскошно обставленные покои, с большим балконом, с которого можно было наблюдать нарядную набережную. Эмма первым делом развязала ленты на свернутых бамбуковых шторах, опустила завесу на двух окнах. Затем подошла к дверям, ведущим на верхнюю палубу и затворила их тоже.

В комнате витал сладкий аромат благовоний. Мягкие диванчики обитые ярким шелком расположились вокруг низкого столика. Пока Эмма ограждала их от лишних глаз, молодые прислужники принесли нарезанные фрукты и глиняные кувшинчики с вином.

Эмма потянула Эрика за рукав и усадила того на подушки, сама оставшись стоять.

Зазывала с интересом наблюдал за ними, видимо, пытаясь угадать отношения между молчаливым горцем и ярко одетой южанкой. Наверное, они запоминающаяся пара, чего Эмма желала избежать.

— Можете ли оставить нас наедине? — капризно попросила она, внутренне переживая, смогла ли отыграть роль властной лунны.

— Этот недостойный всего лишь ждет представить музыканта, — поклонился зазывала. — Тот заставляет несравненную ждать и будет наказан.

Из-за спины зазывалы раздался низкий чувственный голос:

— Для этого недостойного получить наказание из рук госпожи станет наслаждением.

Вперед выступил стройный мужчина, с подведенными бровями и подкрашенными губами. Он был красив, ухожен, и в движениях угадывалась походка танцора. В длинных пальцах музыкант держал белую жадеитовую флейту. Замысловатую прическу украшала корона с заколками в виде лилий. Эмме они напомнили сотворенную Адамом шпильку, и ее посетила догадка, что здешний музыкант пытается подражать столичному Айгуо.

— Завяжите ему глаза, — приказала она. — И оставьте нас одних.

В глазах музыканта зажегся интерес, да и зазывала отчаянно хотел хоть одним глазком посмотреть на затею странной парочки, но Эмма отказалась от лакомств, игр, загадок и всего обширного ассортимента развлечений увеселительной лодки.

Наконец они остались одни. Музыкант стоял в углу, с замотанными розовой лентой глазами и флейтой у губ. Он старался принять элегантную позу, выгодно подчеркивающую тонкую талию. Эмма самолично проверила повязку, удостовериться, что тот не подглядывает. Эрик, не выдержав привстал, но Эмма жестом вернула его на место. Она стеснялась и хотела уже побыстрее покончить с этим.

Заиграла нежная музыка, а Эмма окончательно уверилась, что имеет дело с подражателем Айгуо. Ей не хотелось вспоминать свой первый танец в этом мире, но у мироздания были другие планы.

Эмма глубоко вздохнула и закрыла глаза, позволив мелодии направлять движения. Она

не умела танцевать и отчаянно стеснялась, поэтому наклонилась вперед и выхватила из рук Эрика маленькую чашечку с вином, осушив ее до дна.

— Эмма... — еле слышно прошептал он.

Она уже скинула туфельки и закружилась по комнате, отстукивая ритм босыми ступнями по деревянному полу. Газовое верхнее одеяние окутало ее красным облаком, вздымалось и опадало в такт движениям.

Музыкант наострил уши, стараясь разобраться в происходящем, а на лице Эрика расцвела улыбка.

Он наконец догадался о замысле Эммы и оценил ее усилия, чтобы он один был свидетелем этого танца. Все, что происходило с ними в эту ночь проводило черту между прошлыми отношениями брата и сестры, и нынешней близостью между нареченными.

Эмма соблазняла его танцем, показывала себя настоящую, без прикрас, без ложной скромности, приглашение на равных.

И Эрик принял предложение, глотнул терпкого сладкого вина из кувшина, и присоединился к диковинному танцу без правил. Они то касались друг друга кончиками пальцев, то расходились по разным углам. Эрик заключал ее талию в горячее кольцо рук, затем кружил над головой. Слышалось их прерывистое дыхание, глухие удары голых ступней, шуршание тканей, еле слышные отрывистые поцелуи. Флейта пела о расставании, любимой темой песней Айгуо, но они праздновали первые шаги навстречу после долгой разлуки. Движение врозь было невыносимым и они тут же впечатывались друг в друга, словно пытаясь стать единым целым. Прическа Эммы растрепалась, высокий хвост Эрика тоже пришел в негодность и он развязал ленту, позволив соломенным волосам рассыпаться по плечам. Они пили вино и танцевали, потом целовались и Эрик опьянел еще больше от вкуса губ Эммы. Это все было ново, и так хорошо, что всю кожу Эрика словно покалывали тысячи острых иголок. Так приятно, что должно быть запретно. Он знал, что ему разрешено все, что угодно. Эмма так открыта и податлива, руку протяни, накрой ладонью и узнаешь упругость и вес груди. Эрику понадобилась вся сила воли, чтобы пообещать себе изведать эти секреты после свадьбы.

Но ведь Эмме ничего не запретишь, и Эрик прикрыл глаза, издав мученический стон, пока ее ладонь оказалась под рубашкой, огладила спину и залезла вниз под завязки штанов.

— Нет? — шепотом спросила она, заглядывая ему в глаза.

Эрик прикусил губу и отрицательно покачал головой. Эмма напоследок еще разок сжала пальцы пониже спины и отступила назад. Запрокинула голову, подмигнула и вновь пустилась в пляс, совершенно неподходящий тягучей мелодии. Затем так же резко вернулась, обхватила его шею руками и приникла для долгого поцелуя.

— Люблю тебя, — так просто сказала она, словно в этих словах не было ничего удивительного.

Признания ведь необходимо ревностно хранить и скупно выдавать лишь пару раз в жизни, а не выдыхать так щедро без предупреждения.

Эрик чувствовал себя глупым и очень счастливым, как герой истории пастух отправившийся на поиски пропавшей козы, а нашедший заброшенную фабрику.

Наконец они выдохлись и повалились на диванчик. Эмма кормила Эрика виноградом с рук, намеренно чуть раздавив ягоды, чтобы он слизывал сок с ее пальцев.

Музыкант шумно вздохнул и Эмма внезапно вспомнила о нем, нахмурилась и резко приказала.

— Спасибо, на сегодня достаточно.

Тот опустил флейту и поднес руку к лицу, не решаясь снять ленту.

Эмма вскочила на ноги, подошла к музыканту и потянула его к выходу за рукав.

— Госпожа, — беспомощно прошептал он.

Эмма вновь вспомнила, как Адам обращался к ней и в ней все восстало против этого человека.

— Вы так нежны к чужаку горцу, — быстро зашептал музыкант. — А ведь этот недостойный обладает многими умениями, чтобы скрасить долгие зимние вечера. Моя игра на дудочке не достойна внимания, но другие говорят, что мелодия суньми звучит намного лучше. Этот слуга наслышан о том, что госпожа предпочитает игру на суньми.

Выходит, в этом Туджоу известно о Деви и ее одержимостью Айгуо! Значит подражатель специально нацепил похожие заколки и сыграл похожую музыку. Он пытается стать заменой заклинателю! Но зачем?

— Этот недостойный молился и днем и ночью повстречаться с госпожой. Я покорен вашей изысканной красотой!

”Как только сумел разглядеть с завязанными глазами.” — подумала она.

Эмма обернулась за помощью к Эрику, но тот опять сделал не причастное лицо.

— Все это очень лестно, — скривилась Эмма. — Но твои усилия совершенно излишни. Эта лунна была спасена горцем, отныне лишь он радуется моему сердцу.

— Вот как? — горько переспросил музыкант. — Этот недостойный будет рад и циновке у вашего порога.

— Я не понимаю, — Эмма на мгновение вышла из образа капризной лунны и прямо спросила. — Скажи правду, зачем я тебе нужна?

— Этот недостойный не смеет соврать! — заверил ее музыкант. — Служить одной хозяйке, знать ее вкусы, намного лучше, чем быть разменной монетой для сотни гостей.

Эмма хмыкнула и снова обернулась на Эрика. Недовольство так и исходило от него сплошной волной, но он не сказал ни слова.

— Сколько стоит выкупить тебя? — спросила Эмма.

Музыкант просиял. Эрик на мгновение нахмурился и сложил руки у груди. Услышав сумму, Эмма нервно сглотнула. Случайный знакомый стоил как содержание тканевого цеха за год. С одной стороны, перед музыкантом было неудобно, с другой стороны, Эмма ясно видела перед собою цель помочь горцам, и не собиралась разбрасываться деньгами, предназначенными для гор Баолян.

— Прости, эта госпожа недостаточно богата.

И тут лебезящий музыкант мигом переменялся, сорвал ленту с глаз и зашипел.

— Ложь! Я слышал, что отец лунны сияет как солнце, а сама она купается в золотой

ванне. Для нее перекупить мой контракт как семечки лузгать. Этот недостойный может быть покорным и полезным, ну посмотри же на меня, госпожа.

Эмма инстинктивно отшатнулась.

— Видимо у госпожи нет сердца! — зло плюнул музыкант. — Она еще пожалеет!

Тут Эрик бросился вперед, закрыл своим телом Эмму и наконец заговорил.

— Как бы тебе не пожалеть.

Дверь в комнату раскрылась, на пороге стоял подслушивающий зазывала и целая толпа прислужников и охранников.

— Этот музыкант вел себя вызывающе, — сухо сказала Эмма. — Ему не хватает воспитания.

— Цао Юэ, как ты смеешь!

Зазывала размахнулся и хлестнул музыканта по щеке так звонко, что голова дернулась как игрушечная, а по подбородку потекла багровая струйка крови.

После этого музыканта подхватили подмышки и утащили куда-то вниз, потом ночь разорвали удары хлыста и резкие крики. Зазывала долго извинялся, но Эмма прервала его излияния, так как хотела поскорее уйти.

— Не наказывайте его строго, — не выдержала она.

Ей не нравилось поведение музыканта, она чувствовала скрытую опасность, но все равно не могла смириться с местной жестокостью.

Вечер был испорчен. Эрик расплатился с владельцем и как только серебро переключало в цепкие руки зазывалы, тот выкрикнул приказ и наказание прекратилось.

Они вышли на освещенную набережную и медленно пошли в сторону каравана.

— Эмма, ты не виновата, — заверил Эрик, но прежде, чем он продолжил, Эмма перебила его.

— Я не жалею, что отказала этому музыканту, я жалею о том, что сразу не попросила заменить его. Чувствовала что-то странное в его поведении. Он специально подражал Адаму, а значит был знаком с Деви. Я отличаюсь от нее, мне нужно было проявить осторожность. Не ожидала, что он вцепится в меня как репей. Зачем?

— Любой человек желает лучшей участи, — пожал плечами Эрик. — Многие лунны проявляют благосклонность к художникам, музыкантам и поэтам. В этом нет ничего особенного.

— Нет, нет, — покачала головой Эмма. — Он слишком настаивал, и этот приступ злости... Хорошо бы узнать его прошлое.

— Нет ничего легче, позволь брату заняться этим мелким поручением.

— Ты же больше не брат мне, а жених, — улыбнулась Эмма.

На щеках Эрика заиграл румянец, заметный даже в свете уличных фонариков.

— Этот брат не смеет, — запнулся он. — Я не смею. Ты смеешься надо мной, Эмма? Подожди, у нас в горах говорят, что женихи смелеют после свадьбы, как бы тебе не оказаться подкаблучницей.

— Нашел чем пугать! И так, скажи слово — сделаю все, что пожелаешь.

Эрик споткнулся, удержал равновесие, а потом так посмотрел на Эмму, что теперь пришел ее черед краснеть.

Между тем, Эрик выполнил свое обещание — расспросил несколько продавцов у ларьков о музыканте. Кто за мелкую монету, а кто и за просто так поделились слухами. Оказывается, Цао Юэ восхищался Айгуо Цзианью с момента дебюта семь лет назад, и даже

потратился на путешествие в столицу, чтобы побывать на концерте. К сожалению, семья мальчика разорилась и музыканта продали на увеселительную лодку. Он надеялся, что талант поможет ему выплатить долги родителей, но в Туджоу не было зажиточных клиентов. Постепенно, образ Айгуо стал для него единственной надеждой, моделью для подражания, и даже, говорили, объектом нездоровой страсти. Цао Юэ писал заклинателю письма и умолял о спасении. Писал не только ему, но и просился в услужение Йи Пейджи. Сегодня же, весь город гудел от слухов, что Деви остановилась на ночевку в Туджоу, вот Цао Юэ заплатил хозяину взятку, чтобы тот представил его южанке. Он желал хоть таким образом стать частью жизни его кумира. Все это было на виду и все охотно обсасывали детали позора Цао Юэ.

Эрик и Эмма обменялись виноватыми взглядами и повернули назад к увеселительной лодке. Пусть и не всю сумму, но десять серебряных слитков они передали в счет долга Цао Юэ в руки довольного зазывалы. Если бы они были в столице, то могли бы позволить большую сумму, но сейчас даже этот подарок означал, что в остаток пути им нужно ограничить расходы.

Пока зазывала кланялся, прижимая к груди деньги, Эмма почувствовала на себе жгучий взгляд. Музыкант смотрел на нее из-за бамбуковой жалюзи. Правая щека алела, губы распухли, а под глазами чернели следы размазанной туши.

Она легко поклонилась и жестом показала, что просит прощения. Глаза мальчишки лишь недобро сверкнули в ответ и он скрылся в глубине комнаты.

“Сначала Деви, потом Цао Юэ, сколько еще обожателей имеются у Адама?” — задалась вопросом Эмма.

Они вернулись к каравану уже глубокой ночью. Ноги гудели от усталости, Эмму ужасно клонило в сон. Эрик устроил ее на удобном мягком ложе и мягко поцеловал в лоб.

— Раньше мы спали в обнимку, но этот жених больше не может похвастаться самообладанием.

Эмма хотела потянуть его за рукав и уткнуться носом в привычное место у шеи, но Эрик так легко уступал ее просьбам, что она только согласно кивнула.

Эрик залез наверх и устроился на плоских крышках плотно сдвинутых сундуков. Эмма приподнялась на локтях проверить, что он взял туда циновку и одеяло.

Горцы обычно спали на твердом, но Эрик быстро заметил, что Эмме более привычны матрасы, и с тех пор окутывал ее на ночь в уютный кокон. Какое сердце устоит перед ним?

Не смотря на усталость, сон не шел, и Эмма все больше погружалась в беспокойные мысли. Ее тревожила встреча с музыкантом, она боялась возвращения в Ра и все ворочалась с нехорошим предчувствием катастрофы.

А потом эта тревога сменилась жадной охотой оказаться подле Эрика, прикоснуться к его теплой коже. Эмма всем существом ощущала зуд подтянуться вверх на сундуки, ощутить близость крепкого родного человека, просунуть ладонь между пол ночного халата, потянуть за завязки штанов.

Эрик не будет сопротивляться.

Но он ведь не хотел этого...

Он просил подождать.

Щеки Эммы горели, она прикусила губу, приказывая самой себе успокоиться и выбросить пошлые мысли из головы. Дело в том, что Эмма всегда считала себя холодной и практичной девушкой. Первый опыт с парнем был откровенно провальным — они оба не знали, что делают, а неудачливый кавалер после того, как причинил боль, затем оконфузился пропал с горизонта. Если считать вторым разом близость с Адамом, то все прошло намного лучше и Эмма даже начала понимать, почему люди стремятся переспать друг с другом. Но тогда она совсем не доверяла заклинателю, и считала происходящее дурным сном.

К тому же ее очень тянуло к Адаму, но она с легкостью могла противостоять томлению. Второго раза не случилось, как бы их не притягивала магия.

С Эриком тоже. Сколько ночей в одной кровати с ослепительно красивым мужчиной, которого Эмма беззаветно любила. Ни разу собственное тело не вышло из под железного контроля. Она уважала стремление остаться братом и сестрой.

Эмма тяжело задышала и перевернулась на живот, плотно сжав ноги. Уши чутко улавливали легкое дыхание заснувшего горца. Она представила, как соблазнительно

трепещут длинные ресницы над нежной кожей щек, как губы чуть приоткрылись во сне, все еще чуть припухшие от длительных поцелуев. Может, ночной халат развязался, открывая кожу груди, а может она сможет увидеть плоский розовый сосок.

В раздражении, Эмма прикусила подушку.

Она вспомнила, что Адам хотел как можно скорее привести партнера, чтобы завершить ритуал. Если бы он помедлил, она бы тоже начала сходить с ума, как под действием афродизиака? Что бы с ней не происходило, это не было естественным, а чем-то чужим, наведенным.

Эмма с ужасом осознала, что Эрик был прав, и теперь не она управляет потоками Ши, а магия вмешивается в самую интимную часть жизни.

Она будет сопротивляться. Чего бы ей это не стоило.

Как только Эмма приняла это решение, ее тело прошило желание такой силы, что она вся выгнулась, а на белье между ног проступило влажное пятно. Одежда ощущалась жесткой, царапающей, и совершенно лишней. Эмме стало невероятно жарко.

Вцепившись в ворот ночного халата, Эмма тяжело задышала и потуже затянула завязки на штанах. Движение ткани между ног отозвалось горячей волной удовольствия.

— Эмма? — спросил низкий голос Эрика.

Она замерла, кусая губы, стараясь притвориться спящей. Горец бесшумно спустился вниз, и тут Эмма услышала, как он резко втянул воздух носом.

Пахло ее желанием.

— Тебе... — глухо сказала она. — Переночуй снаружи.

Ей было стыдно, поэтому Эмма спрятала лицо в подушку. Не смотря на все усилия обрести контроль над бунтующим телом, ее спина сама собой соблазнительно изогнулась, а одеяло сползло вниз.

Горец замер на месте. В фургончике не было слишком темно, так как снаружи все еще горел костер и досиживали пьяные караванчики. В теплых бликах, Эмма выглядела особо развратно, с разлетевшимися темными локонами и острыми напряженными лопатками.

Она сама не поняла, как получилось, что обернулась к горцу и облизнула искусанную нижнюю губу.

Эрик отпрянул, прикрывая ладонями нижнюю часть.

Эмма застонала, села на постели, закрыв лицо от стыда. Она не заметила, что ночной халат полностью развязался, выставляя пышную грудь на полное обозрение, включая заострившиеся соски.

Эрик отвернулся, нащупывая ручку двери фургона. Потом, словно замороженный, проверил, что ключ надежно повернут в замочной скважине, заперев их от окружающего мира. Затем медленно, как хищник перед прыжком, повернулся к ожидающей позади соблазнительнице.

Та уже запахнула халат и завернулась в одеяло, теперь судорожно приглаживала растрепанную копну волос. Она подняла испуганный взгляд на Эрика.

— Что со мной? — пересохшими губами спросила Эмма.

Горец укоризненно покачал головой и принялся развязывать пояс ночного халата. Тот упал к его ногам бесформенной белой массой, потом туда же отправились штаны.

Взгляд Эммы довольно загорелся и она одобрительно улыбнулась.

— Так и знала, что и там у тебя волосы светлые.

Она тут же зажала себе рот, но Эрик в мгновение ока оказался рядом, потянул на себя

ладошку и нежно поцеловал запястье.

— Этот жених польщен, что желанен жене.

— Ты хотел ждать...

— Да, я буду опозорен, Эмма, но мы ведь с самого начала знали, что этот недостойный — бракованный товар.

Она отмахнулась от слов и потянулась за поцелуем. Схватила его голову и впиалась в нижнюю губу, посасывая и кусая. Тут же отпрянула, заглянула в глаза и просительно спросила:

— Что в меня вселилось?

— Это влияние потоков Ши. У нас в горах принято подчиняться их воле. Этот жених не будет в обиде.

В подтверждение, Эрик наконец дал себе волю и прижался тазом к животу Эммы. Он был просто каменно твердым.

— Ты хотел после свадьбы... Я не смогла выполнить просьбу. Прости меня...

— Я придумаю, как стребовать долг с жены, — хитро улыбнулся Эрик и растянул полы ее халата. Тут же нагнулся вперед и словил ртом грудь, предварительно накрыв ее губы ладонью, приглушая вырвавшийся у Эммы стон.

Этот горец определенно стал смелее после помолвки!

Эмма нашла ладонью толкающую твердость, наслаждаясь правом проверить на вес, толщину и длину. Она вспомнила проведенные минуты в тесноте потайного ящика в кровати, и то, как ей хотелось тогда везде потрогать горца.

Она сжала руку вокруг члена и спросила:

— Помнишь, как нас заперли, а ты сбежал на самом интересном месте?

Эрик с причмокиванием отпустил ее грудь, между ними натянулась и лопнула прозрачная ниточка слюны.

— Эмме нравится вспоминать мой позор? С тех пор этот жених мечтал доказать, что способен продержаться намного дольше.

— Я в другом теле, — расстроено заерзала она.

— Да хоть в каком, — нахмурился Эрик, и обездвижил, навалившись тяжелым мускулистым весом. — Главное, это ты. Ч-ш-ш.

Последнее он прошептал, подув на ее сосок, и опустившись ниже к треугольнику волос у бедер.

— Обожаю твой запах.

Эрик раздвинул ее бедра и принялся исследовать самую нежную часть осторожными движениями пальцев и языка. Недостаток опыта он восполнял чуткостью и талантом считывать реакцию Эмму. Совсем скоро, она уже комкала простыни, и запихивала в рот, чтобы скрыть стоны. Ее ноги дрожали, и ей казалось, что она скоро умрет или вознесется на небеса. Этот невозможный мужчина лизал и дул на нее, намеренно оттягивая пик, невозмутимо терпел даже когда она от нетерпения потянула его за длинные волосы. Его широкие плечи держали ее бедра открытыми. Эмма чувствовала себя распятой, полностью беспомощной, и в то же время на остром пике удовольствия.

Наконец его язык влажными быстрыми движениями погрузил ее в беспамятность. Эрик приподнялся на руках, передвинулся вперед, нависнув над нею, и накрыл ее своим телом, позволив члену проскользнуть в узкую глубину.

— Люблю тебя, — прошептала она, а Эрик глухо застонал.

— Ты меня избалуешь, Эмма, — пожаловался он. — Как же сладко с тобой.

Он замер, наслаждаясь ее близостью и теплотой. Эмма плотнее сжала бедра, ощутить как он пульсирует внутри. Эрик задвигался, каждое движение медленное и неотвратимое, как прилив. Она вонзила ногти в спину, подалась бедрами вперед, желая быстрее, но Эрик как маятник сводил ее с ума глубокими неторопливыми толчками. Сопение и сопротивление прерывались поцелуями, и его язык царил у нее во рту, повторяя сводящие с ума движения снизу.

Совершенно бесшумно, отступал чуть ли не на полную длину, чтобы постепенно заполнить ее всю до краев, проглотить, обсосать, переплестись и стать одним целым. И как только он до самых глубин проникал так, что Эмма чувствовала себя распятой, то медленно двигался назад, безразличный к попытке укусить и расшевелить его. Только неумолимое движение, от которого Эмма ощущала каждую жилку на его члене, так, что покалывало в затылке и в груди разгорался пожар.

Вперед, и Эмма беззвучно раскрыла рот, куда тут же погрузился язык Эрика, лоя малейший стон. Она почувствовала себя растянутой до краев, до слез. Благословенное чувство наполненности. И тут же движение бедер назад, невосполнимая потеря, длящаяся, казалось целую бесконечность, пока Эрик не смилостивился и снова подался вперед, как накрывающее с головой цунами.

И все это длилось и длилось, так же неторопливо, не набирая темпа, пока Эмма не почувствовала себя бьющейся на берегу рыбой. Она резко дернула головой прерывая поцелуй, впиалась зубами в крепкое плечо горца. Обвила ногами бедра Эрика, вся сжалась внутри. Горец издал короткий стон от боли в плече, не выдержал и резко задвигался в Эмме, полностью оглушая ее. Они достигли пика вдвоем, полностью в унисон, донельзя довольные и удовлетворенные друг другом.

— Я люблю тебя, — хрипло шепотом повторила Эмма.

— Я привыкну слышать это, — отдышался Эрик.

— Мог бы и ответить, — обиженно попросила она и обвила руками за талию, прижимая расслабленного горца еще ближе.

— Не могу, — признался он. — Прости недостойного. Я весь твой, делай что пожелаешь.

Она засопела ему в грудь, лишь прижала ближе к себе, мстительно повторяя:

— Я люблю тебя, слышишь? Люблю тебя!

Эрик густо покраснел и зарылся носом в ее волосы. После недолгого молчания Эмма приподнялась на локтях и заглянула Эрику в лицо.

— И все же, я из другого мира и не могу не думать об этом. Что, если твои чувства ко мне наведены магией? Если бы я не была Лунной, обратил ли бы ты на меня внимание?

Эрик не ответил сразу, серьезно обдумывая ее слова.

— На самом деле, этот жених втайне бывало мечтал о том, чтобы Эмма была простой девушкой ранга До. В таком случае, я бы смог быть смелее и признаться в чувствах намного раньше.

— Что? Ты хотел перестать быть заклинателем? Но ведь это страшный позор, не так ли?

— И что с того? Честь этого жениха давно разлетелась на мелкие осколки. Зато прожить жизнь с Эммой... Этот жених часто заглядывался на соседей, Ярана и Ахмара.

Эмма тоже помнила бывших соседей, которые женились на обычных горожанках и растеряли флер заклинателей. Их жизнь не выглядела особо счастливой. Они перебивались случайным заработком и скудной пищей, часто через тонкие стенки слышались обычные семейные скандалы. И все же, Эмма понимала Эрика и тоже выбрала бы судьбу обычной горожанки. Лучше, чем быть марионеткой потоков Ши!

— Я поняла, ты втайне вовсе не рад тому, что у Лунн несколько мужей. Признайся, ты хочешь быть единственным!

— Я не смею! — Эрик тихонько улыбнулся. — Это глупое желание, пережиток прошлого.

— Ничего подобного! Я тоже не хочу, чтобы эти самые потоки толкали меня к другим. Расскажи скорее, как избавиться от магических сил!

Эмма перекатилась на грудь Эрика, но с сожалением увидела, что тот отрицательно покачал головой.

— Увы, этому жениху неизвестен способ.

— И что? Просто так смириться с тем, что Ши управляет нами?

— Этот жених не знает, как может быть по другому. В горах Баолян, стараются заключать браки согласно воле потоков Ши. Если жениха и невесту тянет друг к другу, это приветствуется. В Ра все наоборот. Про интриги в семьях заклинателей ходят легенды. Мужья часто ненавидят друг друга и борются за влияние на жену. Дети в таких браках редки, особенно, девочки. Некоторые семьи насчитывают и по семь мужей, но все равно бездетны. Первостепенное значение имеет происхождение и достаток семьи. Часто, о браках договорено еще с детства. К тому же, на заклинателей в Ра накладывают печать при рождении, которая увеличивает магию и гарантирует верность жене. То есть, в Ра наоборот, пытаются перекрыть потоки Ши под политику.

— Я понимаю, ты считаешь, что эта магическая тяга между нами лучше холодного выбора по расчету.

— Мне интересно, Эмма... А какие обычаи в Оду? — вкрадчиво спросил Эрик.

Эмма поняла по напрягшемуся телу горца, что тот давно хотел расспросить ее про случившееся на юге. На самом деле, она и сама желала поделиться пережитым, только не знала, как правильно подобрать слова.

— У них поровну мальчиков и девочек, я не видела, что проклятие Гуанхина как то

коснулось южных племен. Может дело именно в том, что Главный жрец — средоточие клана. Ему поклоняются словно божеству. Их утренние и вечерние молитвы, ничто иное, как сбор жатвы. Жрец как клещ присосался к клану, ежедневно отбирая потоки магических сил. На самом деле ему больше трехсот лет, он просто меняет тело на более молодое и привлекательное, как надоест. Они говорят, что на обмен нужно согласие, но разве можно отказать божеству? Он всеми правдами и неправдами добивается своего. Я сама видела, как он обхаживал очередного молодого красивого парня, внушая, какая честь отдать свое тело.

Эрик легко скривился, выдавая отвращение, а Эмма продолжила:

— Сила веры и вправду вызывает восхищение. Если заклинатели собирают Хуа в поте лица, то к жрецу Хуа так и тянется из земли, нарастает на тело и полностью преобразует. Весь клан уверен, что это божество спустилось с неба в тело солнечного, но на самом деле он тратит украденное. И ему все мало, Эрик. Главному жрецу позволено все, но больше всего он желает именно то самое, единственное недоступное.

Эрик приподнял бровь. Его взгляд спрашивал, имеет ли Эмма в виду происходящее ночью между супругами.

— Именно! Он не желает упустить ни крупинки магии, поэтому не смеет дотронуться до обычной женщины. Может лишь смотреть, и если бы ты знал, какие непотребства творятся в храме солнца на его потеху. Красавицы жрицы на его глазах отдаются кому угодно, а солнечный открыто удовлетворяет себя.

Эмма чуть кашлянула, но продолжила дрожащим голосом.

— Солнечный собирался по быстрому изнасиловать меня до обмена. Эрик, я никогда так не боялась! На мое счастье, Деви что-то подозревала, поэтому не выпускала меня из под надзора. Она устроила истерику, что не согласна на оскверненное тело и папаше пришлось отступить. Как вспомню, мутит.

Эрик сжал кулаки.

— Я должен был быть рядом.

Эмма досадливо покачала головой.

— Мы для них, никто. Они ставят себя выше обычных людей. Ах, Эрик! — Эмма схватила его за предплечье в сильном волнении. — Если бы главный жрец узнал о том, что мне открылся его секрет, меня бы не выпустили живой!

— Что Эмма имеет ввиду?

— Насколько я поняла, обычно во главе клана стоит пара, состоящая из главного жреца и его супруги. Им молятся примерно поровну, мужа просят об охране от врагов, а к жене обращаются с просьбами о здоровье. Кланы вечно грызутся между собой, мечом и кровью пытаюсь отобрать верующих, словно скот, чтобы стать еще сильнее. Солнечный клан один из самых могущественных, но десять лет назад, поклонники бога-крокодила внезапной атакой чуть не одержали победу. Тогда главный жрец выпил магическую силу своей жены. Я не очень поняла детали, но знаю, что ей было так больно, что в процессе она вогнула острый кинжал под ребра, чтобы избежать страданий. Ее смерть списали на крокодилов и историю замяли. Дело в том, что Деви была свидетельницей смерти матери. Когда мы обменялись телами, то обе видели самые яркие воспоминания друг-друга. Именно поэтому ей разрешено путешествовать за пределы границ клана в Ра. Главный жрец не в силах смотреть в глаза собственной дочери.

Эрик прижал ее к сердцу и тихо сказал.

— Этот жених рад, что ты вернулась живой. Обычаи юга слишком опасны.

— Как будто в Ра лучше! Наши миры очень похожи по своей сути. И тут и там достаточно несправедливости. Что я хочу сказать, Эрик? Жить очень непросто, но мне так хочется быть с тобою... Адам когда-то сказал, что когда двое предназначены друг другу, Ши течет по широкому руслу реки. Пара в гармонии гуляет, держась за руки, под сенью цветущей вишни. Когда я смотрю на тебя, то вспоминаю этот образ.

Они сотни раз обговаривали этот план, еще до путешествия на юг. Деви дала слово, что подготовила почву.

Тогда, чтобы Эмма согласилась на обмен, южанка была готова наобещать золотые горы. Теперь, когда столица столь близка, Эмма мучилась сомнениями. Выполнила ли Деви свою часть сделки, или же солгала?

Все было очень просто. Деви должна была связаться с чиновниками, объявить, что осознала истину, и желает стать подданной Ра. Принести клятву верности императрице, взять на себя ответственность законопослушной Лунны. Объяснить, что прежде чем отречься от прошлого, нужно отправиться в Оду — проститься с кланом и разорвать с ними все связи. Конечно, отвернуться от родных не просто, поэтому она вернется в подавленном состоянии. Можно сказать, другим человеком.

Эмма хотела узаконить многочисленные фабрики и лавки, открыть банк, а дальше развернуть далеко идущие планы по обогащению и переправке средств в горы Баолян. Перед Луннами все дороги открыты. Только бы Деви и правда сдержала слово!

Караван стоял у закрытых ворот в Яншо в длинной очереди торговцев и путешественников. Охранники разводили руки в сторону и повторяли, как заведенные, что ловят опасного преступника. Пускать никого нельзя. Даже, обычно эффективные взятки не помогали. Стоял гул возмущенных голосов, но солдаты невозмутимо держали глухую оборону. Приказ есть приказ.

Погода выдалась отвратительная — серые тучи нависали над городом, дул пронзительный холодный ветер. Путешественникам хотелось добраться до теплых домов, а не прозябать под ледяным накрапывающим дождиком.

В это время, Эмма и Эрик занимались последними приготовлениями к свадьбе. Они купили алые наряды в ближайшем к столице городке. Эрик сказал, что ткани не лучшего качества, но Эмме все равно золотая вышивка казалась очень красивой. Сначала Эрик помог ей облачиться. Богато украшенные бисером, жемчугом и драгоценными камнями юбки и халаты оказались неожиданно тяжелыми. Каждое движение сопровождалось позвякиванием, не говоря уж о заколках и цепочках в волосах, к которым Эмма долго привыкала. К тому же, на голове полагалось носить высокий золотой венец, украшенный лазоревыми вставками и висячими бусинами. Эрик восхищенно вздохнул, глядя на нее, и Эмме удалось урвать сладкий поцелуй.

Чем ближе к столице, тем скромнее становился жених. Больше близости между ними не случилось. Горец сказал, что теперь, когда ритуал привязки души к телу окончен, можно подождать свадьбы. Эмма, со своей стороны, не хотела ничего ждать. И в прошлом мире, и в новом, она привыкла принимать от жизни неожиданные подлости. Ей казалось, что у нее скоро отберут этого чудесного мужчину.

По этой же причине, они решили не временить со свадьбой. Все равно клятву верности родине приносили перед каждой церемонией бракосочетания во “Дворце верности”.

Именно о предстоящем думала Эмма, пока Эрик готовился за ширмой. Она переживала, что подмена личности будет очевидна, поэтому репетировала как задира подборок и смотреть на окружающих с презрительным прищуром, подобно Деви. Эмма, с сожалением, поняла, что чем больше старается, тем фальшивей выглядит. После долгих колебаний, она

решила, что разумней всего вести себя, будто находится в обществе давних подруг Веры и Лизы — расслабленно и уверено в себе. Она погрузилась в воспоминания о том, как они судачили о знакомых за чашечкой чая, и не сразу заметила, что из-за ширмы выступила высокая фигура в красном. А когда подняла взгляд, то забыла обо всем на свете.

В ниспадающих одеждах Эрик выглядел еще больше похожим на ангела с фрески. Вопреки обычаям Ра, он не связал волосы под заколкой, а сводобно распустил по мощным плечам. Словно жидкое золото текло по алой ткани, до узкой талии, подчеркнутой черным поясом с золотыми вставками. Стройные ноги выглядели еще длиннее в узких красных сапогах. Белая кожа казалась жемчужной, голубые глаза напряженно смотрели на Эмму, считывая ее реакцию. В руках Эрик держал прямоугольный кусок ткани.

— По традиции гор, невесте следует накинуть покров на жениха. Этим она показывает, что отныне между ними и миром проходит преграда.

Эмма взяла плотную красную ткань, на которой были вышиты пары уток на поверхности пруда. Покров был совершенно непрозрачен.

— Как ты сможешь что-то видеть? — удивилась Эмма.

— Невеста будет направлять этого жениха. Только помни...

— Конечно, я помню. Снять покров можно только на пороге дома, и только после того, как невеста приоткроет лишь губы и запечатает брак поцелуем.

Эмма потянулась на носках к чуть приоткрытым губам Эрика, тот нежно, но твердо отстранил ее.

— Ожидание прибавляет сладости.

Эмма горестно вздохнула, покорно накрыла голову чуть наклонившегося жениха алым покрывалом. Даже с закрытым лицом жених Эрик выглядел невероятно привлекательным.

Невесте тоже полагалась вуаль — легкая газовая паутинка красного цвета, прикрывающая лишь нижнюю часть лица. Она крепилась к специальным застежкам на головном венце подле висков.

Эмма с судорожным вздохом поправила вуаль и невидимые складки на юбках. Прикоснулась к предплечью жениха, проследила вышитый золотой нитью узор переплетающихся завитушек и сплела пальцы с теплой рукой Эрика.

Он слишком хорош для нее, Эмма это ясно понимала. Магические силы достались слишком легко, а в этой жизни за счастье следует тяжело потрудиться.

— Я приложу все усилия, чтобы позаботиться о женихе и его братьях, — церемонно сказала она.

— Невеста говорит совсем как уроженка гор, — восхищенно прошептал Эрик.

Снаружи послышался вежливый оклик.

— Когда госпожа будет готова, повозка прибыла. Врата в столицу открылись, Луннам положено въехать в первую очередь.

Эмма отозвалась, что скоро выйдет, а пока шепотом в который раз спросила Эрика:

— Ты уверен, что наша свадьба не вызовет вопросов? Всем известно, что Деви была увлечена Айгуо Цзианью.

Эрик утвердительно кивнул, из под покрывала послышался его приглушенный голос.

— Невесте достаточно отговориться тем, что ее привлекают заклинатели экзотической внешности, — повторил он придуманную раньше отговорку. — На самом деле, будет лучше, если невеста не станет проявлять в сторону этого жениха излишних знаков внимания. Эмма слишком добра к этому недостойному.

— Но что же мне делать, если руки сами тянутся к тебе?

Эмма обхватила тонкую талию жениха и наклонилась привычно потереться щекой о широкое плечо, но объемный венец и вуаль помешали прикоснуться к Эрику. Эмма разочарованно вздохнула. Пришла пора расстаться с уютным фургоном, где они могли быть собой вдали от недружелюбной толпы.

Открыв дверь фургончика, Эмма приняла руку ожидающего внизу слуги и спустилась. Затем повернулась и помогла Эрику, который не мог ничего видеть из-за душной ткани на лице.

Ветер сразу же заиграл с длинными одеждами, алая ткань заструилась по воздуху. Бусины на венце Эммы зазвенели, но покров так и остался неподвижен, потому что в край были вплетены свинцовые шарики.

Их поджидал алый паланкин, который по старой традиции несли на плечах восемь рослых мужчин. Эрик также нанял молодых девушек, держащих корзины полные сладостей и риса, охранников и служанок. Свадебный кортеж должен выглядеть богато, но не слишком привлекающим внимание.

До искажения магических потоков Гуанхином, невеста направлялась в усадьбу жениха в паланкине, а сам жених сопровождал ее рядом, верхом на лошади. Теперь же, брак одобрили во “Дворце верности”, и обоим надлежало прибыть внутри повозки.

Внутри паланкина на противоположных концах завешанного алым шелком помещения, расположились две скамеечки. Эмма провела Эрика за руку к сидению и устроилась рядом с ним, тесно прижимаясь боком, хотя, наверное, им следовало сесть на расстоянии, друг напротив друга. Ровное тепло, исходящее от горца, успокаивало и придавало уверенности.

Повозка качнулась и поднялась в воздух. Шесты устроились на плечах сопровождающих. Впереди шел специальный человек с громким голосом, приказывающий толпе расступиться. У него так же хранились их документы и разрешение на въезд в столицу.

Эмма все еще нервничала, и поэтому положила ладонь на бедро Эрика, в поисках поддержки. Тут же ее щеки окрасились алым, так как она кончиками пальцев коснулась чего-то твердого и горячего.

— Как же так? — в смущении прошептала она. — Тебе же ничего не видно.

Эрик приподнял кулак к губам и тихо кашлянул, другой рукой отодвигая ладонь Эммы.

— Невеста так хорошо пахнет и так крепко прижимается... Этот жених уже испорчен воспоминаниями, каких у него быть не следует.

— Ничего, скоро займемся сотворением новых воспоминаний, и на сей раз, надеюсь, у тебя закончатся отговорки.

Эрик глухо закашлялся под покровом, а Эмма осознала, что нервозность куда-то испарилась, и ее захватило волнительное предвкушение. Она вернула ладонь в то место, откуда Эрик пытался ее вытолкнуть.

— Ты так часто отвергаешь меня, что мне требуются доказательства твоего желания.

Тут Эрик перехватил ее запястья, свел за спиной Эммы и навис сверху так, что она оказалась совсем обездвижена в тесном пространстве паланкина. Покров чуть приподнялся, открывая красиво очерченные губы Эрика.

— Если Эмма будет продолжать, мы не доедем до “Дворца верности”. Пожалей этого жениха, — Эрик прерывисто выдохнул и продолжил. — Если же хочешь убедиться в моем желании, оно вовсе не находится в том месте. Средоточие моей любви, вот оно.

Эрик бережным движением вытянул ее кисти из-за спины, и прижал к груди, где гулко

билось его сердце.

— Ты меня пристыдил, — покраснев, сказала Эмма.

— Можешь сомневаться во всем остальном, но верность этого жениха незыблема, как горы.

Эрик сел обратно на скамью, тесно прижатый к боку Эммы. Та хотела положить голову на его плечо, но проклятый венец опять помешал.

— Я разочарую тебя, — призналась она в своих страхах.

— У нас схожие мысли, — в приглушенном голосе Эрика сквозила грустная улыбка.

Они вправду были похожи и понимали друг друга с полуслова.

— Я буду стараться...

— Этот жених постарается... — начали они одновременно и рассмеялись. Сколько раз они говорили что сделают все возможное друг для друга?

Меж тем повозка остановилась у врат в Яншо. Стражники просмотрели документы, один из них даже заглянул в повозку.

— Простите за беспокойство, госпожа Деви, — сказал он. — Просим жениха показать лицо. Ищем преступника.

Эрик послушно приподнял покров. Лицо стражника исказилось от отвращения, он бросил на Эмму непонимающий взгляд, но не осмелился ничего сказать вслух. Чем дальше на север, тем сильнее предубеждение против горцев.

Их впустили в город и паланкин продолжил шествие по узкой улочке. Девушки осыпали кортеж рисом и предлагали прохожим сладости. Люди интересовались, кто в паланкине, а услышав имя Деви радостно восклицали о могуществе Ра. Даже южные кланы вскорости присоединятся и тогда великой стране не будет равных.

Когда Эрик слышал подобные речи, его пальцы немного сжались, сминая алую ткань. Он думал о войсках, которых готовили для похода на север. Речи прохожих всего лишь зеркало планов правительства. Ра не остановится, завоевав плодородные предгорья. Они давно зарятся на залежи руды, а это значит, что грядет затяжная и жестокая война.

— Эта клятва верности, которую нас заставят принести — шепотом спросила Эмма. — Что о ней думает жених?

— Только невеста принесет клятву, — поправил ее Эрик. — Этот жених не будет иметь высокого статуса. Не нужно беспокоиться, у этой клятвы не будет настоящей власти. Невозможно наложить ментальную печать во взрослом возрасте, не нанеся вред меридианам. Ра заинтересована использовать полный потенциал Лунны, поэтому они не причинят вреда.

— То есть подобные печати существуют? — заинтересовалась Эмма. — Которые заставляют подчиняться?

— Лишь в империи драконов практикуют подобное, — скривился Эрик. — Невеста слышала о печати раба? Это заклинание заставляет беспрекословно слушаться господина, но также причиняет нестерпимую боль и высасывает жизненные силы. Жестокая гадкая участь. Впрочем, в Ра наносят печать на новорожденных младенцев, что ничем не лучше.

Между тем кортеж, видимо, достиг места назначения. Эмма сдвинула ткань занавесок, выглянуть наружу. Их как раз проносили через широкие ворота усадьбы. Возле высокой стены в ряд выстроилось больше дюжины красных паланкинов. Служанки жались друг к другу на лавочках, скрываясь от сквозняка, болтали и поедали сладости. Охранники шумно играли в кости, но при виде очередного кортежа притихли в ожидании.

Паланкин осторожно опустили на землю. Дверь открылась и двое слуг протянули Эмме

руки, предлагая помощь спуститься. В свою очередь, Эмма повернулась к Эрику. Тот осторожно наклонился и элегантно ступил наружу, всем своим видом выражая покорность.

Мощный двор вел ко внутренним воротам, через которые просматривался очаровательный сад. Туда и показали проследовать Эмме, Эрик послушно держался чуть позади.

Вокруг живописного прудика построили крытые беседки. Повсюду стояли кадки с цветущими хризантемами и висели красные фонарики. На низких постаментах посреди беседок расположились жаровни для обогрева, а от дождя натянули красные навесы. Во внутреннем дворике было тепло, а журчание воды и шум дождя на листьях кувшинок навевали умиротворенное настроение.

Их провели к одной из таких беседок, нависающей прямо над водой. Отсюда можно было видеть соседние балкончики, где на многочисленных скамейках расположились молодожены в красных одеяниях. Невесты, гордо приосанясь, бросали друг на друга оценивающие взгляды. Посмотреть было на что, размеры венцов и роскошь одеяний и правда вызывали восторг. Женихи опирались на перила, либо сидели недвижимо в элегантных позах, как ослепленные соколы, с лицом закрытым покрывалом. Эмма отметила, что большинство девушек привело по одному жениху, но были и такие подле которых стояло по двое, а то и по трое. Были и такие женихи, что жались по углам в одиночестве.

В их беседке поместилось три скамьи. На одной сидела невеста в годах, с ярким макияжем только подчеркивающим возраст. Ее венец, похожий на разрезанный надвое кокошник, вместо драгоценностей украшали сплетенные из бархата яркие цветы и искусственные птицы. Ряд длинных бусин закрывал лоб. В руке она держала веер и медленно обмахивалась. Подле мощной фигуры невесты сидели два стройных и низкорослых жениха. Даже с закрытым лицом они выглядели очень юными.

На скамье напротив жался к самому краю неопрятный высокий жених. Его красные одежды были потрепаны по краю и покрыты непонятными пятнами. Несмотря на расстояние, Эмма уловила неприятный кислый запах.словно ощутив ее отвращение, жених постарался еще сильнее вжаться в подлокотник сдвигаясь прочь.

Эмма провела Эрика к свободному месту, тот сел и безмолвной статуей замер, став неотличимым от других женихов.

Щуплый старичок с седой бородкой и свернутым списком подошел к беседке подле них и назвал имя. Довольная невеста потянула за рукав жениха и они прошествовали во внутренние комнаты.

Значит их вызывают по очереди.

Матрона справа чуть наклонилась вперед и спросила:

— Неужели этой Лунне удалось своими глазами видеть во дворце верности саму Деви? Кого же она ведет под венец, разочаровавшись в красавчике?

Воистину вся столица в курсе одержимости Деви. Эмма подавила волну паники. Вот и настал момент проверки личины. Как бы она ответила близкой подруге?

Эмма лениво пожала плечами и погладила Эрика по бедру.

— И не упоминайте недостойного. Эта лунна смотрит в будущее, а не в прошлое. В этот раз я буду оберегать своего избранника от чужих глаз. С кем имею честь разговаривать?

— Ах простите, — оживилась матрона. — Эта лунна невежливо решила, что Деви запомнила ее имя всего лишь после мимолетной встречи. Чао Синсин высказывает уважение.

Эмма чуть не побелела от страха, осознав, что Деви в прошлом уже встречала эту даму. Посчитает ли она произошедшее оскорблением? Затаит ли обиду?

— Эта Лунна осознает ошибки прошлого, — скорбно ответила Эмма. — По сравнению с другими, эта подданная невежественна и груба. От всего сердца надеюсь, что Лунна Чао не сочтет излишним трудом наставлять эту недостойную в будущем.

В любой непонятной ситуации лучше всего показать смиренность.

Эмма вежливо и глубоко поклонилась. Матрона тоже чуть склонила подбородок.

— Вижу лунна Деви стала мудрее после выпавших на ее долю испытаний. Эта лунна замолвит слово перед императрицей.

— Даже до этой лунны дошли слухи о величии дома Чао. Уверена советы Лунны Чао имеют вес в сердце императрицы.

Тут двери во внутренние покои с треском распахнулись и наружу вышел высокий мужчина с темно красными волосами, развевающимися от сквозняка. Стройное тело с широкими плечами война, облаченный в черные одежды с вышитым золотым драконом на плече, он притягивал взгляд властной аурой. Лицо мужчины искажал гнев, желтые глаза хищно сверкали, а губы обнажили острые зубы в нехорошей ухмылке.

Черты лица мужчины были слишком резкими, чтобы считаться красивыми, но Эмма не могла отвести глаз, как мышь перед совиными когтями. Ее сердце лихорадочно забилось, она вцепилась в бедро Эрика, как в спасательный канат.

Незнакомец бросил на нее лишь мимолетный взгляд, и не стал скрывать презрения, словно сумел заглянуть в самую душу Эммы и разглядеть сковавшее ее восхищение.

— Сколь уродлива, столь бесстыдна, — бросил он колкую фразу достаточно громко, чтобы невесты в соседних беседках заозирались в сторону Эммы.

Она не смогла сдержать судорожного вздоха и волны густого румянца на лице. Слова мужчины жалящим хлыстом обвили сердце. Хорошо, что вуаль скрыла часть ее позора.

Высокий мужчина развернулся в сторону выхода, алые волосы описали красивую дугу в воздухе. За ним семенили по парам две шеренги ароматных и прелестных юные дев. Пышную грудь перетягивали широкие вышитые ленты, на белоснежном лбу нарисована лилия, влажные глаза устремлены в пол, движения изящны. Покатые плечи покрывали прозрачные шарфы, струясь как ручейки по шелковым юбкам. По сравнению с ними высокая смуглая Деви и правда выглядела грубо.

— В день нашей свадьбы невеста засматривается на других? — вкрадчиво спросил Эрик.

— Конечно, — буркнула Эмма. — Вот на него особенно, — указала она на несчастного изгвазданного жениха на скамье справа.

Эрик чуть приподнял покров, бросить украдкой взгляд.

— Кого бы ни выбрала невеста, этот жених согласен, — тихо сказал он.

— Хорошо воспитан! — отметила сидящая слева матрона. — Вкус Лунны Деви и вправду улучшился. Не стоит обижаться на сказанную драконом грубость. Их империя катится к закату, императрица больше не снисходит к выполнению просьб, вот генерал Ли и вымещает свой гнев. Послушай слова старших: эта Лунна в юности тоже выделялась среди других ростом и размером, что не помешало верно служить родине три десятка лет. Лунне Деви не нужно переживать о своей внешности.

Эмма все еще не отошла от унижения, поэтому неожиданная доброта матроны окутала теплой шалью.

— Эта недостойная благодарит Лунну Чао за наставления.

Сухощавый старик с седой бородкой как раз подошел к их беседке и объявил.

— Лунна Деви прошествуй за этим чиновником.

Эмма в недоумении бросила взгляд на матрону. Она пришла позже и ожидала, что Лунну Чао позовут прежде.

— Иди дитя, — отмахнулась лунна Чао. — Эта лунна заключает брак в двадцатый раз. Новеньких берут первыми, не дать времени передумать.

Эрик тоже встал и послушно прошествовал за чиновником чуть позади Эммы. Внутренние коридоры дворца верности были выстланы бамбуковыми циновками. На стенах висели картины с цитатами о служению родине и благочестивой жизни.

Наконец Эмму и Эрика завели в просто обставленное помещение. На низком столике стоял поднос с дымящимся чаем, рядом разложены их документы, а еще коробка со стопкой доносов. На низком стуле сидела Лунна среднего возраста, облаченная в строгие серые одежды. Высокую прическу украшала единственная шпилька, полностью сотворенная из бриллианта, выточенная в виде императорского символа феникса.

Эмма присела на низкое сиденье напротив. Эрик расположился прямо на полу за спиной Эммы.

Единственным украшением комнаты была ширма с нарисованными черной тушью журавлями, летящими среди легких облаков. Эмме была знакома эта ширма. Раньше она украшала домик Адама в лесной хижине. Она не могла избавиться от вопроса, копия ли это или же ширму специально для нее переправили сюда.

Эмма старалась не смотреть в ту сторону.

Чиновница разлила чай и предложила Эмме чашечку. Та с готовностью приняла и поднесла к губам. С тех пор, как она поселилась у горцев, ей ни разу не приходилось пить чай столь превосходного качества. Он мягко обволакивал рот и таял словно снег, оставляя

ненавязчивую приятную сладость.

— Эта Лунна радуется видеть Лунну Деви во дворце верности. Мы не раз вели беседы с принятии присяги. Семена упали на плодородную почву.

“Все кончено, они знают кто я такая, и играют, перед тем как нанести смертельный удар.” — подумала Эмма.

— Теперь эту лунну ничего не связывает с югом, — сказала она вслух.

— Похвально, похвально, — отметила чиновница. — Императрица щедро награждает верных и сурово наказывает предателей. Посмотрим, посмотрим... — Чиновница прищурилась, разглядывая прошение о браке. — На самом деле, эта Лунна несколько удивилась, увидев на ком остановила выбор Лунна Деви.

— Надеюсь это не будет проблемой? — с ленцой в голосе ответила Эмма. — У этой Лунны никогда не было заклинателя с белыми волосами.

— Так кто же мешает позабавиться в свободное время? Лунне Деви неизвестно, но в Ра не приветствуются связи с горцами. Возможно Лунне Деви стоит передумать.

“Приехали,” — взорвалась очередное предостережение.

— Этой Лунне по нраву нынешний жених. Он хорошо воспитан и послушен. Во время путешествия в столицу, он проявил себя весьма состоятельным в организации комфорта для этой Лунны.

— На что еще способны горцы? — хмыкнула чиновница. — Императрица приказала этой лунне сотрудничать с лунной Деви, поэтому не буду чинить препоны. Итак, поднимите ладонь вверх и повторяйте за мной слова клятвы.

Эмма как в трансе слово в слово повторила за женщиной клятву верности императрице, покорности ее приказам. Как заведенная кукла, Эмма обещала посвятить жизнь процветанию Ра и так далее и тому подобное.

В конце чиновница удовлетворенно поставила подпись на свитке, и выдала Эмме жетон, который превращал ее в законную гражданку.

— А теперь, перейдем к свадьбе. Надеюсь, Лунна Деви оценит милость императрицы. Ей, указом из самого дворца, даруется еще один жених. До конца года ей следует обзавестись третьим и усердно работать на благо нового поколения Ра.

— Ах, — пролепетала Эмма и обернулась к открывающейся двери.

В комнату втолкнули высокую неуклюжую фигуру в буром одеянии, покрытом пятнами и грязью. Голову жениха покрывала красная непрозрачная тряпка. Кислый запах наполнил помещение. На заплетающихся ногах жених проковылял в сторону Эммы и рухнул на пол подле Эрика.

— Эта Лунна благодарит за оказанную честь.... — Эмма не могла собраться с мыслями. — Она бы хотела сама выбрать...

— Лунна Деви успела позабыть слова только что сказанной клятвы? — резко перебила ее чиновница..

— Эта лунна не смеет, она глупа и невежественна, — в страхе залепетала Эмма.

— Определенно, императрица будет довольна отчетом этой лунны, — заключила чиновница, и поставила подпись на заключении брачного договора. — Напишите внизу ваши имена.

Эмма послушно вывела внизу имя Деви, и ее сразу подняли со стула и повели прочь через вторую дверь. Она даже не осмелилась обернуться на Эрика.

В темном помещении, освещенном тонкими свечами, приторно пахло жасмином. Напротив входа на алтаре были расположена таблички с именами прошлой императрицы и ее мужей. В воздухе витал дымок и слышалась тихая музыка. На циновках у алтаря стояли на

коленях невесты с женихами, держа в руках палочки благовоний. Эмма тут же рухнула на колени и с облегчением увидела, как Эрик опускается с одной стороны, а неопрятный жених со второй.

Сама церемония прошла как в тумане. Эмма кланялась, когда следовало кланяться, повторяла слова ритуала вслед за лысым священником.

Она очнулась от транса только обратно в паланкине, плотно прижатая боком к Эрику. Даренный жених сидел напротив, стараясь как можно плотнее вжаться в заднюю стенку паланкина. Он нещадно вонял тухлыми яйцами и сточной водой. Эмме пришлось приоткрыть занавески с обеих сторон паланкина.

Спасибо императрице.

Правда спасибо. Они живы и направляются прочь из дворца, что еще нужно!

Эмма нашла рукой ладонь Эрика и крепко сжала. Посчитав это недостаточным, обвила его за талию и поцеловала в плечо.

— Жена, терпение! — прошептал Эрик.

На самом деле Адам давно предупреждал ее именно о произошедшей ситуации. Императрица отдает неугодных женихов луннам с низким статусом, у которых нет поддержки семьи. Деви попала именно в эту категорию. Она не могла отказаться от прямого приказа императрицы и теперь была связана узами брака с незнакомцем.

Явно далеким от приверженности к личной гигиене.

Впрочем, наблюдая за тем, как тот старается сжаться в комок и отодвинуться как можно дальше, Эмма начала жалеть несчастного.

Вскоре чувство раздражения оказалось сильнее чем жалость. Она мечтала оказаться в объятиях Эрика. Зачем ей второй муж? Что с ним делать? Куда убрать? Можно ли отпустить на все четыре стороны? Нет, за ее поведением явно будут следить.

Ха, именно этот жених и является шпионом!

Он будет жить в их доме, наблюдать за каждым поступком. Сколько они смогут скрывать уклонение от налогов, контрабанду на север в горы Баолян, махинации с подставными лицами? Да их скоро отправят на казнь, а преступление огласят, чтобы еще сильнее разжечь ненависть к горцам.

Замысел императрицы был настолько очевиден и жесток, что у Эммы свело зубы от досады.

Ей хотелось открыть дверцу паланкина и пинком выкинуть нежеланного жениха на улицу.

Эрик почувствовал ее отчаянье и ободряюще сжал ладонь. Эмма медленно выдохнула сквозь зубы, и опять попыталась спрятать лицо на груди у Эрика. На сей раз ей удалось найти положение, в котором лоб упирался в сильное плечо горца, а венец не мешал. Она вдохнула запах мужа, и почувствовала, как уходит раздражение, а мысли проясняются.

— Вот бы скорее оказаться дома! — шепотом сказала она.

Словно ее слова были услышаны милостивыми богами, паланкин остановился и медленно опустился на землю. Нанятые слуги открыли дверцу, протянули руки к Эмме.

Она никогда раньше не видела дверей купленного поместья. Ее кругозор ограничивался одним лишь чердаком и видом из скрытых окошек. Эмма узнала надпись над широкими воротами — “Удел рек и цветов”.

Их встречала целая толпа нарядно одетых людей. Тут были и незнакомые горцы, старавшиеся держаться в тени, слуги, протягивающие на вытянутых руках подносы с приданным, девочки, с волосами подвязанными в две скрученные косицы над ушами, размахивающие полными сладостями корзинами.

Эмма узнала только троих и бросилась к самому высокому и мощному.

— Первый брат! — воскликнула она.

Все это время ее снедала тревога за горцев. Она надеялась на благоразумие Бастинара, который ни при каких обстоятельствах не терял голову. Теперь, увидев их в целости и сохранности, Эмма не могла сдержать улыбку.

— Сестренке следует быть сдержанней, — сказал холодный голос за плечом Дагерана.

— Четвертый брат, — радостно выдохнула Эмма, и протянула руку бледному белокурому горцу.

За прошедшие месяцы Бастинар немного похудел и ныне опирался на изящную трость. На лице застыло суровое выражение, но глаза ласково сверкали при виде Эммы и холодная ладонь крепко сжала ее руку.

— Сестренке следует помочь мужу ступить на порог нового дома, — тихо посоветовал четвертый брат.

Ах, она совсем забыла о традициях! Эмма подхватила тяжелые обитые бисером юбки и обернулась к паланкину.

Эрик уже привстал и терпеливо ждал ее протянутую руку. Их пальцы сплелись и сердце Эммы радостно забило. Под радостные вскрики встречающих, Эрик ступил на землю. Их тут же накрыло дождем из рисинок и пожеланием долгих лет вместе. Девчонки раздавали прохожим конфеты и призывали насладиться сладостью свадьбы.

Эмма с неохотой отпустила руку Эрика и повернулась обратно к паланкину. Второй жених покачнувшись встал на ноги и слепо протянул руку вперед.

В горле Эммы встал ком, шум улицы куда-то исчез. Она не могла отвести глаз от этой руки с изящными длинными пальцами, на которых чернели пять открытых ран на месте ногтей. Эмма осторожно дрожащей ладонью приняла руку жениха и помогла выйти наружу. Она не сразу осознала, что ее громко окликают.

— Сестренка, как ты могла!

Третий брат с широко раскрытыми глазами театрально сжал руки у груди. В отличие от первого и четвертого братьев, на нем не было скрывающего амулета, поэтому в глаза бросалась яркая красота Урмана. Вдобавок, он был празднично одет в расшитую красную рубаху и атласные бордовые штаны. Шею горца украшало золотое изящное кольцо со сложными завитками. В горах Баолян принято собственноручно выковать украшение на свадьбу. Эрик не надел никаких украшений именно потому что жениться они решили в спешке и теперь он выглядел намного скромнее Урмана.

— Как сестренка могла взять второго мужа? Разве, сестренка совсем забыла этого брата?

— Урман, — растерянно пробормотала Эмма и инстинктивно закрыла спиной несчастного второго жениха.

— Этот брат недостаточно красив? Недостаточно послушен? Не слушай злые языки, этот недостойный получил урок из ошибок прошлого. Этот брат не будет ревновать и готов занять любое место в сердце сестренки.

В глазах Урмана появились слезы, а голос стал выше и крикливее.

Прохожие остановились посмотреть на разворачивающийся скандал, поэтому Бастинар захромал к Урману и твердо схватил того за рукав.

— Сейчас не время и не место, — тихо сказал Бастинар.

Эмма досадливо потерла лоб. Ей и так навесили второго мужа. Она сильно скучала по горцам и многим им обязана, поэтому не в силах отказать. Ладно, где двое там и третий. Урман прекрасно знает, что Эмма не испытывает к нему никаких чувств, но раз ему так сильно припекло жениться, что ей жалко?

— Твоя взяла, — сухо сказала она. — Эта сестра не против.

Эмма глубоко вздохнула, ткань вуали неприятно прилипла к губам. Она с раздражением отцепила ее с крючка и сняла давящий на голову венец, который уже несколько часов нещадно колот и мешал. Дагеран стоял рядом и безропотно принял тяжелое украшение. Он с удивлением посмотрел на Эмму.

Урман тут же затих, широко раскрыв рот. Только Бастинар сохранил присутствие духа, как ни в чем не бывало заковылял внутрь имения. На мгновение обернувшись, четвертый брат несильно пристукнул Урмана тростью по плечу.

— Идем скорее.

— Но как же так? — залепетал Урман, а Бастинар прихлопнул того уже сильнее, чтобы третий не сболтнул лишнего.

— Рады, что сестренка вернулась домой, — кашлянув, пробасил Дагеран.

Он тоже повернулся к дверям в поместье и жестом показал слугам с приданным прошествовать внутрь.

Эмма внезапно вспомнила наставления Эрика, о том, как следует вводить мужа в дом. Она подошла к горцу и зацепила нижний край покрывала. Медленно подняла до уровня губ.

— Теперь мы станем мужем и женой по всем правилам, — тихо сказала она, качнувшись на носках.

Сначала, прикосновение губ к губам было целомудренным. Но потом, Эмма осознала, как сильно скучала по тихой уверенности Эрика, по его способности понимать ее без слов, и ей захотелось показать, как сильно она ценит его, как безбрежно любит. Их свадьба омрачилась присутствием другого, но в ее сердце Эрик первый и единственный. Поцелуй становился все глубже, ее руки сами собой сомкнулись на шее Эрика, а покрывало опустилось, на сей раз отделяя их обоих от окружающего мира.

— Я люблю тебя, — прошептала Эмма в губы Эрика.

Она отстранилась, помогла ему полностью снять покров. Волосы Эрика оказались несколько всклокочены, а щеки порозовели, от чего он выглядел еще прекрасней. Она крепко прижалась к нему и повернулась в сторону поместья, но Эрик мягко остановил ее.

— Жена, не забудь об Арлане.

После свадьбы, первого мужа следовало звать Йилань, а второго Арлань и так далее.

Эмма наивно думала, что на нее это правило никак не распространится, но жизнь, как всегда, внесла свои поправки. Теперь ей нужно было ввести в дом совершеннейшего чужака.

“Его пытали. Он еле стоит на ногах,” — подумала Эмма.

Нежеланный жених ждал ее, чуть покачиваясь. К ногам Эммы словно привязали тяжелые булыжники, но она упрямо шла к незнакомцу. В любом случае, ей нужно быть покорной воле императрицы и завершить свадьбу.

Она дотронулась до засаленного края покрывала и потянула его вверх. Открылась белая шея с выраженным кадыком, затем подбородок без тени щетины. Губы, припухшие, словно искусанные красиво очерченные. Эмма долго смотрела на эти губы, не решаясь на поцелуй.

Она чувствовала, что это будет изменой.

Но тут губы жениха разомкнулись и он сказал всего лишь одно слово.

— Эмма...

Это был знакомый голос. Эмма не перепутала бы его ни с кем другим. Как же это возможно? Она даже не надеялась, что подобное может произойти.

Только Эрику было знакомо ее настоящее имя. Эрику и...

Поддавшись порыву, Эмма обняла жениха за тонкую талию и потянулась к губам. Это было, как вернуться домой. Знакомое притяжение, с которым она раньше привыкла бороться, окутало ее с головы до ног и заставило прильнуть к стройному телу. Только целомудренное прикосновение губ к губам, и Эмма тут же сдернула покрывало, чтобы удостовериться в своей догадке.

Тонкий нос, лучистые глаза осененные невозможно длинными ресницами, но... Прежде высокий чистый лоб ныне пятнала уродливая черная татуировка, словно паук раскинувший лапы от переносицы до бывшей линии волос.

“Предатель.”

Вот такая надпись ныне бросалась в глаза при взгляде на когда-то прекрасное лицо заклинателя. Голова выбрита чьей-то жестокой до халатности рукой. Рубцы и шрамы, там, где прежде были блестящие черные волосы.

Эмма поднесла руку ко рту в ужасе, а потом обняла и крепко прижала его к себе.

— Жива, госпожа, жива, — хрипло проговорил он. — Все происшедшее, все страдания выпавшие на долю госпожи, это вина недостойного. Ошибка этого заклинателя.

Внезапно, тело в руках Эммы обмякло. Адам упал бы на пол, но тут подоспел Эрик и сумел поддержать второго мужа под руки. Эрик подхватил заклинателя за плечи и под колени, затем легко как пушинку поднял, тоже с любопытством разглядывая лицо.

— Знаменитый Айгуо Цзианью, — они с Эммой обменялись понимающими взглядами. — Воистину колесо судьбы переменчиво, однажды ты наверху, через мгновение — внизу.

Они прошествовали втроем в ворота усадьбы. Эмма впереди, как полагается хозяйке, позади первый муж на руках нес второго.

Эмма думала о том, что подобным ходом императрица убила разом двух зайцев — с одной стороны подарила Деви то, чего та отчаянно желала, тем самым заручившись верностью южанки. С другой стороны, Адама клеймили как преступника и пытали. Интересно, в чем заключалось его преступление? Эмма подозревала, что вопреки сказанному заклинателем, вина в его невзгодах именно на ней. Для Адама брак с Деви ничто иное, как еще одно наказание и унижение.

Императрица просчиталась.

Эмма не хотела второго мужа, но она искренне переживала за закливателя и не желала ему ничего плохого. Она решила сделать все возможное, чтобы облегчить тому жизнь. Ей ничего от него не нужно. Кроме...

Если они воссоединились, то может быть ей удастся осуществить заветное желание. Эмма никогда не оставляла надежду связаться с родителями. Адам ее единственная ниточка к дому.

Они оба ошибались, не доверяя друг другу. Может быть сейчас, когда их соединили узы брака, они смогут навести мосты и противостоять врагам. Еще не поздно исправить ошибки, не правда ли?

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net